

Алкоголизм: уголовно-правовые и
криминологические проблемы

Бейсенов Б. С.

1981

Бейсенов Б. С.

Алкоголизм: уголовно-правовые и криминологические проблемы.— М: Юрид. лит., 1981.— 200 с.

Книга посвящена исследованию одной из актуальных проблем советской криминологии и уголовного права — вопросам борьбы с так называемой «алкогольной преступностью» и мерам ее предупреждения. Используя материалы практики борьбы с «алкогольной преступностью», опыт работы в этой области органов внутренних дел, прокуратуры, суда и общественных организаций Казахской ССР, автор показывает, что пьянство - это одна из причин преступности, вносит и обосновывает предложения и рекомендации о дальнейшем совершенствовании законодательства и практики по предупреждению алкоголизма и преступности, связанной с ним.

Для научных работников, юристов и медиков, преподавателей, аспирантов и студентов юридических вузов.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
1 Алкоголизм как социальное явление	8
1.1 Алкоголизм и алкогольная политика эксплуататорских обществ	8
1.2 Основные причины отдельных проявлений алкоголизма в социалистическом обществе	10
1.3 Становление и развитие антиалкогольной политики Советского государства .	12
1.4 Алкоголизм и антиалкогольная политика	17
2 Алкоголизм как причина преступности	22
2.1 Пьянство и алкоголизм и их связь с преступностью	22
2.2 Простое алкогольное опьянение и преступность	28
2.3 Совершение преступлений в состоянии привычного пьянства, алкогольной наркомании и хронического алкоголизма	31
2.4 Иные формы влияния алкоголизма на преступность. Виктимогенное значение пьянства	34
2.5 Криминологическая оценка значения алкоголизма как причины преступности	38
3 Ответственность и основание ответственности за преступления, совершенные на почве пьянства и алкоголизма	43
3.1 Вопрос о значении опьянения в уголовном законодательстве дореволюционной России и современных капиталистических стран	43
3.2 Борьба с преступлениями, совершаемыми в состоянии опьянения, по законодательству зарубежных социалистических государств	49
3.3 Развитие советского законодательства по борьбе с пьянством и преступлениями, совершенными в состоянии опьянения	51
3.4 Проблема обоснования ответственности за преступления, совершенные в состоянии опьянения, по советскому уголовному законодательству	56
3.5 Институт ответственности за преступления, совершенные в состоянии опьянения	86
4 Меры борьбы с преступлениями, совершенными на почве пьянства и алкоголизма	90
4.1 Индивидуализация ответственности и наказания за деяния, совершенные в состоянии опьянения	90
4.2 Психическое отношение лица к факту опьянения и индивидуализация ответственности за деяние, совершенное на этой почве	93
4.3 Степень опьянения как обстоятельство, влияющее на меру ответственности за деяния, совершенные на почве пьянства	97
4.4 Общественная опасность личности виновного и индивидуализация ответственности лица, совершившего деяние на почве привычного пьянства или хронического алкоголизма	105
4.5 Принудительные меры медицинского характера и применение их к лицам, совершившим деяние на почве привычного пьянства или хронического алкоголизма	109

ВВЕДЕНИЕ

Алкоголизм в медицинском, биологическом смысле — заболевание, наступающее в результате частого, неумеренного потребления спиртных напитков и болезненного пристрастия к ним¹. В широком смысле алкоголизм понимается как социальное явление, совокупность всех вредных влияний на здоровье, быт, труд и благосостояние общества, которые развиваются в связи с неумеренным потреблением спиртных напитков (рост преступности, влияние на производство и др.)². Для изучения этого явления необходим комплексный подход.

Комплексное изучение проблем, связанных с алкоголизмом, предполагает их исследование представителями различных отраслей наук (экономистами, биологами, медиками, социологами, психологами, юристами и др.).

Социально-бытовой аспект этой проблемы всецело относится к предмету изучения общественных, особенно правовых, наук. Криминология и уголовное право исследуют алкоголизм с целью раскрытия механизма совершения так называемых «алкогольных» правонарушений и разработки мер эффективной борьбы с ними, их профилактики.

Неуклонное повышение жизненного уровня, сознательности трудящихся при социализме, всестороннее развитие личности способствуют постепенному ослаблению и окончательному устранению пережитков прошлого в быту, в том числе и алкоголизма как социального явления. Объективная закономерность развития социализма такова, что все чуждые ему явления должны быть постепенно преодолены. Однако это не исключает, а, наоборот, предполагает активное влияние самого общества на ускорение процесса устранения, ликвидации таких явлений.

«Не может быть победы коммунистической морали без решительной борьбы с такими ее антиподами, как стяжательство, туеядство, клевета, анонимки, пьянство и т. п., — подчеркивал товарищ Л. И. Брежнев. — Борьба с тем, что мы называем пережитками прошлого в сознании и поступках людей, — это дело, которое требует к себе постоянного внимания партии, всех сознательных передовых сил нашего общества»³.

Та острота, с которой наша партия ставит задачу борьбы с пережитками прошлого, обусловлена не какой-то тенденцией роста указанных отрицательных явлений, в том числе пьянства, ибо такой тенденции нет, а прежде всего тем, что пьянство совершенно нетерпимо в условиях становления и развития коммунистических отношений в целом.

Объективные условия развития нашего общества создают все предпосылки для полного искоренения негативных явлений. Например, рост материального благосо-

¹Больными алкоголизмом признаются люди, чрезмерно употребляющие алкогольные напитки, зависимость которых от алкоголя достигла той степени, когда возникают физические и психические болезненные нарушения, антиобщественные поступки и нарушение социальной и экономической деятельности, вследствие чего такие лица требуют лечения. См.: Bridgett R. Alcoholism and its Treatment. Neth. soc. Jerv. J., 1973, 83.

²См.: БСЭ. 2-е изд. М., т. 2, с. 116.

³Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1971, с. 84.

стояния и культурного уровня советских людей должен привести к непрерывному, постоянному и устойчивому снижению алкоголизма в нашей стране.

В век атомной энергии, сплошной электрификации, автоматизации и механизации, колоссального увеличения средств транспорта даже простое нарушение ритма работы отдельных механизмов, вызванное работником в состоянии опьянения, становится опасным для общества, для производства. Вот почему и в условиях развитого социализма необходима действенная борьба с алкоголизмом. В связи с этим ЦК КПСС в постановлении «Об улучшении работы по охране правопорядка и усилении борьбы с правонарушениями» поставил перед партийными, советскими, правоохранительными органами и общественными организациями задачу последовательно и настойчиво вести борьбу против пьянства и алкоголизма¹. Этой проблеме уделяли самое серьезное внимание выдающиеся умы человечества. В их трудах содержится немало интересных и важных положений об алкоголизме. Однако только марксизм-ленинизм дал подлинно научное объяснение этому общественному злу.

К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин вскрыли социально-экономические корни алкоголизма, его неразрывную связь с эксплуататорским, капиталистическим строем. Они считали основным условием ликвидации алкоголизма — уничтожение самого капиталистического общественного строя.

Лев Толстой, Джек Лондон, Максим Горький и другие выдающиеся писатели в своих произведениях показали сущность алкоголизма и характеризовали его как социальную язву. В статье «Пора опомниться!» Л. Н. Толстой писал: «Вино губит телесное здоровье людей, губит умственные способности; губит благосостояние семей и, что всего ужасней, губит душу людей и их потомство, и, несмотря на это, с каждым годом все больше и больше распространяется употребление спиртных напитков и происходящее от него пьянство»².

И. М. Сеченов, И. П. Павлов, С. С. Корсаков, С. С. Сербский, В. И. Бехтерев и другие представители русской медицинской науки заложили научные основы изучения алкоголизма как болезни, как фактора, приводящего к резким психопатологическим изменениям личности. И. М. Сеченов и С. С. Корсаков посвятили этой проблеме свои докторские диссертации³. В частности, И. М. Сеченов, опираясь на огромный фактический материал и экспериментальные исследования, доказал отрицательное влияние алкоголя на азотистый обмен, функции нервной системы и мышц, температуру тела и т. п.

Тем не менее многие вопросы, связанные с борьбой против алкоголизма, все еще недостаточно исследованы. До сего времени они изучались главным образом представителями биологической науки. Ученые-обществоведы, в том числе юристы, уделяли исследованию алкоголизма меньшее внимание.

В 20-х годах правительство Союза ССР и союзных республик издало множество специальных законодательных актов, регулирующих организацию здравоохранения и хозяйственно-экономические вопросы, связанные с профилактикой алкоголизма. В них предусматривались меры воздействия на пьяниц и самогонщиков.

Одновременно с совершенствованием законодательства по вопросам борьбы с алкоголизмом в нашей стране проводились социологические и криминологические исследования проблем, связанных с алкоголизмом. В начале 30-х годов появились монографические работы А. А. Герцензона «Алкоголизм и преступность в РСФСР» (М., 1931), И. Шепилова «Алкоголизм и преступность» (М., 1933), О. Помелова «Алкогольный тупик» (Харьков, 1931) и ряд научных и научно-популярных брошюр,

¹См.: Правда, 1979, 11 сент.

²Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 26. М., 1936, с. 443.

³Сеченов И. М. Материалы для будущей физиологии алкогольного опьянения. СПб, 1860; Корсаков С. С. Об алкогольном параличе. М., 1887.

сборников статей, в которых была показана связь алкоголизма с отдельными видами преступности.

Однако с середины 30-х годов вплоть до 1956 года в печати наступает определенный спад активности правового изучения проблем алкоголизма. За этот период не издавалось практически ни одного серьезного исследования по указанной проблеме.

Выдвинутая Коммунистической партией и Советским правительством задача окончательного искоренения преступности требует, чтобы юридическая наука основное внимание сосредоточила на изучении причин преступности и мер ее предупреждения. В конце 50 — начале 60-х годов вышли в свет научные исследования, посвященные изучению личности преступника и причин преступности в СССР¹. В них нашли отражение и некоторые результаты научного изучения проблем, связанных с алкоголизмом.

Вопросы борьбы с алкоголизмом как с социальным явлением стали предметом обсуждения на научных конференциях, посвященных проблемам судебной психиатрии и уголовного права. Так, на научной конференции по судебной психиатрии, состоявшейся в 1958 году в Москве, в ряде докладов, выступлений было дано обоснование ответственности лиц, совершивших преступление на почве опьянения².

В 1976 году в Киеве проведена по данной проблеме междуведомственная научная конференция, в работе которой приняли участие представители 18 союзных министерств и ведомств, а также ряда научных учреждений. Рекомендации, выработанные на данной конференции, приобрели значение методического руководства в деле организации практических мер борьбы с пьянством и алкоголизмом.

В постановлении Совета Министров СССР от 16 мая 1972 г. «О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма» предложено министерствам и ведомствам, а также Комитету по печати при Совете Министров СССР³ и редакциям центральных и местных газет и журналов более активно использовать печать, радио и телевидение, кино, зрелищные мероприятия, лекционную пропаганду, физическую культуру и спорт в целях усиления противоалкогольной пропаганды, разъяснения огромного вреда, наносимого пьянством здоровью людей, воспитанию детей и подростков, всему советскому обществу⁴.

Несмотря на возросший интерес к проблеме борьбы с пьянством и алкоголизмом и их последствиям, в правовом аспекте ее имеется еще немало неизученных, спорных и нерешенных вопросов. На наш взгляд, недостаточно исследованы, например, связь алкоголизма с преступностью; патофизиологический механизм опьянения, связь совершенного пьяным деяния с обычными свойствами (социальными качествами) этого лица, с одной стороны, и с его психикой, измененной состоянием опьянения, — с другой; нет точной криминологической оценки значения алкоголизма как причины преступности, нечетко определено место алкоголизма среди других причин и обстоятельств, способствующих совершению преступлений; мало разработан вопрос об индивидуализации наказания и мер воздействия, применяемых к лицам, совершившим преступление на почве случайного или систематического пьянства, и т. д.

¹См.: Сахаров А. Б. О личности преступника и причинах преступности в СССР. М., 1961; Герцензон А. А. Введение в советскую криминологию. М., 1965; Вопросы методики изучения и предупреждения преступлений. Под ред. А. А. Герцензона. М., 1962; Пионтковский А. А. К вопросу о причинах преступности в СССР и мерах борьбы с ней. — Сов. государство и право, 1959, № 3; Миронов Н. Р. О некоторых вопросах предупреждения преступности. — Сов. государство и право, 1961, № 5; Яковлев А. М. Об изучении личности преступника. — Сов. государство и право, 1961, № 11, и др.

²См.: Проблемы судебной психиатрии, сб. IX. М., 1961.

³Ныне Государственный комитет СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.

⁴СП СССР, 1972, № 11, ст. 61.

В последние годы в союзных республиках приняты и действуют законы, направленные на профилактику проявлений алкоголизма, в частности на усиление мер борьбы с пьянством и самогоноварением. Но практика применения этих законов, например в Казахской ССР, еще не обобщена. Все это еще раз подчеркивает особую актуальность изучения вопросов, связанных с алкоголизмом.

Алкоголизм — предмет изучения нескольких наук: (токсикологии, физиологии (патофизиологии), психиатрии (психопатологии), психологии (общей и социальной, а также патопсихологии), социологии, права (криминологии, общей части уголовного права) и т. п. В литературе более или менее полно освещен медицинский аспект этой проблемы, в частности клиника, лечение и профилактика алкогольных заболеваний, морфологические изменения нервных тканей под действием алкоголя, патофизиологический механизм патологического и обычного опьянения и др. Недостаточно исследована психологическая сторона проблемы, а именно патопсихология личности, находящейся в состоянии опьянения¹ или страдающей алкогольными заболеваниями, патопсихологические механизмы склонности пьяных к совершению антиобщественных поступков и т. п.

В данной работе в основу психологического и патопсихологического анализа поведения опьяневших лиц положена «теория установки» психологической школы Д. Н. Узнадзе, физиологическую почву которой составляет материалистическое учение И. П. Павлова о высшей нервной деятельности. Эта теория изучает закономерности проявления «установок» как неосознаваемых форм высшей нервной деятельности, приводящих «к поведению, имеющему приспособленный характер, предполагающему учет и логическую переработку множества сложных признаков и несущему поэтому на себе отпечаток «разумности»².

Теория «установки» рассматривается нами как наиболее приемлемая для изучения психологии личности и изменения ее под влиянием опьянения. Ни одна другая психологическая теория, на наш взгляд, не дает возможности объяснить, почему некоторые пьяные лица, фактически лишены понимания окружающего, все же совершают внешне разумные и более или менее мотивированные поступки, установить и юридически оценить наличие известной связи между конкретными преступлениями и личностью преступника.

За последнее десятилетие опубликован ряд интересных исследований по правовому изучению проблемы алкоголизма³. В них рассматриваются теоретические вопросы, методика и результаты исследования эффективности административно-правовых, трудовых и гражданско-правовых мер борьбы с пьянством, обосновывается необходимость широкого применения противоалкогольного законодательства, даются практические рекомендации по усилению роли государственных органов и общественности. Эти исследования безусловно помогли нам в работе над раскрытием настоящей темы.

¹Эксперименты по изучению патопсихологических изменений действия фиксированных установок пьяных лиц, проведенные Б. И. Хачапуридзе, являются единственными изысканиями в этой области. См.: Хачапуридзе Б. И. Проблема и закономерности действия фиксированной установки. Тбилиси, 1962, с. 162—163, 271—272.

²См.: Бассин Ф. В. К проблеме «бессознательного». — Вопросы философии, 1962, № 7, с. 112—124.

³См.: Дегтярев И. Л., Ключниченко А. П. Административно-правовые средства борьбы с пьянством. Киев, 1972; Правовые формы борьбы с пьянством и алкоголизмом. Киев, 1976; Ткачевский Ю. М. Правовые меры борьбы с пьянством. М., 1974; Лебедев Д. А., Попов Л. Л. Роль общественности в борьбе с пьянством. М., 1973; Бахрах Д. Н. Административно-правовые меры борьбы с пьянством. М., 1973; Казанцев М. А. Борьба с пьянством и алкоголизмом гражданско-правовыми методами. Л., 1974; Шилова В. И. За коммунистический быт (по материалам судебно-следственной практики). Л., 1975; Габани А. Уголовная ответственность за преступления, совершенные в состоянии опьянения. Тбилиси, 1968.

ГЛАВА 1. АЛКОГОЛИЗМ КАК СОЦИАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ

1.1 Алкоголизм и алкогольная политика эксплуататорских обществ

Алкоголизм — порождение эксплуататорских обществ. В докапиталистических формациях он еще не получает такого широкого распространения, как впоследствии при капитализме¹.

Являясь результатом социальных условий, существующих в эксплуататорских обществах, алкоголизм, как и преступность, получает наиболее широкое распространение именно в эпоху господства капиталистических отношений и превращается в неотъемлемый придаток, необходимое следствие всей структуры общества. Всеобщее распространение алкоголизма с охватом всех слоев общества обусловлено целым рядом причин.

Органически присущие капитализму антагонистические классовые и социальные противоречия, резкая дифференциация общества на богатых и бедных, невиданный рост прибылей капиталистов и нищеты трудящихся масс, тяжелые условия труда и жизни рабочих и крестьян порождают у большинства чувство безысходности своего положения, разочарования в буржуазной демократии. Определенная часть трудящихся, пытаясь избавиться от этого чувства, прибегает к помощи алкоголя.

Тот же капитализм, совершенствуя производство во всех отраслях промышленности, создал широкую возможность для массового выпуска спиртных напитков. Причины, порождающие алкоголизм и другие антисоциальные явления, при капитализме переплетаются, действуют вместе, взаимно усиливая и обуславливая одна другую. Следовательно, алкоголизм, порожденный самой природой капитализма, становится неизлечимой, все усиливающейся болезнью общества.

Особенно широкое развитие алкоголизм получил в период империализма. Объясняется это тем, что буржуазии в целом выгодно широкое развитие алкоголизма. Содержащиеся в законодательстве капиталистических стран отдельные запретительные и даже карательные меры, если прямо и не направлены на создание благоприятных условий для алкоголизма, то во всяком случае они нисколько не устраняют всех препятствий на пути развития этого явления.

Но было бы неправильным безоговорочно утверждать, что буржуазии и буржуазным государствам выгодны все явления, связанные с алкоголизмом. Известно, что распространение алкоголизма вызывает увеличение преступности в капиталистических странах. Значительный удельный вес в буржуазном мире занимают преступления, инспирируемые капиталистами, их партиями, буржуазными государствами, их органами, а следовательно, выгодные им.

Но совсем иное дело — такие преступления, как, например, ограбления банков и др., наносящие ущерб буржуазии, не отвечающие интересам самих эксплуатато-

¹См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 40; Вандервельде Э. Социализм и алкоголь. Пг., 1918, с. 78; Сикорский И. А. Яды нервной системы. Сборник научно-литературных статей, кн. IV. Киев — Харьков, 1893, с. 92—93.

ров. Следует иметь в виду и то, что буржуазные государства и их органы учитывают недовольство населения, в том числе и определенной части имущих классов, ростом преступности, угрожающей самой их безопасности. Поэтому, проводя политику, которая прямо или косвенно способствует распространению алкоголизма, в отдельных случаях, в конкретных условиях той или иной страны буржуазные государства пытаются приостановить широкое распространение алкоголизма.

Так, в 1920 году в США вошел в силу в форме 18-го дополнения к Конституции США «Сухой закон», принятый конгрессом в 1917 году, которым запрещались «производство, продажа и перевозка, а равно ввоз и вывоз всяких спиртных напитков в США». Проведение его в жизнь встретило яростное сопротивление буржуазии, ранее занимавшейся производством или торговлей алкоголем, а теперь понесшей значительные убытки. Вскоре возникло и получило широкое развитие тайное производство и контрабандный ввоз таких напитков. На черном рынке они продавались по баснословно высоким ценам. На контрабанде и незаконной торговле спиртными напитками наживались появившиеся тогда крупные банды гангстеров и других организованных преступников.

«Сухой закон» фактически потерпел полный провал, и в 1932 году конгресс США был вынужден отменить его.

Неизбежно терпели и терпят крах и любые другие попытки буржуазных правительств в борьбе против алкоголизма. Это объясняется, во-первых, тем, что они направлены в основном на устранение лишь отдельных проявлений алкоголизма, которые невыгодны буржуазии и буржуазным государствам, а во-вторых, тем, что нельзя ликвидировать последствия явления, не ликвидировав коренных причин, порождающих его, т. е. само капиталистическое общество.

Рост преступности показывает загнивание и обреченность самого общественного строя, основанного на эксплуатации человека человеком, является одним из факторов, убедительно доказывающих необходимость его замены новым, социалистическим строем.

Естественно, что идеологи буржуазии, тщетно стремящиеся обосновать неизбежность капиталистического строя, не заинтересованы обнажать его пороки, связывать их с самой природой буржуазного общества.

В связи с этим они всячески стремятся завуалировать действительные причины алкоголизма, для чего ныне выдвигаются различные «теории», объясняющие его распространение психопатологическими, антропологическими и прочими факторами.

Буржуазные ученые, перечисляя различные явления, способствующие развитию хронического алкоголизма, обычно указывают на наследственные, социально-профессиональные, психические и психологические причины. Из числа социально-психологических факторов основной упор делают на географические, климатические, профессиональные. При этом об основных социально-политических факторах, заложенных в самой системе капиталистических отношений, как правило, умалчивают¹.

Истинный смысл всех этих теорий заключается в попытке перенести вопрос из плоскости социальной в медицинскую и биологическую.

¹См.: Алексеев П. С. О пьянстве. М., 1891, с. 80—81; Бунге И. Алкоголизм и вырождение. М., 1914, с. 12—13; Рыбаков Ф. Е. Наследственность и алкоголизм. М., 1910; Эмиль Дюкло. Социальная гигиена. СПТ, 1914; Монтескье Ш. Избранные произведения. М., 1955, с. 356; Rydberg U. Present and Future Trends in Alcohol Research. The British Journal of Addiction, vol. 70, Suppl., 1, April. 1975, pp. 3—11.

Разлагающее действие алкоголя на политическое самосознание трудящихся определяет диаметрально противоположное отношение к нему буржуазного государства, с одной стороны, и политических партий трудящихся — с другой. Если буржуазные государства своей политикой фактически содействуют распространению алкоголизма, ибо это соответствует экономическим и политическим интересам буржуазии, то коммунистические и рабочие партии стремятся предотвратить распространение алкоголизма, ибо в нем они видят серьезную помеху в деле борьбы за интересы рабочего класса. В. И. Ленин говорил, что пролетариат — восходящий класс, он не нуждается в опьянении, которое оглушало бы его или возбуждало, что ему нужна ясность, ясность и еще раз ясность¹.

1.2 Основные причины отдельных проявлений алкоголизма в социалистическом обществе

Социально-экономические факторы, порождающие алкоголизм, действуют и влияют не непосредственно на поведение и психику каждого человека, а опосредствованно, через вторичные условия и факторы. При капитализме действие указанных социально-экономических факторов создает атмосферу массового пьянства, которая в свою очередь, влияет на психику, привычки и нравы людей. Так появляются вторичные, производные от основных, причины алкоголизма, которые по существу являются не чем иным, как разлагающим действием указанных социально-экономических факторов на общественную нравственность и общественное сознание.

Эти вторичные причины как следствие социально-экономических факторов алкоголизма, производные и зависящие от последних, постоянно порождаются и возрождаются ими. Поэтому, пока действуют социально-экономические факторы, питающие алкоголизм, невозможно искоренить и вторичные причины его.

Вторичные причины, хотя и производны от первичных, но обладают определенной относительной самостоятельностью и с устранением первичных не разделяют автоматически их судьбу, а сравнительно долго существуют с теми или иными изменениями и при социализме. Их полное устранение возможно лишь на пути дальнейшего движения нашей страны к коммунизму и немыслимо без активной, действенной борьбы народа, всей общественности и государства в течение длительного времени. Именно эти особенности вторичных причин алкоголизма объясняют наличие в условиях нашей действительности, в условиях развитого социалистического общества отдельных эксцессов или аномалий, связанных с алкоголизмом некоторой части советских людей.

В результате социалистической революции и окончательной победы социализма в нашей стране исчезли социальные и политические силы, заинтересованные в развитии алкоголизма. Более того, народные массы, движимые идеалами коммунистического общества, все глубже познают вредность алкоголизма, ведут активную борьбу против него. Благодаря повышению материального уровня, коренному улучшению жилищных и бытовых условий, развитию культуры и сознательности трудящихся сфера проявления вторичных причин алкоголизма сужается.

Советское государство и Коммунистическая партия постоянно проявляют огромную заботу о здоровье населения.

Закон о здравоохранении, а также постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему улучшению здравоохранения и развитию медицинской науки в стране» свидетельствуют о том, что здоровье человека ценится у нас

¹См.: Цеткин К. Воспоминание о Ленине. М., 1955, с. 50.

как величайшее богатство, без которого невозможно создание материально-технической базы и построение коммунизма.

Все стороны социально-экономической жизни Страны Советов обеспечивают огромные возможности культурного роста советских людей. На базе социалистических, экономических и общественных отношений возникли новые нормы жизни и поведения советского человека. Основная масса советских людей следует этим нормам поведения человека коммунистического общества.

Исходя из известного положения К. Маркса и Ф. Энгельса о том, что обстоятельства в такой же мере творят людей, в какой люди творят обстоятельства, мы можем сказать, что социалистические отношения в такой же мере создали советских людей, в какой советские люди создали новые социалистические отношения. В результате вырос современный советский человек, вполне соответствующий во всех отношениях своему историческому назначению — быть строителем коммунизма.

И все же в нашей стране еще сохранились некоторые причины, порождающие отдельные нежелательные явления, в том числе явление алкоголизма. Имеющие у нас место случаи пьянства среди отдельных советских людей объясняются не наличием социально-экономических факторов алкоголизма, а действием вторичных причин, являющихся фактически выражением пережитков морально-этических воззрений и привычек людей свергнутого капиталистического общества. Их живучесть имеет свои причины. Это — проявление определенной закономерности перехода от капитализма к социализму.

В. И. Ленин писал: «Мы не можем построить коммунизм иначе, как из материалов, созданных капитализмом, иначе как из того культурного аппарата, который взращен буржуазной обстановкой и поэтому бывает пропитан — раз речь заходит о человеческом материале, как части культурного аппарата, — буржуазной психологией. В этом трудность построения коммунистического общества, но в этом же гарантия возможности успешного его построения»¹.

Естественно, что укоренившиеся веками отрицательные привычки людей не могли быть преодолены сразу же после победы социализма. Как указывается в Программе КПСС, «и после победы социалистического строя в сознании и поведении людей сохраняются пережитки капитализма, которые тормозят движение общества вперед»². Сохранение этих пережитков при социализме в известной мере обусловлено отставанием общественного сознания от развития общественного бытия. К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин неоднократно подчеркивали, что производство материальных благ и те отношения, в которые вступают люди в процессе этого производства (общественное бытие), изменяются и развиваются значительно быстрее, чем духовная сторона жизни общества — политические, юридические, художественные и т. п. взгляды и идеи, мораль, религия и др.

Другой источник пережитков капитализма в сознании людей — определенное негативное влияние капиталистического мира, буржуазных нравов, идеологии, культуры. К числу внутренних причин, в той или иной мере способствующих сохранению отсталых взглядов и пережитков прошлого в сознании людей, следует отнести имеющиеся недостатки в воспитательной работе на предприятиях, стройках, в учреждениях, учебных заведениях. Отдельные руководители, а иногда и общественные организации порой мирятся с антиобщественными проявлениями, слабо воздействуют на нарушителей правопорядка, норм коммунистической морали и правил социалистического общежития.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 409.

² Материалы XXII съезда КПСС. М., 1961, с. 408.

Важное место в борьбе за полное преодоление «родимых пятен» капитализма занимает правильная, разумная организация досуга трудящихся, особенно молодежи. Однако и в этом деле у нас имеются серьезные недостатки. Кое-где еще бытуют старые обычаи, обряды и традиции (например, неумеренное употребление спиртных напитков во время праздников и семейных торжеств). В результате опроса граждан, находящихся в вытрезвителях, было установлено, что 3,9% из них потребляли спиртные напитки в честь выходного дня, 16% — обмывали получку, 26% — выпивали в компании, 38% — без всяких причин.

Одним из условий, поддерживающих и питающих пережитки пьянства, следует считать все еще имеющие место нарушения противоалкогольной политики, которую проводит в жизнь Советское государство. В целях всемерного ограничения и постепенного искоренения проявлений алкоголизма государством осуществляется комплекс различных мероприятий: введение государственной монополии на производство и продажу водки, запрещение изготовления, хранения и сбыта самогона и других суррогатных спиртных напитков, утверждение достаточно жестких правил, ограничивающих торговлю спиртными напитками, установление обязательного лечения алкоголиков, привлечение к ответственности за пьянство в общественных местах и на производстве, за вовлечение в пьянство несовершеннолетних и т. п. В каждом населенном пункте нашей страны имеются государственные и общественные предприятия и учреждения, призванные заботиться об организации отдыха трудящихся, об устройстве их быта. В СССР создана и функционирует широкая сеть учреждений, занимающихся противоалкогольной пропагандой и соответствующими оздоровительными мероприятиями.

Нарушение, невыполнение или слабое проведение в жизнь государственных противоалкогольных мер на отдельных предприятиях, в некоторых учреждениях может явиться условием, поддерживающим, оживляющим или даже усиливающим пережитки пьянства в некоторых коллективах или среди определенной части населения.

1.3 Становление и развитие антиалкогольной политики Советского государства

Советское правительство с первых лет своего существования вело последовательную и целенаправленную борьбу с пережитками капитализма, в том числе и с проявлениями алкоголизма. Известно, что в связи с открытием свободной государственной и кооперативной торговли спиртными напитками (постановлениями ЦИК и СНК СССР от 3 декабря 1924 г.¹ и 28 августа 1925 г.²) были изданы правительственные постановления и ведомственные инструкции и приказы, предусматривающие систему мероприятий по борьбе с алкоголизмом.

В частности, 11 сентября 1926 г. СНК РСФСР издал декрет «О ближайших мероприятиях в области лечебно-предупредительной и культурно-просветительной работы по борьбе с алкоголизмом»³, предписывающий Наркомздраву РСФСР усилить систематическое изучение вопросов алкоголизма и дело организации лечения алкоголиков, а также вытрезвления лиц, появляющихся в публичных местах в состоянии опьянения. Кроме того, декрет поручал Наркомздраву и Наркомпросу при участии ВЦСПС усилить антиалкогольную пропаганду и предусматривал конкретные меры по ее организации.

¹См.: Известия ВЦИК, 1924, 4 дек.

²См.: Известия ВЦИК, 1925, 1 сент.

³См.: Вопросы наркологии. Сб. 2. М., 1928, с. 95—96.

7 апреля 1927 г. во исполнение указанного выше декрета НКЮ, Наркомздрав и НКВД издали Инструкцию о принудительном лечении лиц, представляющих опасность для окружающих и не желающих подвергаться соответствующему лечению¹.

Согласно постановлению СНК СССР от 7 августа 1928 г.² Госплану СССР и Наркомфину СССР было поручено в шестимесячный срок разработать и внести в СНК СССР соответствующий доклад о системе мероприятий по замене в едином государственном бюджете СССР доходов от производства и продажи спиртных напитков другими доходами с указанием последовательности проведения этих мероприятий. В этом постановлении перед ЦСУ СССР ставился вопрос о разработке системы учета как прямых расходов государства в связи с алкоголизмом (расходы по социальному страхованию, лечению алкоголиков и т. п.), так и косвенных убытков, которые терпит народное хозяйство от алкоголизма (снижение производительности труда, аварии и т. п.).

29 января 1929 г. СНК РСФСР принял два постановления: «О мерах ограничения торговли спиртными напитками» (вместо отмененного постановления СНК РСФСР от 4 марта 1927 г. «О мерах ограничения продажи спиртных напитков») и «О мерах осуществления борьбы с алкоголизмом»³. Первым из них были запрещены открытие новых торговых точек по продаже водки и водочных изделий в промышленных городах и рабочих поселках, торговля спиртными напитками в праздничные и предпраздничные дни, дни отдыха и накануне, продажа напитков в рабочих клубах, буфетах всех общественных учреждений, местах народных гуляний, а также несовершеннолетним и пьяным. Запрещалась также реклама алкоголя в общественных местах, вокзалах, на улицах, в печати и т. п.

Совет Народных Комиссаров РСФСР предложил городским и поселковым Советам депутатов трудящихся закрыть все торговые точки по продаже водки, водочных изделий, пива и вина, расположенные в непосредственной близости к военным казармам и биржам труда, а также ограничить время торговли указанными напитками и запретить продажу их во время очередных призывов в Красную Армию. Городским и поселковым Советам депутатов трудящихся указанное постановление предоставляло право закрытия всякого места продажи алкогольных напитков, если это необходимо по культурно-общественным соображениям или ходатайству соответствующих рабочих организаций.

Второе постановление «О мерах осуществления борьбы с алкоголизмом» предлагало Госплану РСФСР при составлении пятилетнего плана предусмотреть сокращение производства и продажи водки и водочных изделий, усиление культурно-просветительных мероприятий по борьбе с алкоголизмом, а также создание сети противоалкогольных диспансеров и иных лечебно-предупредительных учреждений. СНК РСФСР признал необходимым увеличить производство и продажу по пониженным ценам безалкогольных напитков, а также спортивного инвентаря и музыкальных инструментов (простейших), расширить сеть чайных-закусочных и рабочих кафе с культурными развлечениями, принять меры по улучшению работы библиотек, читален, театров.

Эти важнейшие законодательные акты легли в основу дальнейшей профилактической, предупредительной и массово-разъяснительной работы по борьбе с алкоголизмом в нашей стране. Они четко выражали позицию государственных и общественных органов в отношении алкоголя, определяли их задачи в борьбе с этим пережитком прошлого.

¹См. там же.

²См.: Ларин Ю. Новые законы против алкоголизма и противоалкогольное движение. М., 1929, с. 29–30.

³См.: Ларин Ю. Указ. работа, с. 25–30.

Но в претворении в жизнь отдельных требований этих постановлений, в частности по контролю и ограничению производства и продажи спиртных напитков, организации принудительного лечения алкоголиков и некоторых других, иногда допускалась бесконтрольность со стороны руководителей ведомств и местных организаций, призванных следить за их исполнением. Стремясь во что бы то ни стало выполнять и перевыполнять планы товарооборотов, многие предприятия торговли нарушали установленные ограничения.

При попустительстве некоторых местных органов власти создалось такое положение, когда в отдельных местностях благодаря «расторопности» руководителей торговых организаций продажа винно-водочных изделий производилась без ограничений. Это не могло не способствовать частичному оживлению пьянства и ослаблению результативности проводившихся противоалкогольных культурно-просветительных мероприятий.

В то время была недостаточно налажена противоалкогольная лечебно-профилактическая работа на местах. Законодательство о принудительном лечении алкоголиков не всегда строго соблюдалось. Психиатрические диспансеры и стационары принимали на лечение лишь лиц, страдающих наиболее тяжелыми и запущенными формами алкогольного заболевания. Вытрезвители в основном выполняли административные функции по изоляции пьяных от общества. И никаких лечебных средств по их вытрезвлению почти не применяли. Противоалкогольные медицинские учреждения не были еще тесно связаны с административными органами и общественностью.

Целый ряд важных мероприятий по борьбе с пьянством был осуществлен в послевоенные годы, когда наша страна, восстановив разрушенное войной народное хозяйство, приступила к созданию развитого социалистического общества. В 1956 году повсеместно стали вводиться ограничения торговли спиртными напитками, были закрыты многие ларьки и палатки по их реализации. В этот период исполкомы областных, городских и районных Советов депутатов трудящихся принимали обязательные решения, в которых предусматривались меры борьбы с пьянством в общественных местах и некоторые ограничения торговли спиртными напитками, а также была введена административная ответственность за нарушение этих обязательных решений.

В постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 15 декабря 1958 г. «Об усилении борьбы с пьянством и наведении порядка в торговле крепкими спиртными напитками»¹ отмечались серьезные недостатки в борьбе с этим злом и намечались конкретные меры по устранению многих причин, способствовавших его распространению. В постановлении говорилось, что пьянство мешает успешному решению исторических задач, стоящих перед советским народом. Поэтому создание нетерпимого отношения к пьяницам и пьянству — одна из важнейших задач партийных, советских, профсоюзных, комсомольских организаций и всей советской общественности.

Претворяя в жизнь указанное постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР, местные партийные и советские органы провели значительную работу по усилению борьбы с пьянством. В каждой союзной и автономной республике, в краях и областях были разработаны и утверждены конкретные мероприятия по реализации постановления партии и правительства. Повсеместно были введены строгие ограничения времени торговли спиртными напитками, запрещена их продажа на предприятиях общественного питания (кроме ресторанов), а также лицам, находя-

¹Бейсенов Б. С. Алкоголизм как причина преступности. Труды Института философии и права Академии наук Казахской ССР, т. 6, Алма-Ата, 1962.

щимся в состоянии опьянения, и несовершеннолетним, повышены цены на водку и коньяк, продаваемые в ресторанах. Предусматривалось также расширение ассортимента и увеличение выпуска безалкогольных и слабоалкогольных напитков, улучшение лечения больных алкоголизмом, усиление антиалкогольной пропаганды в печати, по радио, телевидению. В борьбе с антиобщественными явлениями, в том числе с пьянством, повысилась роль общественности.

После опубликования постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об усилении борьбы с пьянством и наведении порядка в торговле крепкими спиртными напитками» благодаря усилиям партийных и советских органов, всей общественности было достигнуто определенное снижение проявлений алкоголизма.

Так, например, в 1959 году по сравнению с 1958 годом предприятиями общественного питания Казахстана было реализовано крепких спиртных напитков на 36,4% меньше, а число лиц, задержанных за пьянство в общественных местах сократилось на 12,2%. В первом и втором кварталах 1959 года по сравнению с соответствующими периодами 1958 года в Алма-Ате продажа населению ликеро-водочных изделий сократилась соответственно на 2,2% и на 3,3%, а число задержанных в пьяном виде лиц — в первом квартале — на 11,2%, а во втором — на 19,1%¹.

В этот же период во многих республиках были приняты новые законы, специально посвященные мерам борьбы с пьянством и самогонварением, например закон Верховного Совета Казахской ССР от 22 июля 1959 г. «Об усилении общественных и государственных мер борьбы с пьянством и самогонварением в Казахской ССР», предусматривающий меры общественной, административной и уголовной ответственности лиц, совершающих действия, которые могут способствовать распространению пьянства. Такими действиями признаны: появление в пьяном виде и пьянство в общественных местах, нарушение ограничений торговли спиртными напитками, вовлечение несовершеннолетних в пьянство, изготовление и сбыт самогона и других крепких спиртных напитков домашней выработки. Законом предусмотрено также принудительное лечение алкоголиков.

Согласно вновь принятым Уголовным кодексам союзных республик общественно опасными и уголовно наказуемыми деяниями признавались изготовление и сбыт самогона и других крепких спиртных напитков, нарушение ограничений торговли спиртными напитками, вовлечение несовершеннолетних в пьянство и некоторые другие.

Все эти законодательные акты и меры по претворению их в жизнь привели к дальнейшему сокращению проявлений пьянства. В настоящее время алкоголизмом заражено сравнительно небольшое число людей. Однако в условиях, когда построение коммунистического общества стало непосредственной практической задачей советского народа, в нашем обществе вообще не должно быть проявлений пьянства и других пережитков прошлого, несовместимых с коммунистическим бытом и коммунистической нравственностью.

Широкая программа планомерного наступления на пьянство была намечена в постановлениях ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 16 мая 1972 г. «О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма», которое явилось отправным моментом развернутого наступления государственных органов и общественности на пьянство. Оно обязало все партийные и советские органы, общественные организации вести решительную борьбу против пьянства и алкоголизма, разработать систему противоалкогольных мероприятий по развертыванию массово-политической и культурно-воспитательной работы среди трудящихся, повысить эффективность

¹Бейсенов Б. С. Алкоголизм как причина преступности. Труды Института философии и права Академии наук Казахской ССР, т. 6, Алма-Ата, 1962.

общественного и административного воздействия на лиц, злоупотребляющих алкоголем. Постановление составило правовую базу для повсеместного принятия в союзных республиках ряда противоалкогольных нормативных актов, среди которых особое место заняли указы Президиумов Верховных Советов союзных республик 1972 года «О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма». Все союзные и республиканские законодательные акты о мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма создали прочную правовую и организационную базу для искоренения этого явления.

3 июля 1972 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета Казахской ССР, 20 июля 1972 г. опубликовано аналогичное постановление Совета Министров Казахской ССР. В республике на основе этих нормативных актов разработан целый комплекс экономических, культурно-воспитательных, медицинских и административных мер. В частности, значительно сокращено производство водки и крепких водочных изделий; запрещена продажа водки и других алкогольных напитков крепостью 30% и выше не ранее 11 час. и не позднее 19 час; осуществлены совместно с Министерством здравоохранения республики необходимые мероприятия по выявлению, учету и лечению больных хроническим алкоголизмом и т. д.

Особое внимание в решениях ЦК Коммунистической партии, Совета Министров и Министерства внутренних дел Казахской ССР уделялось совершенствованию политико-воспитательной работы среди молодежи и подростков. ЦК ВЛКСМ и Министерство внутренних дел изучили состояние работы комсомольских организаций по усилению борьбы с пьянством и алкоголизмом среди молодежи и подростков, работающих на крупных стройках в Кустанайской и Тургайской областях; совместно с Комиссией по делам несовершеннолетних при Совете Министров республики — состояние воспитательной и профилактической работы среди несовершеннолетних, проводимой государственными и общественными организациями по выполнению постановлений ЦК КПСС и Совета Министров СССР.

Названными выше постановлениями была произведена некоторая кодификация действующих нормативных актов: так, например, утверждение Положения о комиссиях по борьбе с пьянством дало возможность создать повсеместно органы для координации деятельности государственных органов и общественных организаций, направленной на борьбу с пьянством, а также для разработки и осуществления мероприятий по предупреждению и пресечению проявлений пьянства.

При расследовании преступлений, при рассмотрении судами уголовных и гражданских дел либо дел о других правонарушениях, связанных с пьянством и алкоголизмом, судебные органы стали чаще выяснять причины и условия, способствующие пьянству и алкоголизму, и принимать меры к их устранению. Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 11 июня 1972 г. «О задачах судов по выполнению постановлений ЦК КПСС, Совета Министров СССР и указов Президиумов Верховных Советов союзных республик о мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма» обязал суды при установлении неправильного поведения должностных лиц или отдельных граждан, которые своим примиренческим отношением к пьяницам и алкоголикам способствовали распространению пьянства и совершению правонарушений, путем вынесения частных определений ставить вопрос о применении к таким лицам мер общественного или административного воздействия, а при наличии оснований, предусмотренных законом, — и о привлечении их к уголовной ответственности.

1.4 Алкоголизм и антиалкогольная политика

Претворяя в жизнь постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 16 мая 1972 г. «О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма», судебно-следственные органы в тесном взаимодействии с другими государственными органами и общественными организациями осуществляли комплекс мероприятий по активизации борьбы как с пьянством и алкоголизмом, так и с правонарушениями на алкогольной почве.

Благодаря постоянному вниманию к вопросам искоренения пьянства со стороны партийных комитетов, поднятию активности общественности и другим мерам повсеместно сложилась устойчивая система решения этих проблем. Значительно повысилась роль трудовых коллективов и общественных формирований по месту жительства граждан. В производственных коллективах организованы десятки тысяч советов профилактики правонарушений, а по месту жительства трудящихся функционируют тысячи общественных пунктов охраны порядка. Активную антиалкогольную работу проводят комиссии по борьбе с пьянством, созданные при исполкомах местных Советов народных депутатов.

Значительно шире и действеннее стала вестись на местах антиалкогольная пропаганда. По данной тематике в Казахской ССР прочитано лекций и проведено бесед¹:

в 1975 г.—3350;	1978 г.—4242;
1976 г.—3370;	1979 г.—4370;
1977 г.—4101;	1980 г.—4391.

Больше внимания стало обращаться на усиление профилактики пьянства, своевременное удаление из общественных мест лиц, находящихся в состоянии опьянения, и применение к ним установленных законом мер воздействия. Намного возросли возможности и стали более разносторонними средства органов внутренних дел, ведущих борьбу с пьянством: действеннее стала использоваться сила закона; активизировалась деятельность по выявлению и привлечению к уголовной ответственности самогонщиков, шинкарей, лиц, занимающихся спекуляцией спиртными напитками или нарушающими установленные ограничения торговли ими; стали шире применяться меры административного воздействия к лицам, управляющим транспортными средствами в состоянии опьянения, острее реагировать на случаи пьянства подростков и молодежи; активнее выявлять и направлять на принудительное лечение злостных пьяниц; значительно расширилась сеть лечебно-трудовых профилакториев, медицинских вытрезвителей, сформированы подразделения спецмедслужбы, улучшена их оснащенность транспортными и оперативно-техническими средствами. Исходя из накопленного положительного опыта работы по профилактике пьянства и правонарушений, совершаемых на этой почве, выработаны принципы организации, формы координации усилий и методы совместного проведения мероприятий органов внутренних дел, опорных пунктов правопорядка и советов профилактики трудовых коллективов. Выводы и рекомендации, полученные в результате научных исследований вопросов борьбы с пьянством и алкоголизмом, оказывают помощь практическим работникам, осуществляющим эту борьбу.

На всесоюзных и республиканских междуведомственных конференциях по проблемам борьбы с пьянством и алкоголизмом особое внимание уделялось вопросам индивидуальной профилактической работы с лицами, злоупотребляющими спиртными напитками. На этих конференциях были выработаны рекомендации о формах

¹ Автор приводит данные социологических исследований по Казахской ССР.

и методах профилактической деятельности и взаимодействия государственных органов и общественных организаций в деле борьбы с пьянством или алкоголизмом, предложения по совершенствованию практики применения противоалкогольного законодательства, повышению эффективности лечения хронических алкоголиков и усилению антиалкогольной пропаганды¹.

В решении этой проблемы наряду с активизацией применения правовых (уголовных, административных, гражданских) мер воздействия, особое значение приобретают такие реальные факторы профилактики преступности на алкогольной почве, как организация досуга населения, мобилизация общественного мнения на борьбу с пьянством и алкоголизмом.

Профилактика становится важнейшим направлением деятельности медицинских вытрезвителей. В медицинских вытрезвителях введены специальные работники — инспектора по профилактике; в республиканских, краевых и областных центрах при наиболее крупных медицинских вытрезвителях организованы профилактические (методические) кабинеты, многие из которых оборудованы звукозаписывающей аппаратурой, фото- и киноаппаратурой, художественно оформлены наглядной агитацией. В методические кабинеты приглашаются злостные пьяницы и алкоголики вместе с близкими родственниками и представителями предприятий, где они работают, для разъяснения требований антиалкогольного законодательства, проведения бесед о правовых и иных последствиях злоупотребления спиртными напитками.

Оценивая гражданско-правовые формы борьбы с пьянством, следует отметить, что ограничение дееспособности лиц, злоупотребляющих алкоголем и ставящих свою семью вследствие этого в тяжелое материальное положение, не только смягчает последствия злоупотребления спиртными напитками для близких и оказывает индивидуальное воздействие на пьяниц, но и способствует формированию общественного мнения, воспитанию в массах отрицательного отношения к пьянству, имеет большое общепрофилактическое значение.

В работе по профилактике пьянства и алкоголизма важная роль принадлежит средствам массовой информации. В последние годы возросло количество и повысилось качество теле-, радиопередач, разъясняющих вредные последствия пьянства для народного хозяйства, семьи и здоровья. Значительное место этим вопросам уделяется в печати: с 1979 года число антиалкогольных публикаций возросло в 3—4 раза.

Большое значение придается организации наглядной агитации о вреде алкоголя: выпускаются фотовитрины, сатирические плакаты и газеты.

Роль трудовых коллективов в осуществлении профилактической работы неуклонно повышается. Подвергая публичному осуждению тот или иной поступок, коллектив открыто и прямо выражает свое отношение к моральному облику лица, злоупотребляющего спиртными напитками, формирует его общественные позиции. Одна из самых эффективных форм общественной самодеятельности трудящихся, способствующая предупреждению правонарушений и воспитанию граждан в духе коммунистической морали, — товарищеские суды. Постоянная поддержка общественных организаций и администрации предприятий позволяет товарищеским судам положительно влиять на улучшение трудовой дисциплины, сокращение фактов пьянства и нарушений общественного порядка.

Важным фактором в профилактике пьянства является правильная организация свободного времени, всестороннее развитие личности. Как показывают исследова-

¹Подобные конференции проведены 26—28 апреля 1976 г. в Киеве; 19 января 1979 г. — в Караганде и др.

ния, многие из лиц склоняются к злоупотреблению спиртными напитками вследствие низких культурных запросов или отсутствия необходимых условий для разумного досуга. Для успешного решения этих вопросов административные органы координируют свои усилия с партийными, советскими и комсомольскими органами, а также с другими заинтересованными ведомствами.

За последние годы не только значительно расширилась сеть лечебно-трудовых профилакториев, но и одновременно появилась новая форма лечения и трудового перевоспитания хронических алкоголиков — наркологические отделения на промышленных предприятиях, где лечение организовывается без отрыва от работы.

Осуществление указанных выше мероприятий пока не привело к резкому снижению проявлений пьянства и алкоголизма, которые наносят значительный урон производству, здоровью, быту и воспитанию молодежи.

На почве злоупотребления алкоголем все еще совершаются прогулы. Пьянство снижает производительность труда. Оно оказывает отрицательное влияние на семейные отношения (более $\frac{1}{3}$ бракоразводных дел на практике возбуждается сторонами по причине пьянства одного из супругов) и в конечном счете — на воспитание детей.

Все это, на наш взгляд, — следствие того, что не всегда на должном уровне осуществляются на местах намеченные партией и правительством меры по искоренению пьянства; не до конца выполняется программа сокращения производства крепких спиртных напитков и плодово-ягодных вин; торгующие организации и предприятия общественного питания иногда не вникают в суть взаимосвязей планов товарооборота и реализации спиртных напитков и, как правило, стремятся выполнять план товарооборота за счет увеличения продажи спиртных напитков; нет жесткого контроля за соблюдением ограничений мест и времени продажи крепких спиртных напитков; редко применяются предусмотренные законом меры административной ответственности за распитие спиртных напитков в общественных местах.

Случаи нарушения правил ограничения торговли спиртными напитками свидетельствуют о том, что органы Госинспекции по торговле, руководители торгующих организаций, общественные организации, а также другие лица, обязанные проводить в жизнь требования закона по данному вопросу, не всегда выполняют свои обязанности и не принимают действенных мер против таких нарушителей. Например, по Октябрьскому району Караганды из числа лиц, доставленных в 1977 году в медвытрезвители, употребляли спиртные напитки и опьянели:

1. В столовых, кафе, закусочных, чайных, где запрещена торговля крепкими спиртными напитками 2937 человек
2. В ресторанах, где законом ограничен отпуск крепких напитков до 100 г на одного человека 370 человек
3. В магазинах, торгующих спиртными напитками 775 человек

Однако по данным управления Госинспекции по торговле по Карагандинской области за 1977 год переданы для привлечения к административной ответственности в административные комиссии исполкомов 57 нарушителей правил торговли спиртными напитками, из них 25 материалов по Октябрьскому району оставлены административной комиссией без рассмотрения и к виновным не были применены меры воздействия.

Встречаются случаи, когда вопреки существующему законоположению работники торговли и общественного питания за вовлечение несовершеннолетних в пьянство не привлекаются к административной или уголовной ответственности. Комиссии по делам несовершеннолетних и комиссии по борьбе с пьянством исполкомов местных Советов не всегда выясняют, каким образом становятся возможными подобного рода факты пьянства среди несовершеннолетних, и не принимают активных мер к защите их физического и нравственного здоровья. На местах к применению норм закона об ответственности за деяния, распространяющие пьянство, иногда относятся как к кратковременной кампании, связанной с принятием постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 16 мая 1972 г. «О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма». В связи с этим сократилось количество выявленных и преданных суду самогонщиков, спекулянтов, нарушителей правил торговли спиртными напитками.

Названные выше преступные деяния имеют специфическую общественную опасность, представляют собой источник распространения пьянства и преступности и иных антиобщественных явлений. Поэтому неприменение или неэффективное применение законов об ответственности за эти деяния влечет серьезные последствия, значительно снижает остроту борьбы с пьянством и алкоголизмом, а также с преступностью вообще.

Комиссии по борьбе с пьянством не везде стали организующим центром проведения в жизнь законодательства против алкоголизма. Большинство из них сводит свою работу к различного рода проверкам предприятий и проведению по ним заседаний; недостаточно изучают и выявляют факты нарушения противоалкогольного законодательства; не вносят в соответствующие органы и организации представлений об устранении недостатков по их исполнению, ходатайств о направлении на принудительное лечение алкоголиков и злостных пьяниц, об ограничении дееспособности вследствие алкоголизма и т. д.

Таким образом, некоторые проявления пьянства и алкоголизма, несмотря на предпринимаемые партией и правительством меры, все еще имеют место. Кроме того, в условиях отдельных регионов в отдельные периоды они получают более или менее интенсивное развитие. Но это не имеет ничего общего с объективной закономерностью развития нашего общества и несколько не может служить свидетельством отсутствия необходимых социально-культурных условий или материально-экономических предпосылок для полного искоренения пьянства. Наоборот, оно чуждо образу жизни людей общества развитого социализма и бытует у нас как результат допускаемых нарушений, искажений или непоследовательного проведения в жизнь антиалкогольной политики, установленной партией и Советским государством. Поэтому ЦК КПСС своевременно и обоснованно поставил в постановлении «Об улучшении работы по охране правопорядка и усилении борьбы с правонарушениями» перед партийными, советскими, правоохранительными органами и общественными организациями задачу: «Осуществить более действенные меры по профилактике пьянства, усилению общественного и правового воздействия на пьяниц, строгому соблюдению установленных правил торговли спиртными напитками, расширению сети наркологических учреждений, в том числе на предприятиях; активизировать антиалкогольную пропаганду, сделать ее более убедительной и действенной»¹.

Профилактика пьянства и связанных с ним проступков приобретает еще более актуальное значение в свете Основ законодательства Союза ССР и союзных республик об административных правонарушениях, предписывающих (ст. 4) госу-

¹См.: Правда, 1979, 11 сент.

дарственным органам, общественным организациям, трудовым коллективам разрабатывать и осуществлять мероприятия, направленные на предупреждение административных правонарушений, выявлять и устранять причины и условия, способствующие их совершению, на воспитание граждан в духе высокой сознательности и дисциплины, строгого соблюдения советских законов¹.

¹См.: Ведомости Верховного Совета СССР, 1980, № 44, ст. 909.

ГЛАВА 2. АЛКОГОЛИЗМ КАК ПРИЧИНА ПРЕСТУПНОСТИ

2.1 Пьянство и алкоголизм и их связь с преступностью

В Программе КПСС подчеркивается, что в обществе, строящем коммунизм, не должно быть места правонарушениям и преступности. Построение социализма в СССР привело к коренному политическому, экономическому и духовному преобразованию общества. В нашей стране сформировался новый облик человека, которому присущи высокие морально-политические качества. Однако у некоторых советских людей еще сохранились пережитки капитализма, которые проявляются во взглядах на социалистическую собственность и труд, на вопросы быта, семьи, морали и т. п.

В Отчетном докладе Центрального Комитета КПСС XXV съезду партии товарищ Л. И. Брежнев говорил: «Чем выше поднимается наше общество в своем развитии, тем более "нетерпимыми становятся еще встречающиеся отклонения от социалистических норм нравственности. Стяжательство, частнособственнические тенденции, хулиганство, бюрократизм и равнодушие к человеку противоречат самой сути нашего строя. В борьбе с подобными явлениями необходимо в полной мере использовать и мнение трудового коллектива, и критическое слово печати, и методы убеждения, и силу закона— все средства, находящиеся в нашем распоряжении»¹.

Одним из наиболее живучих пережитков прошлого не только в сознании, но и в быту отдельных советских людей является пьянство. Неумеренное потребление алкоголя и связанное с ним опьянение ослабляет тормозную деятельность коры головного мозга, вызывает эмоциональную неустойчивость, резкую смену чувств и настроений. Систематическое потребление алкогольных напитков пагубно воздействует на моральный и интеллектуальный уровень развития личности, вызывает антисоциальные и аморальные побуждения, эгоистические устремления. Все это нередко приводит к совершению преступлений. Хронический алкоголизм влечет за собой физическое и нравственное вырождение личности. Пьянство оказывает отрицательное воздействие на окружающих, особенно на молодежь, и тем самым также способствует увеличению количества правонарушений.

Особенности алкоголизма, прямо или косвенно обуславливающие преступность, известны давно. Многие зарубежные и дореволюционные русские ученые-криминалисты уже в середине прошлого века считали, что алкоголизм и преступность тесно связаны между собой². Хотя большинство ученых-криминалистов из капиталистических стран вынуждены признать алкоголизм одной из причин преступности, но встречаются и такие «исследователи», которые пытаются доказать отсутствие причинной связи между алкоголизмом и преступностью. По мнению некоторых американских криминологов, «потребление наркотиков... уменьшает преступность», так как это якобы «дает другой выход агрессивным тенденциям индивида».

¹Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 78.

²См.: Гернет М. Н. Моральная статистика. М., 1922, с. 201–202.

Советская уголовно-правовая наука считает алкоголизм одной из основных причин преступности¹. Алкоголизм как социальное явление, доставшееся нам «в наследство» от эксплуататорских формаций, в условиях социалистического общества не мог не претерпеть значительных изменений. Будучи в буржуазном обществе массовым, хроническим явлением, внутренне присущим самой природе капитализма, алкоголизм при социализме превращается в чуждый новому обществу пережиток. Естественно, что и влияние его на общественную жизнь стало иным, чем при капитализме.

Хотя алкоголизм, как в прошлом, остался важным фактором, увеличивающим преступность, однако при социализме существуют и другие факторы, нейтрализующие, ослабляющие влияние алкоголизма на рост правонарушений.

Вместе с тем нельзя недооценивать это опасное для общества явление, способствующее совершению преступлений и других антиобщественных действий. Необходимо учитывать, что в связи с отпаданием основной социальной причины преступности и изменением характера и мотивов совершающихся ныне преступлений значение алкоголизма среди других причин преступности сравнительно возросло.

Так, в 30-е годы по корыстным мотивам совершалось 25–30% убийств при отягчающих обстоятельствах, а в настоящее время — не более 8%. Зато возросло количество убийств, совершаемых в состоянии опьянения, — большей частью из хулиганских побуждений или в драках и ссорах².

В настоящее время уголовная статистика, учитывая преступления, совершаемые в состоянии опьянения, четко наметила круг этих деяний. В основном это — преступления насильственного характера, а также совершаемые по корыстным мотивам главным образом в состоянии опьянения и нередко с целью добыть средства на выпивку.

Данные судебной практики 1957–1965 гг. подтверждают отмечавшуюся учеными закономерность о том, что наиболее часто на почве алкоголизма совершаются убийства, телесные повреждения, изнасилования, побои, оскорбления и другие преступления против личности, а также хулиганские поступки, нарушения дисциплины на транспорте, влекущие тяжелые последствия, и т. п.³

Еще в 1957 году в своей речи на второй сессии Верховного Совета СССР V созыва депутат А. Ф. Горкин отмечал: «Материалы Верховного Суда СССР свидетельствуют, что 70% всех осужденных за умышленное убийство совершают преступление в состоянии опьянения»⁴. По данным Верховного Суда Казахской ССР этот же показатель в 1957 году по республике составил 80,6%, в 1958 году — 79,9%, а в 1962 году — 76%⁵. В 1964 году по данным прокуратуры Казахской ССР 63,3% зарегистрированных убийств совершено лицами, находившимися в состоянии опьянения⁶.

На основании специального изучения уголовных дел в судах Ю. Г. Милько отмечает, что более 63% осужденных за нанесение тяжких телесных повреждений совершили преступление на почве опьянения⁷. В 1964 году в РСФСР аналогич-

¹См.: Пионтковский А. А. Указ. работа, с. 93–94; Бейсенов Б. С. Указ. работа; Алкоголизм — путь к преступлению. М., 1966, и др.

²См.: Герцензон А. А., Смирнов Л. Н. Клеветнические измышления Маураха Г. — Сов. государство и право. 1961, № 4, с. 135.

³См.: Пионтковский А. А. Указ. работа, с. 93; Касаткин Ю. П. К изучению конкретных причин, вызывающих преступления. — Ученые записки Таджикского государственного университета, т. 11, вып. 4. Алма-Ата, с. 137.

⁴См.: Правда, 1959, 27 дек.

⁵См.: Бейсенов Б. С. Указ. работа.

⁶См. там же.

⁷См.: Милько Ю. Г. Ответственность за тяжкие телесные повреждения по советскому уголовному праву. М., 1959, с. 185.

Таблица 2.1

Наименование преступлений, совершенных несовершеннолетними	Совершено в состоянии опьянения (в %)	
	1977 г.	1978 г.
1. Умышленное убийство	66,3	66,7
2. В т. ч. убийство при отягчающих обстоятельствах	80,0	87,0
3. Умышленные тяжкие и менее тяжкие телесные повреждения	57,6	62,7
4. Изнасилование	87,9	60,0
5. Грабеж против личного имущества	71,1	68,0
6. Разбой против личного имущества	80,1	77,0
7. Хулиганство (всех видов)	70,8	67,3
8. Кража государственного имущества	36,7	34,3
9. Кража личного имущества	24,2	26,3
В среднем все преступления	48,8	48,7

ные преступления в состоянии опьянения были совершены 71 % осужденных¹, а в Казахской ССР — 66,2%².

Одно из наиболее опасных правонарушений, приводящих часто к тяжелым последствиям, — управление транспортом в нетрезвом состоянии. Как показывает статистика, виновниками большинства автодорожных происшествий являются лица, управляющие транспортом в состоянии опьянения. Так, 45,5% осужденных за преступления этого рода в 1960 году попали на скамью подсудимых за последствия вождения автотранспорта в нетрезвом виде³. В 1964 году этот показатель в целом по республике составил 40,9%, а в отдельных областях Казахской ССР он был значительно выше (в Чимкентской — 52%, в Джамбулской — 60%).

Изучение дел о грабежах и разбойных нападениях, рассмотренных судами Казахстана, показывает, что в отдельные годы число лиц, совершивших подобные преступления под влиянием алкоголя, колеблется от 60 до 70%, а из числа осужденных за сопротивление представителям власти и общественности категория таких лиц составляет 85—90%.

Около половины всех преступлений, совершенных несовершеннолетними, связано также с употреблением спиртных напитков. В частности, по данным проведенного социологического изучения установлено, что в 1977—1978 гг. по Казахстану более 48% осужденных несовершеннолетних совершили преступления в состоянии опьянения (см. табл. № 2.1).

Эти цифры свидетельствуют о том, что одна из основных причин преступности среди несовершеннолетних — пьянство.

Преступления, как правило, совершаются чаще всего людьми, склонными к злоупотреблению алкоголем. Таким образом, особо опасные преступники и рецидивисты обычно больше подвержены пьянству, нежели лица, совершившие впервые менее опасные преступления.

Роль алкоголя в этиологии опасных и особо опасных составов преступлений более значительна, чем в менее опасных. Например, если в этиологии неосторожных убийств значение алкоголя проявляется в 28,5% случаев, то для умышленных

¹См.: Известия, 1965, 27 июня.

²См.: Бейсенов Б. С. Указ. работа.

³См. там же.

убийств эта цифра повышается до 48,5%, а для умышленных убийств при отягчающих обстоятельствах — до 73,1%¹.

Влияние алкоголя прослеживается значительно чаще у лиц, совершивших повторное преступление, чем у тех, кто впервые привлечен к уголовной ответственности. Так, при обследовании повторно осужденных к лишению свободы установлено, что среди них количество лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения, составляет 63,5%. Среди повторно осужденных за тяжкие телесные повреждения и хулиганство процент лиц этой категории соответственно повышается примерно на 20—30%. Осужденные за убийство и изнасилование совершают повторное преступление, как правило, в состоянии алкогольного опьянения².

Пьянство и алкоголизм особое влияние оказывают на рецидивную преступность.

По статистике судимости в Казахской ССР на почве пьянства или с целью приобретения спиртных напитков совершают повторные преступления, в среднем 85—90% лиц, освобожденных из мест лишения свободы, и $\frac{3}{4}$ из этих лиц признаны судами хроническими алкоголиками. Установлено также, что 80% рецидивистов, как правило, систематически злоупотребляют алкоголем.

В 1979 году по Казахстану из всех совершенных рецидивистами преступлений в состоянии опьянения совершено 95,5% убийств, 93,3% изнасилований, 83,3% тяжких телесных повреждений, 97,9% хулиганств.

Характерно, что лица, обязанные воздержаться от употребления спиртных напитков в связи со спецификой своей работы, совершают значительно меньше преступлений, непосредственно связанных с их профессией, чем те, кто не имеет к данной профессии отношения. Скажем, для профессионального шофера управление автомобилем в нетрезвом состоянии является не только правонарушением, но и серьезнейшим нарушением трудовой дисциплины, своих служебных обязанностей.

Анализ динамики совершения преступных деяний доказывает влияние алкоголизма на уровень преступности. Как правило, увеличение потребления спиртных напитков сопровождается ростом преступности. Это подтверждается увеличением количества преступлений против личности, общественной безопасности и т. п. в праздничные, выходные и предвыходные дни, когда спиртных напитков потребляется значительно больше, чем в обычные дни.

Изучение динамики и распределения по дням недели пьяных, доставленных в медицинские вытрезвители, показало, что в пятницу и субботу их поступает в три раза больше, чем в остальные дни недели (включая и воскресенье).

В воскресные, субботние и праздничные дни совершается большинство хулиганских проявлений, убийств, уголовно наказуемых автодорожных происшествий. При этом обращает на себя внимание тот факт, что в связи с введением двух выходных дней в неделю «пик» пьянства теперь падает на субботу и пятницу, а «пик» преступлений — на субботу и воскресенье, видимо, как следствие начатой накануне пьянки. Таким образом, выявляется корреляционная связь календаря пьяниц и преступников. Однако это не значит, что количество преступлений прямо пропорционально количеству потребленного населением алкоголя. При одних и тех же показателях уровня потребления населением алкоголя число преступных проявлений в конкретных условиях данного времени и данной местности может либо увеличиваться, либо уменьшаться в зависимости от влияния на состояние преступности

¹См.: Серебрякова В. А. Вторичное использование статистических карточек на обвиняемого для изучения преступности. — Сб.: Вопросы предупреждения преступности, вып. 1. М., 1965, с. 40.

²См.: Пинчуков В. И., Клейменов Т. А. Из опыта изучения личности преступников-рецидивистов. — Сов. государство и право, 1965, № 5, с. 102—103.

других противодействующих факторов, к которым относятся активность государственных органов и общественных организаций по предупреждению преступлений, состояние экономики, постановка культурного обслуживания населения и др.

Как показывают факты, от роста или снижения алкоголизма зависит процент лиц, совершивших преступление на почве пьянства. Так, в 1925—1927 гг. в связи с открытием торговли водкой в стране заметно возросло потребление алкоголя. А. А. Герцензон отмечал увеличение в это время роли алкоголизма в этиологии преступности. Если в 1925 году количество совершенных преступлений в состоянии опьянения от общего числа преступников составляло лишь 7,5%, то в 1926 г. — уже 19,9%, в 1927 г. — 23,6%, а в 1928 г. оно достигло 26,3%.

Особенно заметна роль алкоголя в так называемых бытовых преступлениях, и в первую очередь в преступлениях против личности¹.

Если возрастание потребления спиртных напитков обычно приводит к увеличению правонарушений, то успехи борьбы с алкоголизмом и сокращение его проявлений вызывают снижение уровня преступности². При этом резко сокращается количество преступлений против личности, против общественной безопасности и других противоправных деяний, наиболее тесно связанных с алкоголизмом.

Согласно постановлению ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 15 декабря 1958 г. «О мерах борьбы с пьянством и наведением порядка в торговле спиртными напитками», постановлению ЦК КПСС «Об улучшении работы по охране правопорядка и усилении борьбы с правонарушениями»³, а также постановлению Совета Министров СССР «О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма» от 16 мая 1972 г. повсеместно проводятся мероприятия по усилению борьбы с пьянством и алкоголизмом. В частности, ограничено время продажи спиртных напитков и резко сокращено число мест их продажи; введена наценка на водку и другие крепкие напитки; установлена норма отпуска этих напитков посетителям ресторанов; запрещена продажа всех алкогольных напитков лицам, находящимся в состоянии опьянения, и несовершеннолетним; разработана и последовательно проводится в жизнь программа, включающая широкий круг профилактических мер — от массовой пропагандистской, индивидуальной воспитательной работы до продуманной организации досуга людей, особенно молодых. Общественные пункты охраны порядка стали боевыми штабами микрорайонов, где планируются и осуществляются согласованные действия милиции, дружинников. Встречая твердый отпор, лица, злоупотребляющие спиртными напитками, опасаются совершать противоправные деяния. Преждевременно говорить, что их полностью усмирили, но налицо сокращение потребления алкоголя и уменьшение преступности и правонарушений.

Специальное изучение материалов уголовной статистики и практики судебно-следственных органов, проведенное с целью установления закономерности и тенденции развития структуры преступности в республике, показало, что наиболее распространенными в настоящее время являются умышленные насильственные преступления (убийство, телесные повреждения, изнасилование, хулиганство), удельный вес которых составляет более половины общей преступности, и корыстные преступления против личной и социалистической собственности (в основном кражи), удельный вес которых — около 25%; а среди неосторожных преступлений

¹См.: Герцензон А. А. Современная преступность и алкоголизм.— Сов. государство и революция права, 1930, № 3, с. 129—130.

²По данным М. Гернета ограничение часов продажи спиртных напитков в воскресные дни привело в Стокгольме к тому, что число арестов в этот день сравнялось с числом арестов в будни,— а в России запрещение продажи спиртных напитков, по крайней мере, временно, оказало положительное влияние на состояние преступности (См.: Гернет М. Указ. работа, с. 204—205).

³Правда, 1979, 11 сент.

наиболее распространенными остаются нарушения правил движения и эксплуатации автотранспорта: удельный вес их в общей преступности колеблется в пределах 6—7%. Указанные выше категории преступлений, в целом составляющие более $\frac{4}{5}$ всей преступности, в основном совершаются на почве пьянства и алкоголизма. Отдельные из этих категорий преступлений (например, хулиганство) более чем в 90% случаев, а другие (например, автотранспортные преступления) — не менее чем в 50% случаев в своей причинной основе имеют мотивы действия лица, сформированные последним в состоянии опьянения либо направленные на приобретение им таковой возможности. Отсюда без преувеличения можно заключить: не будь пьянства и алкоголизма, не было бы тех преступлений, которые составляют большую часть показателей уголовной статистики, в первую очередь умышленных насильственных, бытовых и корыстных преступлений.

Кроме того, среди этого круга деяний есть и такие, совершение которых в большей степени связано с пьянством и алкоголизмом, нежели это обычно получает отражение в данных уголовной статистики. Например, автотранспортные преступления, субъекты которых, будучи формально трезвыми в момент их совершения, нередко бывают виновными в совершении аварии, явившейся следствием употребления спиртного накануне (скажем, вследствие рассеянности и нечеткой реакции на внезапно возникшее препятствие на пути), что не всегда поддается учету статистики. Дела о хищениях, совершенных с целью добыть средства на распитие спиртных напитков или сопровождавшихся систематическими попойками участников их совершения, уголовной статистикой также не учитываются как совершенные на почве пьянства. А разбойные нападения и грабежи совершенные по тем же мотивам и основаниям, значительно чаще и больше связаны с пьянством, нежели о том обычно свидетельствуют данные статистики.

Точно так же есть немало преступлений (чаще всего корыстных), которые по статистической отчетности вообще не входят в круг деяний, связанных с пьянством (должностные, хозяйственные и др.), но тем не менее совершаются чаще всего на почве пьянства (с целью, скажем, добыть средства на попойки и кутежи).

Таким образом, в причинно-мотивационной основе большинства совершаемых ныне преступлений лежит алкоголь. Такая общая оценка значения алкоголизма как причины преступности дает основание говорить о том, что решение задачи искоренения преступности в значительной мере зависит от успехов в борьбе с пьянством и алкоголизмом. Следовательно, борьба за искоренение пьянства и алкоголизма — есть в то же время и борьба за искоренение преступности.

Конечно, значительное снижение преступности не может объясняться одним лишь уменьшением потребления алкоголя населением. Только на основании изменения количества проданных алкогольных напитков никаких выводов о причинах роста или снижения преступности делать нельзя, потому что причины эти сложны и к одному лишь алкоголизму как таковому не сводятся. И все же, изучая основные факторы совершения преступлений по стране, можно прийти к выводу, что в период развитого социализма алкоголизм как фактор преступности приобретает определяющее значение. Более того, в дальнейшем все будет возрастать роль мер, направленных на предупреждение преступлений, связанных с пьянством.

В нашем обществе трудно представить себе вора, грабителя или разбойника, совершающего преступные деяния из нужды, чаще всего их толкает на это желание покутить на добытые средства. В ряде случаев алкоголизм является и непосредственной причиной хищений, хотя на совершение этих преступлений он оказывает чаще косвенное влияние. Разгульный образ жизни, сопровождаемый частыми выпивками, толкает иногда лиц, имеющих доступ к государственным или общественным материальным ценностям, на совершение растрат и сокрытие их следов, что

в свою очередь ведет к совершению подлогов и даже умышленному истреблению государственного имущества путем поджогов. Многие случаи мелкой спекуляции вызываются не чем иным, как стремлением путем легкого заработка получить деньги на выпивку. Скрытая форма влияния пьянства на преступность проявляется и в моральном разложении, деградации отдельных лиц вследствие систематического неумеренного употребления спиртных напитков.

2.2 Простое алкогольное опьянение и преступность

Простым, или обычным, опьянением называют острое отравление алкоголем, вследствие которого временно нарушаются функции высшей нервной деятельности и теряется нормальная реакция на окружающее¹.

Алкоголь, являющийся наркотическим ядом, наиболее сильно действует на центральную нервную систему, под его действием нарушается нормальное соотношение процессов возбуждения и торможения в деятельности клеток головного мозга.

Алкогольное опьянение прежде всего влияет на тормозные реакции. В этом состоянии человек нередко делается развязным, несдержанным, теряет способность к самоконтролю. Дальнейшее отравление алкоголем приводит к искажению ответных реакций нервной системы на внешние раздражители. Имея соответствующую установку², лицо, употребившее алкоголь, легко может совершать правонарушения.

Однако каждого подвыпившего или даже пьяного гражданина считать потенциальным преступником было бы, конечно, неверно. Поскольку алкоголь не на всех оказывает одинаковое действие, состояние опьянения у разных людей может привести к различным действиям и поступкам.

Чаще всего алкогольное опьянение не вносит ничего нового в мотивы действия пьяного нарушителя, а выявляет и реализует желания, наклонности, намерения, сформированные у него задолго до опьянения³.

У некоторых людей алкоголь вызывает грустное настроение, ими овладевают воспоминания о пережитых неудачах, несчастьях, обидах и т. п. При этом, даже если эти неудачи и обиды были вызваны их же неправильными действиями, у них все равно может возникнуть чувство озлобленности, негодования, стремление отомстить, «покарать обидчика». Такие чувства, в свою очередь, усиливают возбудимость и настолько ослабляют сдерживающие нервные механизмы, что человек теряет самообладание. Не проявлявшиеся в трезвом состоянии обиды, ревность и т. п. под влиянием алкоголя легко прорываются наружу. Этим объясняется то, что большинство преступлений против личности совершается в состоянии опьянения. Причем большая часть их происходит на почве мести, ревности и т. п., возникших у преступника до этого, но оказавшихся непосредственным мотивом преступного поведения во время опьянения.

Из числа дел об умышленных убийствах, рассмотренных судами Казахской ССР, свыше 30% составляют дела, в которых основным мотивом преступления служили ревность или месть, причем в большинстве случаев неприязненные отношения между убийцей и жертвой сложились задолго до совершения убийства.

¹См.: Стрельчук И. В. Клиника и лечение наркоманий. М., 1956, с. 7; Затуловский М. И. Судебно-психиатрическая оценка состояния опьянения.— Проблемы судебной психиатрии, сб. VI. М., 1964, с. 93; Назарян Р. Алкоголь и психология.— Молодой коммунист, 1967, № 4.

²О понятии установки см. гл. 3 настоящей работы.

³См.: Сегалов Т. Психология хулиганства.— Проблемы преступности, вып. I. М.—Л., 1926, с. 88; Алкоголизм — путь к преступлению, с. 14—15.

В результате ослабления сдерживающих механизмов центральной нервной системы под действием алкоголя нарушаются обычные тормозные реакции, выработанные в процессе индивидуального развития¹. Поэтому в состоянии опьянения человек становится развязным, у него появляется «пьяная храбрость» в словах, поступках и т. п.

Алкогольное опьянение способствует выявлению и реализации ранее не осознанной, но смутно намеченной субъектом преступной цели. Не менее важную роль оно играет в принятии субъектом волевого решения совершить ранее задуманное преступление. В этом смысле алкогольное опьянение — одно из обстоятельств, способствующих совершению преступлений, хотя оно и не имело прямого отношения к формированию данной конкретной преступной цели или умысла.

У некоторых людей алкогольное опьянение приводит к таким изменениям психики, которые могут оказаться единственным субъективным основанием совершенного правонарушения. В этих случаях опьянение способствует не только выявлению скрытых желаний или формированию решимости на совершение преступления, но и созреванию у субъекта преступного умысла².

В результате возбуждения подкорки и нарушения нормальной работы коры головного мозга под воздействием алкоголя появляется неестественно повышенное настроение, чувство самодовольства, беззаботность, развязность, дурашливость, бестактность и цинизм. Такие лица в состоянии опьянения склонны к нарушениям общественного порядка, в частности к совершению хулиганства³.

Изучение дел о хулиганстве, рассмотренных судами Казахской республики, показывает, что свыше 90% осужденных совершили преступные действия в состоянии опьянения. Из всех хулиганских проявлений 18,2% произошли в клубах, кинотеатрах, Домах культуры, 14,4% — в учреждениях, организациях и на предприятиях, 13,3% — в магазинах, ресторанах, столовых, чайных и закусочных, 14% — в общежитиях предприятий и учебных заведений, 15,1% — в квартирах и во дворах жилых домов, 22,6% — на улице, 2,1% — в автобусах, трамваях, троллейбусах и поездах⁴.

Мотивами хулиганских действий осужденных служили пьяное озорство, стремление к «самоутверждению» путем попирания правил общежития и дисциплины.

У одних лиц, предрасположенных к насилию, аффективные нарушения при опьянении проявляются в мрачном, угнетенном настроении, недоверчивости, раздражительности, недовольстве, которые получают внешнюю разрядку в беспричинной придирчивости и агрессивности, доходящей до выискивания повода для ссоры и драки. У других в состоянии опьянения появляются злоба, мстительность, равнодушие и гнев без серьезного повода.

Аффективные проявления как результат действия алкоголя на центральную нервную систему могут быть выражены в сексуальном возбуждении. У пьяного человека нередко ослабевают нравственные чувства, он теряет стыд. Такие люди любят вести разговор на непристойные темы, цинично шутить и т. п., могут совершить изнасилование или другие общественно опасные деяния.

¹См.: Карчикян С. И. Алкогольная интоксикация и нервная система. М., 1959, с. 6.

²С. В. Познышев по этому поводу писал: «Возбуждение, вызываемое алкоголем, является весьма опасным и у многих лиц, сильно предрасполагающим к насилию, оно не только может облегчить развитие и осуществление решимости совершить преступление, но может и вызвать стремление к преступным действиям» (Познышев С. В. Основные начала науки уголовного права. Общая часть уголовного права. М., 1912, с. 453—456).

³См.: Стрельчук И. В. Указ. работа, с. 17.

⁴См.: Бейсенов Б. С. К криминалистической характеристике хулиганства.— Ученые записки Казахского государственного университета, т. VIII. Алма-Ата, 1966.

Судебная практика свидетельствует, что около 70% осужденных по делам об изнасиловании в момент совершения преступления, как правило, находятся в состоянии опьянения.

Следует иметь в виду, что алкоголь зачастую вызывает временное интеллектуальное расстройство. В связи с этим опьяневшие обычно не критичны и легкомысленны; часто руководствуются отдельными и случайными впечатлениями и представлениями, неправильно понимают и истолковывают высказывания других, склонны принимать на свой счет безобидные замечания и усматривать в них личное оскорбление, недостаточно взвешивают смысл слов и возможные последствия своих действий¹.

При опьянении имеют место волевые расстройства и нарушения двигательных функций. Это выражается в недостаточной внутренней психической переработке внешних раздражений и впечатлений, поспешном преобразовании восприятий и представлений в двигательные акты и преждевременной реализации двигательных импульсов и реакций. Под влиянием алкоголя реакция организма на внешние раздражения чрезмерно ускоряется. Психическая переработка внешнего раздражения либо совершенно исчезает, либо становится поверхностной. В результате реакция принимает форму автоматического движения на только еще ожидаемое раздражение, так называемая «преждевременная реакция», которая характерна для состояния алкогольного опьянения. Этим объясняется повышенная возбудимость: и пониженная способность оценки своих действий у пьяных². Все, что приходит пьяному на ум, тотчас реализуется в его действиях. Это приводит к всевозможным импульсивным актам, рефлексорным, безмотивным и бесцельным действиям, внезапным преступным деяниям.

Общее двигательное беспокойство, наблюдаемое в состоянии опьянения, также служит причиной того, что некоторые опьяневшие не могут оставаться дома, их влечет «на люди», они становятся многоречивыми, пристают со своими разговорами к другим, у них появляется «пьяная назойливость». Оказанное со стороны противодействие или кем-то случайно оброненное замечание может вызвать нелепые, бурные реакции, которые нередко кончаются пьяными дебошами и другими уголовно наказуемыми деяниями. Вот почему на практике большинство проявлений хулиганства, сопряженных с сопротивлением власти, совершается пьяными.

Алкогольное опьянение не только может явиться психическим основанием при умышленных деликтах, но и психически обусловить проявление преступной небрежности или самонадеянности (преступной неосторожности). Поэтому советское законодательство признает уголовно наказуемыми правонарушениями некоторые случаи появления на работе в нетрезвом виде. Так, в Казахской ССР ст. 208 УК предусматривает наказание за появление в пьяном виде во взрывоопасных предприятиях и цехах, а ст. 217-1 признает уголовно наказуемым деянием вождение машин в нетрезвом состоянии.

Под влиянием алкоголя ослабляется внимание, происходит притупление или паралич нервной деятельности. При этом степень поражения прямо пропорциональна содержанию алкоголя в нервных клетках. К этим же выводам на основе экспериментальных наблюдений приходит и Е. Я. Соколов, который указывает, что «нарушение внимания находится в прямой зависимости от концентрации алкоголя в крови и чем выше последняя, тем больше снижается у водителя способность концентрировать внимание»³.

¹См.: Ашаффенбург Г. Преступление и борьба с ним. Одесса, 1906, с. 69–70.

²См. там же.

³См.: Тезисы докладов к XI расширенной конференции Ленинградского отделения Всесоюзно-

Кроме того, при опьянении имеют место изменения сознания и самосознания, которые тем глубже, чем сильнее опьянение. Пьяные часто не осознают своего состояния. Это приводит их к наблюдаемой на практике переоценке своих возможностей, способностей и физической силы. Например, под влиянием алкоголя у водителей машин появляются повышенное настроение, излишняя уверенность в своих силах или «азарт» при ослаблении самоконтроля.

Экспериментальными данными также доказано, что у водителей, принимавших спиртные напитки, значительно снижается качество управления машиной при содержании алкоголя в венозной крови в количестве 0,078%. При этом чем выше концентрация алкоголя в крови водителя и чем выше скорость управляемой им автомашины, тем больше нарушается его ориентировка в скорости и тем чаще допускается ее завышение.

Чрезмерно завышая скорость в состоянии опьянения, водитель в то же время утрачивает быстроту и точность реакции на окружающую обстановку. Нарушается соразмерность быстроты реакции водителя и скорости движения транспорта. Это часто приводит к авариям. Как показывает изучение дел об автотранспортных преступлениях, совершенных водителями, находившимися в нетрезвом состоянии, примерно в 45% случаев причиной автопроисшествий явилось превышение скорости или неправильное расположение транспорта по полотну дороги.

Следует учесть также, что в состоянии опьянения появляются функциональные расстройства органов зрения, в результате чего извращается восприятие окружающей действительности. Это, в свою очередь, приводит к нарушениям нормальной реакции на окружающую среду. Так, у пьяных зрачок глаза не сокращается от действия света, предметы дwoятся и различаются неясно, теряется цветоощущение. Красный и зеленый цвета вначале кажутся темными, затем могут восприниматься как серые. В дальнейшем происходит ослабление стереоскопичности зрения. Все это приводит к тому, что большой процент автоаварий совершается нетрезвыми водителями.

2.3 Совершение преступлений в состоянии привычного пьянства, алкогольной наркомании и хронического алкоголизма

С точки зрения медицинской, алкоголизм — болезнь, поскольку влечет за собой патологические изменения, которые вызывают ряд заболеваний, а нередко приводят и к смерти. О специфике алкогольного заболевания имеется обширная медицинская литература. Но вопрос о стадиях развития этого заболевания пока еще изучен недостаточно. Исследователи пока не дали точного определения того, что следует понимать под хроническим алкоголизмом.

В литературе предлагаются самые различные классификации стадий развития этого заболевания. В последнее время большинство авторов признают наиболее совершенной классификацию, предложенную Айви, который всех употребляющих алкоголь делит на: 1) случайно пьющих; 2) умеренно пьющих (около трех раз в неделю); 3) привычно пьющих (ежедневно); 4) неумеренно пьющих (постоянно и в больших количествах); 5) алкогольных наркоманов (страдающих неудержимым влечением к алкоголю с явлениями физической и психической зависимости от него); 6) хронических алкоголиков (с явлениями физического и психического вы-

го научного общества судебных медиков и криминалистов и научной сессии института судебной медицины. М., 1961, с. 290—291.

рождения, деградации)¹. Злоупотребление алкоголем лицами, привычно и неумеренно пьющими, можно назвать бытовым, или привычным, пьянством, а алкогольную наркоманию — ранней, или начальной, стадией хронического алкоголизма².

Лиц, подверженных привычному пьянству, трудно отличить от заболевших начальной формой алкоголизма. Именно на этой стадии злоупотребления алкоголем, длящейся от нескольких месяцев до нескольких лет, алкоголь стимулирует развитие болезненного процесса.

От начальной формы алкогольного заболевания привычное, бытовое пьянство отличается тем, что при последнем еще отсутствует болезненное влечение к алкоголю. Каждый эпизод привычного пьянства, как правило, связывается у пьющих с определенными поводами и обстановкой, а употребление алкогольных напитков обычно происходит в компании. Человеку, подверженному привычному пьянству, нравится обстановка, в которой происходит выпивка: некоторая развязность, приходящая с опьянением, интимность бесед, возможность «забыться», «отвлечься». Количество выпиваемого обычно зависит от конкретной ситуации, состава компании, необходимости выхода на работу на следующий день и иных причин. Привычно пьющие в состоянии по своей инициативе прекратить употребление спиртных напитков, а алкоголик этого сделать не может. Поэтому большинство специалистов считает, что физическая зависимость от алкоголя — основной признак, по которому можно отличить алкоголика от бытового пьяницы.

Бытовые пьяницы, если они вовремя не прекратят злоупотребления спиртным, постепенно теряют способность контролировать количество выпиваемого и могут превратиться в алкоголиков.

Лица, подверженные привычному, бытовому пьянству или страдающие алкогольной наркоманией, чаще всего совершают преступления против собственности и должностные преступления. Это подтверждается анализом уголовных дел о таких преступлениях, рассмотренных судами Казахской ССР. Лица, питающие страсть к алкоголю, постоянно находящиеся в состоянии опьянения, обычно не могут контролировать свои действия и поэтому сравнительно легко решаются на совершение любого преступного деяния.

Кроме того, они могут посягать на государственное и общественное имущество и в трезвом состоянии, так как им всегда недостает денег на спиртные напитки. Занимая свой досуг в основном выпивками, такие люди утрачивают духовные интересы, нередко увлекаются азартными играми, кутежами. Это может привести к тому, что должностные лица совершают хищения вверенных им ценностей. Анализируя причины должностных растрат, можно заметить, что в этиологии этих преступлений видную роль играют два явления — алкоголь и азарт, которые так тесно связаны между собой и переплетены друг с другом, что неизбежно напрашиваются на совместное изучение их влияния на преступность вообще и растраты в частности³.

Изучение судебной практики о хищениях социалистической собственности показывает, что одной из серьезных причин хищений является невнимание к подбору кадров, которым доверяются значительные материальные ценности. В результате этого отдельные пьяницы, проникая на материально-ответственные должности,

¹См.: Рапопорт А. М. О научных исследованиях в области алкоголизма; Бориневич В. В., Пятницкая И. Н. К клинике начальной стадии алкогольной болезни.— В сб.: Алкоголизм. М., 1959, с. 24—25, 62—65.

²См. там же, с. 24—25.

³См.: Гадеонов Н. Н. Влияние алкоголя и азарта на растраты.— В сб.: Растраты и растратчики. М., 1926, с. 107.

присваивают и растрачивают большие суммы государственных и общественных средств.

Например, гражданин Л., продавец одного из райпотребсоюзов Чимкентской области, осужденный за растрату 1499 руб. общественных средств, постоянно находился за прилавком в нетрезвом состоянии, приносил домой выручку из магазина и разбрасывал деньги во дворе своего дома.

Осужденная Г., будучи казначеем профсоюзного комитета зооветинститута, в течение двух лет расходовала профсоюзные средства на пьянки, часто посещала рестораны в обществе сомнительных лиц, В результате она привлечена к ответственности за растрату 3824 руб. общественных средств.

Судебной практике известны также случаи, когда отдельные должностные лица посредством водки, азартных игр и других соблазнов втягивались в противозаконные деяния группы преступников. В частности, имели место случаи, когда те или иные ответственные работники оказывали попустительство хищениям социалистической собственности в крупных размерах.

Водка служит средством подкупа. В связи с этим должностные лица, принявшие «угощение» от правонарушителей, признаются судебной практикой виновными во взяточничестве.

Хронический алкоголизм и алкогольная деградация личности могут обуславливать совершение преступлений и вне состояния алкогольного опьянения. Длительное отравление алкоголем ведет к глубоким изменениям личности: снижаются интеллектуальные и поражаются волевые способности, наступает нравственное вырождение. Лица, страдающие тяжелой формой хронического алкоголизма, обычно утрачивают работоспособность; воля, нравственные представления, чувство собственного достоинства у них постепенно гаснут. Впоследствии они теряют связь с семьей, лишаются постоянной работы.

Организм алкоголиков постоянно требует новых доз спиртного, а подавлять это влечение они не в состоянии. Ради выпивки они готовы обманывать, воровать, совершать любые корыстные преступления и преступления против личности. Нередко преступления, совершенные лицами, страдающими тяжелой формой алкоголизма, отличаются особой жестокостью.

Так, после очередной выпивки алкоголик Г. нанес особо мучительным способом тяжкие телесные повреждения инженеру Т. с целью ограбления, снял с него плащ и сапоги, которые продал за бесценок, и на вырученные деньги купил водки.

Некоторые алкоголики страдают бредом ревности. На почве ревности у них иногда развиваются зрительные и слуховые галлюцинации, им «видится», «слышится» измена жены. В этой связи алкоголики часто истязают, а иногда и убивают жен. Некто Б., страдающий алкогольным галлюцинозом, обвинил свою жену в супружеской неверности и нанес ей удар утюгом по голове, причинив тяжкие телесные повреждения.

Данные произведенной нами обработки значительного числа анкет по законченным уголовным делам последних лет показали, что признаны хроническими алкоголиками и направлены судами на принудительное лечение по месту отбывания наказания одни и те же категории осужденных (см. табл. 2.3).

Как видно из приведенных данных, наибольшее количество хронических алкоголиков падает на такие деяния, как злостное уклонение от уплаты алиментов и содержания детей, бродяжничество и попрошайничество.

Борьба с туеядством и связь его с алкоголизмом достаточно хорошо описаны в юридической литературе¹. Все исследователи единодушны во мнении о том, что

¹ См.: Левицкий Г. А. Некоторые вопросы практики борьбы органов милиции с туеядством.—

Таблица 2.2

Осужденные за преступления,	Из них направлены на лечение	
	в 1978 году %	в 1979 году %
Хищение социалистического имущества путем кражи	5,0	5,0
Умышленные убийства	6,4	8,8
Умышленные тяжкие и менее тяжкие телесные повреждения	7,6	6,9
Изнасилование	3,1	3,2
Злостное уклонение от уплаты алиментов	13,5	13,1
Кража личного имущества	7,4	8,0
Грабеж личного имущества	18,0	7,6
Разбой против личного имущества	2,1	5,0
Хулиганство	6,6	4,3
Хулиганство злостное	5,1	4,5
Хулиганство особо злостное	5,7	6,7
Бродяжничество и попрошайничество	19,0	18,6

ведение паразитического образа жизни большинством тунеядцев является следствием падения и деградации их личности на почве алкоголизма. Большая часть осужденных за бродяжничество и попрошайничество и за злостное уклонение от уплаты алиментов в прошлом — это лица, уволенные с работы за пьянство, прогулы и утратившие связи не только с производством, но и семьей. Среди них немало и таких, которым перевалило за средний возраст и которые деградировали на почве пьянства, утратив нормальные социальные связи. Они неспособны жить в семье и трудиться на производстве.

2.4 Иные формы влияния алкоголизма на преступность. Виктимогенное значение пьянства

Многие алкоголики грубы, циничны, чрезмерно придирчивы к домашним, учиняют дома скандалы и т. п. Без своевременного лечения эти изменения личности могут постепенно еще более обостриться. В результате нередко жизнь родных и близких алкоголика становится невыносимой, и у них может появиться мысль о необходимости избавиться от него. На этой почве иногда совершаются убийства алкоголиков их же близкими, чаще женами.

Пьянство приводит к росту преступности еще и потому, что оно оказывает пагубное влияние на окружающих, особенно на молодежь.

В семьях, в которых спиртные напитки употребляются часто, как правило, постоянно происходят ссоры, брань, драки и т. п. Исследования показывают, что большинство несовершеннолетних правонарушителей вырастают в так называемых «неблагополучных» семьях, где родители (чаще всего — отцы) злоупотребляют спиртными напитками. В таких условиях не может быть и речи о правильном воспитании детей.

Труды Высшей школы МООН РСФСР. М., 1963, № 8, с. 171—186; Гусев Л. Н., Кусков Г. С, Максюков Ф. Г., Утевский Ю. Б. Борьба органов милиции с тунеядством. М., 1964; Ключниченко А. П. Административно-правовая борьба с тунеядством. Киев, 1965; Шляпочников А. П. Борьба с тунеядством — всенародное дело. М, 1966; Жорин А. П. Борьба с тунеядством, Киев. 1972; Шмаков А., Бубенцов А. Нужны разъяснения. — Сов. милиция, 1973, № 4, с. 31—32.

Алкоголь используется взрослыми преступниками-рецидивистами для спаивания подростков в целях вовлечения их в преступную деятельность.

Проведенное социологическое обследование показало, что несовершеннолетние вовлекаются в пьянство и другие антиобщественные поступки в основном лицами, ранее судимыми, не занимающимися общественно полезным трудом, пьянствующими на средства, добываемые преступным путем. Встречаются случаи, когда в пьянство и совершение преступлений вовлекают и своих детей.

Одним из народных судов приговорен по ч. 2 ст. 200³ и ч. 1 ст. 76 УК Казахской ССР к 3 годам лишения свободы А. Ф., ранее судимый к лишению свободы за кражу. Работая охранником складов станции, он систематически пьянствовал, вовлекал в пьянство своих несовершеннолетних детей, которые вместе со своими товарищами — М. и И. — под его руководством совершили ночное ограбление одного из охраняемых им складов, а на добытые деньги приобрели спиртные напитки.

В соответствии с п. 3 постановления Пленума Верховного Суда СССР № 8 от 12 сентября 1969 г. «О судебной практике по делам о вовлечении несовершеннолетних в преступную и иную антиобщественную деятельность» распитие спиртных напитков с несовершеннолетними, в целях облегчения склонения их к совершению преступления должно рассматриваться как способ вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность¹. Судебная практика, применяя указанное выше положение постановления Пленума Верховного Суда СССР, исходит, как правило, из посылки, что в данном случае имеется в виду факт разового спаивания несовершеннолетнего лицом, вовлекшим его в преступную или иную антиобщественную деятельность. Случаи же неоднократного спаивания в целях последующего его вовлечения в преступную деятельность суды квалифицируют как самостоятельные деяния, т. е. совокупность преступлений, а не как одно преступление способ совершения другого.

При спаивании несовершеннолетнего даже без цели последующего вовлечения его в преступную деятельность не подлежит сомнению роль алкоголизма как средства совершения преступления против общественной нравственности и нравственно-психического здоровья молодежи: несовершеннолетний оказывается жертвой как бы двойного коварства — коварства взрослого и алкоголя. Это особенно бросается в глаза по делам о вовлечении в пьянство малолетних, не достигших 16-летнего возраста. Общественная опасность этого рода деяний обратно пропорциональна возрасту и прямо пропорциональна уровню падения нравственного и физического здоровья жертв, т. е. тем больше, чем меньше возраст последних и чем больше их нравственное и физическое падение.

Факты систематического пьянства взрослых с несовершеннолетними вскрываются обычно в связи с совершением после совместной пьянки серьезного преступления в соучастии или без такового. Поэтому на практике случаи привлечения взрослых к уголовной ответственности за вовлечение несовершеннолетних в пьянство чаще всего имеют место как способ, средство последующего вовлечения их в ту или иную преступную или антиобщественную деятельность.

Общественная опасность вовлечения несовершеннолетних в пьянство характеризуется развитием раннего пристрастия к алкоголю и распространением пьянства со всеми пагубными его последствиями, в том числе приобщения к преступной и иной аморальной деятельности.

Пьянством обуславливаются и такие преступления, как самогонование, незаконное изготовление и сбыт других спиртных напитков домашней выработки, шинкарство и нарушение ограничений торговли спиртными напитками. Причинная

¹ См.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР, 1924—1977. М., 1970, с. 501.

связь этих деяний с пьянством очевидна. Все они, будучи сами обусловлены пьянством, в то же время способствуют пьянству, а следовательно, и преступности. Поэтому лица, совершившие подобные правонарушения, преследуются в уголовном порядке или же подвергаются иным, не уголовным мерам правового и общественного воздействия.

Наконец, алкоголь может явиться средством, облегчающим совершение преступления. Пьяные сами часто становятся жертвами преступлений. Судебной практике известен, например, особый вид корыстного преступления — раздевание и обкрадывание пьяных. Это преступление нередко совершается в городах на виду у всех, но однако не всегда вовремя пресекается. Воры в таких случаях, как правило, выдают себя за родственников или знакомых жертвы и свои действия в отношении пьяного объясняют заботой о нем же, а потерпевший не в состоянии противодействовать этому.

Истинное лицо союзника преступлений алкоголь раскрывает и в деяниях, совершаемых путем предварительного спаивания преступником своей жертвы. Таким образом нередко совершаются преступления против личности, в частности изнасилования (особенно несовершеннолетних), убийства и т. п.

Нередко способствующим совершению изнасилования условием может служить поведение самой потерпевшей, опьяневшей в результате чрезмерного употребления спиртного.

Так, механизаторы одного из совхозов Н-ского района С. И. и С. Я., придя на центральную усадьбу совхоза для приобретения водки в пивном ларьке, встретили находившуюся в нетрезвом состоянии медсестру С-х. По приглашению С-х они распили в ее доме купленную водку. В поисках спиртного для продолжения пьянки они втроем выехали на автомашине в соседнее отделение совхоза. В пути следования продолжали употреблять имевшуюся водку и окончательно опьянели. Обратившись С-х решила возвращаться пешком. Ее догнал С. И. и, изнасиловав, оставил раздетую на снегу. Вслед за ним ее изнасиловал и С. Я. и тоже ушел. Впоследствии С-х была найдена мертвой от переохлаждения на том же месте.

По данным В. С. Минской (изучавшей специально вопрос о виктимности по делам о преступлениях против личности), потерпевших от изнасилований, совершенных вследствие или в связи с их (потерпевших) безнравственным поведением и вместе с осужденными распивавших спиртные напитки перед преступлением, оказалось 42,5%¹. По ее мнению, алкогольное опьянение, «воздействуя на психику человека, стимулирует процессы возбуждения, что ставит человека в провоцирующую позицию: пробуждает в нем агрессивность, половой инстинкт, управление которыми затрудняется из-за ослабления процессов торможения. Эта провоцирующая позиция выступает постоянным криминогенным фактором»².

Особенно значительна роль алкоголизма как виктимогенного фактора по делам о насильственных преступлениях, совершаемых по мотивам бытового характера. Общественная опасность тяжких насильственных бытовых преступлений в условиях научно-технической революции, освоения новых технико-экономических мощностей и географических районов и связанной с ними интенсивной миграцией населения велика. Но она несколько не уменьшается, а еще более возрастает там,

¹См.: Минская В. С. Личность потерпевшего и ее криминологическое значение.— В сб.: Потерпевший от преступления. Владивосток, ДГУ, 1974, с. 82.

² Там же. В этой же связи Франк Л. В. пишет: «Агрессивность, половая распущенность, склонность к употреблению алкоголя, жадность, деспотизм в отношении близких и подчиненных и тому подобные отрицательные стороны личности потерпевшего обуславливают в определенной степени его линию поведения, которая в свою очередь способствует созданию иногда виктимогенной обстановки». Франк Л. В. Виктимология и виктимность. Душанбе, 1972, с. 46—47.

где слабо поставлена идеологическая и политико-воспитательная работа, особенно профилактика антиобщественных явлений, пьянства.

В отдельных областях, городах и районах бытовые мотивы почти полностью определяют характер наиболее опасных преступлений. Основная масса бытовых преступлений совершается в жилых массивах городов и рабочих поселков. Бытовая преступность города в основном состоит из бытового и уголовно наказуемого хулиганства, в то время как в сельской местности наиболее распространены опасные преступления против личности. Там ежегодно на почве бытовых отношений совершается около половины умышленных убийств, тяжких и менее тяжких телесных повреждений.

Основная масса бытовых преступлений совершается лицами, не занятыми общественно полезной деятельностью, или лицами, отрицательно характеризующимися по месту учебы или работы. Культурный и общеобразовательный уровень осужденных за эти преступления очень низок, им свойственны ограниченный кругозор и примитивные интересы и потребности.

В силу этих обстоятельств лица, осужденные за бытовые преступления, в своем большинстве либо хронические алкоголики, либо бытовые пьяницы. Многие из них совершили это деяние в состоянии алкогольного опьянения. Значительная часть конфликтов, послуживших поводом к совершению преступления, имела в своей основе опоры об отыскании средств на приобретение алкогольных напитков.

Абсолютное большинство потерпевших по делам о бытовых преступлениях — в основном родственники, близкие знакомые преступников, причем чаще всего женщины (жены и сожительницы). В основе конфликтов, предшествовавших преступлению в этих случаях, как правило, лежали несложившиеся супружеские отношения, ревность, споры о разделе или использовании совместного и личного имущества.

Выборочным виктимологическим изучением поведения потерпевших по делам о преступлениях против личности установлено, что каждый третий потерпевший по делу об умышленном убийстве участвовал с виновным в обоюдной драке или ссоре или совершил в отношении виновного противоправные действия, унижающие его достоинство. При этом более половины потерпевших находились сами в состоянии опьянения, а одна третья часть потерпевших употребляла спиртные напитки вместе с виновными перед совершением последними преступления.

Таким образом, определенная часть лиц, пострадавших от преступлений на почве употребления алкоголя, оказывается сама повинной в провокации опасных для себя действий со стороны виновных, нередко допуская явное пренебрежение к опасности развития конфликта или не будучи в состоянии противодействовать ему в силу опьянения. В связи с этим виктимологическое изучение бытовой преступности, связанной с пьянством, может быть полезно с точки зрения использования его данных в деле усиления профилактики подобных преступлений путем целенаправленного воздействия на лиц, которые с наибольшей вероятностью могут оказаться жертвами преступных посягательств в силу своего неосмотрительного поведения, особенно в состоянии опьянения.

Наконец, виктимологическое изучение дел о неосторожных преступлениях против личности также свидетельствует о значительной криминогенной роли алкоголизма по этим делам.

Способность потерпевшего правильно воспринимать окружающее, сознавать социальную значимость происходящего и избирательно реагировать на ситуацию, с тем чтобы избежать возможности оказаться жертвой преступления, — все это в значительной степени зависит от личностных особенностей и состояния потерпевшего на момент посягательства. Состояние потерпевшего в момент совершенного

на него посягательства, в частности опьянение, может значительно ограничить возможности правильной оценки создавшейся ситуации и соответственно, правильного выбора ответной реакции на нее. Поэтому не случайно жертвами неосторожных преступлений часто оказываются лица, находящиеся в состоянии опьянения.

По данным Р. М. Михеева, по делам о неосторожных преступлениях 52% потерпевших в момент происшествия находились в состоянии опьянения различной степени, т. е. каждый второй потерпевший от неосторожных преступлений против личности оказывается в виктимогенной ситуации вследствие употребления алкоголя¹. «Это значит, что алкогольное опьянение потерпевших — один из основных виктимогенных факторов, способствующих совершению неосторожных преступлений против личности. Поэтому система государственных и общественных мер борьбы с пьянством должна быть направлена и против пьяных «кандидатов в потерпевшие» еще на стадии довиктимного состояния»².

2.5 Криминологическая оценка значения алкоголизма как причины преступности

Тесная взаимосвязь между алкоголизмом и преступностью неоспорима. В данном случае речь идет не только о количественных взаимосвязях указанных социальных явлений или корреляционной и функциональной (статистической) зависимости. Они находятся между собой также в причинноследственной, взаимообуславливающей связи. Неумеренное употребление спиртных напитков — причина многих правонарушений. Имеются даже преступные деяния, совершение которых порождается временными изменениями психики субъекта под влиянием алкогольного опьянения. На почве алкоголизма может появиться устойчивое изменение личности и развитие ее антиобщественной установки, что опять-таки влечет за собой преступные деяния. Алкоголизм обуславливает рост преступности также косвенно, отрицательно влияя на окружающих или являясь средством, облегчающим совершение преступлений.

Основной причиной многих преступлений является наличие у части граждан индивидуалистических взглядов и установок, т. е. пережитков прошлого в сознании, которые получают реализацию в преступных посягательствах при определенных (объективных и субъективных) условиях и обстоятельствах³.

Преступление, — как пишет В. К. Звирбуль, — всегда результат определенного формирования личности и ее взаимодействия с конкретной ситуацией. Причем причинную основу преступности и преступлений составляют определенные социально-психологические детерминанты, т. е. те или иные традиции, нравы, взгляды, привычки, которые, образуя обязательный и ведущий компонент механизма совершения конкретных преступлений, обуславливают существование преступности. А в социалистическом обществе — это те негативные явления (дефекты) в сфере общественного и индивидуального сознания, которые противоречат идеологии и правосознанию социалистического общества: антиобщественные традиции, нравы, взгляды, привычки людей⁴.

Рассматривая роль алкоголизма как причины преступности, следует различать его криминопровоцирующее и криминогенное значения. Под криминопровоциру-

¹См.: Михеев Р. М. Личность и поведение потерпевшего.— В сб.: Потерпевший от преступления. Владивосток, 1974, с. 73.

²Там же, с. 74.

³См.: Сахаров А. Б. Указ. работа, с. 212.

⁴См.: Криминология. М., 1979, с. 69.

щим значением алкоголизма имеются в виду его свойства вызывать острое опьянение и тем самым объективировать, выявлять вовне антиобщественные установки, намерения или желания лица либо облегчать совершение преступлений. Это имеет место: во-первых, когда под влиянием алкоголя на психику лицо приобретает волевою решимость и в пьяном состоянии совершает явно соответствующее его антиобщественной установке преступное деяние, которое оно в трезвом виде смутно желало совершить, но решимости его выполнить у него не доставало; во-вторых, когда алкоголь употребляется намеренно для совершения задуманного преступного деяния; в-третьих, когда преступник использует беспомощное состояние опьяневшей жертвы или применяет алкоголь для спаивания соучастника или жертвы преступления.

Значение алкоголя как причины преступного поведения в таких случаях чисто внешнее (объективное). Ведь в психологической (субъективной) основе подобных преступных деяний лежат антиобщественные установки, мотивы поведения субъекта. Действие алкоголя (т. е. опьянение), — как указывал В. И. Курляндский, — является «как бы катализатором, способным ускорить реализацию главной причины (пережитков прошлого в сознании. — Б. Б.) и облегчить осуществление преступного намерения»¹.

Основное криминопровоцирующее свойство алкоголя не связано с формированием субъективной психологической основы преступного поведения — антиобщественной установки, тенденции субъекта и мотивов его действия. Правы в этом смысле те исследователи, которые считают, что алкоголь ничего нового не вносит в поведение лица, совершающего преступления на почве опьянения. Известный советский общественный и государственный деятель А. В. Луначарский в докладе «Упадочное настроение среди молодежи (есенинщина)», прочитанном на секции литературы и искусства Коммунистической академии 13 февраля 1927 г., указывал: «Неверно то утверждение, будто корнем тех или иных социальных явлений является водка. Это неверно. А вот если злой корень поливать водкой, то он дает хорошие ростки»².

Подобного взгляда на психологию преступлений, совершаемых в состоянии опьянения, в частности хулиганства, придерживаются Н. С. Лейкина и Д. И. Киларджишвили. Н. С. Лейкина пишет, что «усиление под действием алкоголя двигательных импульсов и аффективных разрядов с одновременным ослаблением деятельности высших регулирующих и контролирующих центров может явиться поводом для хулиганских действий, может облегчить совершение их, но не является источником их»³. Д. И. Киларджишвили подчеркивает, что «нельзя никак отрицать прямую зависимость хулиганства от пьянства». «Пьянство, — пишет он, — приводит социально неустойчивые, дезорганизованные элементы общества в такое состояние, при

¹В. И. Курляндский различал основные причины совершения преступлений и условия, способствующие этому. К основным причинам преступности он относит пережитки капитализма в сознании людей и враждебные происки лагеря империализма. По его мнению, эти основные причины приводят в конечном счете к совершению конкретного общественно опасного деяния, но для этого требуется наличие определенных объективных и субъективных условий («причины второго порядка», «катализаторы»), которые облегчают и ускоряют действие основной, главной причины. См.: Курляндский В. И. К вопросу об изучении причин и условий, способствующих совершению преступлений. — Труды Военно-политической академии им. В. И. Ленина, вып. 17. М., 1957, с. 120—134; Сов. юстиция, 1957, № 4.

²Луначарский А. В. Собр. соч., т. 2. М., 1964, с. 345.

³Лейкина Н. С. Уголовно-правовая борьба с хулиганством. Л., 1947, с. 259.

котором потенциальные возможности хулиганства получают действительную, кинетическую форму выражения»¹.

Эту точку зрения на второстепенное значение алкоголя в природе преступлений, совершаемых в состоянии опьянения, наиболее полно развил и подробно обосновал А. Б. Сахаров. Он, не оспаривая отрицательного воздействия алкоголя на любого человека, указывает, что не каждый ведет себя в состоянии опьянения вопреки требованиям социалистической морали и советского правопорядка, что даже в этом состоянии человек не сделает того, что совершенно чуждо его натуре. Далее А. Б. Сахаров заключает: «Следовательно, то, что иногда в поведении пьяного кажется неожиданным и случайным, в действительности является, как правило, результатом расторможенной вследствие опьянения антиобщественной сущности субъекта, в большей или меньшей степени скрытой до этого»².

Эти выводы криминалистов полностью подтверждаются данными клинической и судебной психиатрии, в частности известными советскими исследователями алкоголизма И. В. Стрельчуком, А. М. Халецким и др., тщательно изучавшими клинику алкогольного опьянения. И. В. Стрельчук пишет, что обычно в состоянии опьянения выявляются и заостряются индивидуальные черты характера: люди веселые — громко говорят, острят, поют, пляшут, грустные — впадают в еще большую грусть, плачут, раскаиваются в чем-то, просят у всех извинения. Раздражительные, несдержанные, грубые становятся еще более грубыми и циничными, придирчивыми, склонными к аффективному возбуждению и агрессии. Отдельные лица, несмотря на тяжесть опьянения, сохраняют полный контроль за своим поведением и внешне ведут себя правильно³.

В состоянии опьянения, замечает А. М. Халецкий, руководящим моментом является социально, а не биологически обусловленное поведение. Решающее значение в действиях опьяневшего имеют степень культурности, воспитание, умение себя держать и, главное, желание себя сдерживать⁴.

Когда пьянство составляет основу мотивов преступления или служит причиной допущенного преступного бездействия или неосторожности, следует говорить о криминогенном значении алкоголизма.

В основе мотивов преступления всегда лежат те или иные антиобщественные установки, тенденции личности. Систематическое злоупотребление алкоголем, переросшее в хронический алкоголизм, как указано выше, зачастую приводит к устойчивым изменениям личности и нередко является причиной формирования таких антиобщественных установок, проявляя которые нельзя не вступить в конфликт с уголовным законом. Влияние алкоголизма и лиц, злоупотребляющих алкоголем, на окружающих, в том числе на молодежь, также может формировать у некоторых людей антиобщественные установки, приводящие к преступным проявлениям.

Что касается преступного бездействия и неосторожного действия, допущенных в состоянии опьянения, они зачастую являются результатом временного изменения обычной установки личности или снижения ее активности на алкогольной почве.

Во всех указанных выше случаях алкоголизм выступает в качестве фактора образования антиобщественных установок, основой мотивов преступного поведения.

¹Киларджишвили Д. И. Понятие хулиганства в советском уголовном праве. Рукопись канд. дисс. Тбилиси, 1964, с. 79—80.

²Сахаров А. Б. Указ. работа, с. 232.

³См.: Стрельчук И. В. Указ. работа, с. 20.

⁴См. выступление А. М. Халецкого на Всесоюзной конференции по судебной психиатрии в 1958 г. — В сб.: Проблемы судебной психиатрии, вып. IX. М., 1961, с. 482.

Конечно, при этом не следует упускать из виду, что само употребление данным лицом первой рюмки алкоголя было вызвано влиянием на него пережитков прошлого в сознании и быту (традиций, обычаев выпивок и т. п.). Следовательно, и в этих случаях пережитки прошлого явились исходной причиной, основой тех конкретных антиобщественных установок, которые предопределили преступное поведение субъекта¹. И бытовой пьяница, желающий добыть средства на алкоголь и посягающий на социалистическую собственность, и алкоголик, из-за ревности совершающий преступление против личности, и водитель автомобиля, допускающий на почве опьянения наезд на пешехода, и многие другие начали с первой рюмки, которую, разумеется, вылили под влиянием указанных пережитков прошлого. Но во всех этих случаях непосредственно обусловили преступление, легли в основу мотивов его совершения антиобщественные установки лица, которые выработаны им в процессе и в результате злоупотребления алкоголем. Именно в этом смысле не подлежит сомнению криминогенное значение алкоголизма.

Советская криминология, изучая факторы, порождающие преступность, различает: причины преступности (наличие пережитков прошлого в сознании и поведении людей); условия, способствующие совершению преступлений (недостатки в материальном обеспечении и культурном обслуживании людей, в их воспитании), и обстоятельства совершения преступлений (конкретная ситуация совершения преступления).

Провоцирующее преступление действие алкоголя (криминопровоцирующее значение алкоголизма), в свою очередь, может выступать в одних случаях как условие, способствующее совершению преступления, в других — как обстоятельство, конкретная ситуация его совершения. Когда под растормаживающим влиянием алкоголя на психику лицо приобретает волевую решимость и в пьяном состоянии совершает преступное деяние, отвечающее его антиобщественной установке, а также когда субъект намеренно употребляет спиртные напитки, чтобы решиться совершить ранее задуманное преступление, можно говорить о значении алкоголя как обстоятельстве, ситуации совершения преступления.

Когда же преступник использует беспомощное состояние опьяневшей жертвы или специально спаивает соучастника или жертву преступления, а также когда алкоголизм и обусловленный им повышенный спрос на спиртные напитки приводит к различным преступным промыслам (самогоноварение, шинкарство и т. п.), может идти речь о значении алкоголизма как условия, способствующего совершению преступления.

Криминогенное значение алкоголизма можно рассматривать как непосредственную (основную и ближайшую) причину совершенного деяния. Причиной хищения или воровства, совершаемого алкоголиком, как правило, является нужда в средствах на приобретение алкоголя или общее материальное затруднение, вызванное неумеренными расходами на спиртные напитки. Как видно, и в первом и во втором случаях страсть к алкоголю приводит это лицо на путь преступления, порождает у него мотивы (нередко и его волевое решение). В основе совершаемых алкоголиками преступлений, обоснованных ревностью, а также различных половых преступлений лежат болезненные изменения чувств и представлений или алкогольное нарушение половой активности и т. д.

Наконец, различные преступления против общественной безопасности, совер-

¹Только в этом смысле можно согласиться с точкой зрения А. Б. Сахарова, который полагает, что алкоголизм не может рассматриваться в качестве одной из основных, исходных причин преступности, ибо сам он обусловлен более глубокими, а главное, общими с преступностью причинами. См.: Указ. работа, с. 213.

шаемые на почве опьянения, часто обусловлены парализующим действием алкоголя на организм.

Иногда криминогенное значение алкоголизма может получить реализацию не только как основная причина, но и как условие, способствовавшее совершению преступлений. Таким условием, например, является влияние алкоголизма на молодежь, которое формирует отрицательные личностные свойства¹.

Следовательно, алкоголизм играет роль самостоятельного фактора преступности. Причем он не всегда является только объективным (внешним, провоцирующим) обстоятельством, влияющим на проявление антиобщественных взглядов и побуждений в преступном посягательстве, а очень часто выступает как субъективный (психологический) фактор преступности, формирующий антисоциальные свойства личности.

Советская криминологическая наука подразделяет различные причины, условия, обстоятельства совершения преступления на объективные и субъективные². Алкоголизм выступает в одних случаях как объективный, в других — как субъективный фактор преступности. Когда он обуславливает преступление, выступая как случайное, чуждое (объективное, внешнее) для личных (субъективных) свойств данного субъекта явление, его можно рассматривать как объективный фактор. Субъективным же фактором он является тогда, когда установка на алкоголь (тяга к алкоголю) укоренилась в психологии личности настолько, что уже играет определяющую роль во всем поведении лица, стала одной из черт его индивидуальности, субъективным свойством.

¹ А. Б. Сахаров в этой связи совершенно правильно рассматривает алкоголизм как одно из условий, формирующих антиобщественные свойства личности. См.: Сахаров А. Б. Указ. работа.

² В. И. Кудрявцев в целях единства терминологии предлагает отнести к субъективным факторам преступности «только то, что входит в сознание правонарушителя или иным образом характеризует его личность, а объективными считать явления и процессы, происходящие вне и помимо его воли». См.: Кудрявцев В. И. Причины правонарушений. М., 1976, с. 125; Криминология, с. 72.

ГЛАВА 3. ОТВЕТСТВЕННОСТЬ И ОСНОВАНИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СОВЕРШЕННЫЕ НА ПОЧВЕ ПЬЯНСТВА И АЛКОГОЛИЗМА

По советскому уголовному праву одним из основных условий ответственности лица за содеянное им является способность контролировать свои действия и оценивать их последствия. «Не подлежит уголовной ответственности,— гласит ст. 11 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик,— лицо, которое во время совершения общественно опасного деяния находилось в состоянии невменяемости, то есть не могло отдавать себе отчета в своих действиях или руководить ими вследствие хронической душевной болезни, временного расстройства душевной деятельности, слабоумия или иного болезненного состояния».

Таким образом, нормы советского уголовного закона относятся только к вменяемым лицам, от которых под угрозой наказания можно требовать воздержания от общественно опасных и противоправных действий. Недостатки и нарушения психических процессов, исключаящие вменяемость, вместе с тем исключают и уголовную ответственность за содеянное.

В связи с тем, что хроническое и острое отравление алкоголем сопровождается обычно той или иной степенью нарушения психической деятельности лица, вопрос о вменяемости или невменяемости имеет определенное значение при рассмотрении деяний, совершаемых на почве алкоголизма. При этом затяжное или временное болезненное расстройство душевной деятельности на алкогольной почве, а именно: бредовые формы хронического алкоголизма и патологическое опьянение — исключают вменяемость, а следовательно, и уголовную ответственность. Клиническая картина этих заболеваний и расстройств, а также вопросы вменяемости или невменяемости и ответственности лиц, страдающих ими, довольно глубоко изучены и описаны в отечественной и иностранной литературе по психиатрии. Исследование психических отклонений, вызываемых злоупотреблением спиртными напитками, не входит в нашу задачу.

Предмет нашего исследования — вопрос об ответственности лиц, совершивших преступление в состоянии простого алкогольного опьянения.

3.1 Вопрос о значении опьянения в уголовном законодательстве дореволюционной России и современных капиталистических стран

Состояние опьянения в уголовном законодательстве дореволюционной России не признавалось обстоятельством, освобождающим от ответственности за совершенное преступление. Согласно ст. 43 Воинского Устава Петра I: «когда кто пьян напьется и в пьянстве своем зло решит, тогда тот не токмо чтобы в том извинения получил, но по вине вящею жестокостью наказуем имеет быть»¹.

¹Проблемы судебной психиатрии, сб. IX. М., с. 374; см. также: Таганцев Н. С. Лекции по русскому уголовному праву, часть Общая, вып. II. СПб, 1886, с. 506.

Свод законов 1834 года (ст. 113) гласит: «Всякий совершивший деяние в состоянии опьянения признается виновным». Причем уже в этом Своде проводилось различие между деянием, неумышленно совершенным в пьяном состоянии, когда опьянение, хотя и не служило оправданием подсудимого, но не влияло на смягчение наказания, и деянием умышленным, совершенным в пьяном виде, когда опьянение, наоборот, усиливало ответственность¹.

Статья 106 Уложения 1845 года содержала специальное положение о влиянии простого опьянения на ответственность и различала опьянение намеренное и ненамеренное. Под намеренным опьянением здесь подразумевались случаи, когда лицо привело себя в состояние опьянения с намерением совершить преступление. Совершение деяния в состоянии намеренного опьянения влекло за собой высшую меру наказания, предусмотренную за это деяние².

В самой этой статье ничего не говорилось о степени опьянения. Однако Сенат в своих решениях указал, что опьянение, приведшее даже в состояние беспамятства, не только не устраняет вменяемость, но и не может быть признано основанием к смягчению наказания.

В отношении ненамеренного опьянения в ч. II ст. 106 Уложения только указывалось, что мера наказания назначается по другим сопровождающим преступление обстоятельствам. Следовательно, в преступлениях, совершенных в состоянии ненамеренного опьянения, факт опьянения не может ни усилить наказания, ни уменьшить его³.

Но в Особенной части Уложения не раз нарушается этот принцип, и в целом ряде ее норм опьянение признается обстоятельством, смягчающим ответственность. При этом смягчение допускается не только в степени, но даже в виде и роде наказания. Это имеет место в главах «О богохулении и порицании веры» (ст. ст. 180 и 182), «О оскорблении святыни и нарушении церковного благочиния» (ст. ст. 211, 215 и 217), «О святотатстве, раскрытии могил и ограблении мертвых тел» (ст. 234), «О преступлениях против священной Особы Государя Императора и Членов Императорского Дома» (ст. ст. 246, 248) и «О оскорблении и явном неуважении к присутственным членам и чиновникам при отправлении должности» (ст. ст. 276, 282 и 286).

Устав о наказаниях совсем не упоминал об опьянении. Мировые судьи в этих случаях должны были руководствоваться Уложением⁴. Военский уголовный устав также не упоминает об опьянении.

Такой подход к вопросу об уголовной ответственности за преступление, совершенное в состоянии опьянения, обусловлен тем, что царское правительство было заинтересовано в алкоголизации населения по соображениям политического и экономического характера и стремилось завуалировать эту заинтересованность видимостью борьбы с алкоголизмом. Интересам господствующего класса не отвечали лишь некоторые последствия, вытекающие из пьянства, связанные с посягательством на благополучие эксплуататоров и на установленный государством порядок управления.

Уголовное законодательство современных капиталистических государств не отличается единообразием в решении вопросов об условиях ответственности лиц, совершивших общественно опасное деяние в состоянии опьянения.

Уголовные кодексы отдельных стран признают лицо, совершившее уголовно наказуемое деяние в состоянии опьянения, вменяемым и ответственным за содеянное.

¹Таганцев Н. С. Указ. работа, с. 506.

²Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. Издано Н. С. Таганцевым. СПб, 1906.

³См.: Таганцев Н. С. Указ. работа, с. 500.

⁴См. там же, с. 500.

Так, в ст. 92 Итальянского УК 1930 года говорится, что «опьянение, наступившее не случайно и не вследствие непреодолимой силы, не исключает и не уменьшает вменяемости». Наоборот, опьянение может явиться обстоятельством, отягчающим вину и повышающим ответственность, если субъект умышленно потребляет спиртные напитки с целью подготовить себе оправдание за совершенное (ч. 1 ст. 92 УК) или оно было привычным его состоянием (ст. 94 УК)¹.

В Финском УК (ч. II § 4) указывается, что опьянение, вызванное по вине самого лица, совершившего преступное деяние, не может рассматриваться как основание для снижения наказания. Брюнольф Хонкасало, однако, считает, что закон не препятствует тому, чтобы признавалось основанием, исключающим наказуемость, такое состояние опьянения, которое, вызвало полную невменяемость. Но он тут же указывает, что на практике поводом вынесения оправдательного приговора служит только патологическое опьянение и то лишь в редких случаях².

Таким образом, опьянение и по финскому уголовному праву не признается обстоятельством, исключающим вменяемость.

Опьянение не освобождало от ответственности, а наоборот, долгое время признавалось обстоятельством, усиливающим ее, также и в английском праве³. В действующем уголовном праве Англии состояние опьянения иногда может служить основанием для того, чтобы исключить наличие особого намерения, требующегося составом преступления (например, намерения лица, вторгшегося в чужой дом, совершить там преступление). По этим же основаниям состояние опьянения послужило поводом для освобождения задержанных лиц от ответственности по ряду дел. Так, в суде Мальборо пьяный, подозреваемый в краже пальто, освобожден от ответственности по тем мотивам, что он это мог сделать в состоянии глубокого опьянения, не имея цели кражи. Однако во всех случаях английское законодательство не ставит под вопрос уголовную ответственность за преступление, совершенное в состоянии опьянения. При этом не имеет значения, в состоянии ли пьяный сознавать действительное значение и противоправный характер своих действий или нет⁴.

В Примерном уголовном кодексе (США), разработанном Институтом американского права, в разделе «Общие принципы ответственности» имеется специальная статья (2.08) под названием «Опьянение». Первые три пункта этой статьи свидетельствуют о том, что уголовное законодательство США не признает опьянение смягчающим либо отягчающим вину обстоятельством за исключениями, предусмотренными п. 4 настоящей статьи:

«1. Опьянение, не вызванное самим деятелем или патологическое, а также опьянение деятеля не является основанием для защиты, если оно не исключает какой-либо из элементов посягательства.

2. Если деятель, в силу вызванного им самим опьянения не сознает риска, который он, будь трезв, сознавал бы, такое отсутствие сознания не имеет значения в случаях, когда опрометчивость образует какой-либо из элементов посягательства.

3. Опьянение само по себе не является психическим заболеванием...»⁵.

Общим для законодательства всех этих стран является то, что преступление, совершенное в состоянии опьянения, карается по той норме закона, которой предусмотрено это деяние.

¹См.: Итальянский УК 1930 г. М., 1941, с. 24.

²См.: Брюнольф Хонкасало. Финское уголовное право.— В кн.: Современное зарубежное уголовное право, т. II. М., 1958, с. 82—83.

³См.: Полянский Н. Н. Уголовное право и уголовный суд в Англии. М., 1969, с. 82.

⁴См.: Грюнхут, Английское уголовное право.— В кн.: Современное зарубежное уголовное право, т. III. М., 1961, с. 277—278.

⁵Примерный уголовный кодекс (США). М., 1969, с. 59.

В ряде стран лицо, совершившее общественно опасное деяние в состоянии глубокого опьянения, может быть признано невменяемым, если оно не сознавало наказуемый характер своих действий и не отдавало себе отчета в них. Субъект может быть признан частично невменяемым, если не полностью сознавал характер своих действий и не в полной мере отдавал о них себе отчет.

Прежде всего, в этих странах наказуемо приведение себя в состояние опьянения с намерением совершить преступление. Подобные деяния известны в теории уголовного права как *actio liberae in causa*, т. е. действия, свободные в своей причине¹, или как деяния, «где преступный результат хотя и был учинен в момент, когда виновный не отдавал отчета в своих действиях и не мог руководить своими поступками, тем не менее преступный результат все же был обусловлен виновным действием субъекта, совершенным до того, когда субъект находился в таком состоянии»². Как правило, такие случаи наказываются по закону, которым предусмотрено совершенное деяние.

Так ст. ст. 10 и 11 Швейцарского УК 1937 года устанавливают условия невменяемости и уменьшенной вменяемости. А в ст. 12 изложено «исключение» из этих правил, которое гласит: «Постановления статей 10 и 11 не применяются, если обвиняемый сам вызвал тяжкое изменение и расстройство сознания с намерением совершить преступное деяние»³. В этом «исключении» нет никаких указаний относительно лиц, совершивших преступление в состоянии ненамеренного опьянения. Стало быть, последние не составляют исключения из правил ст. ст. 10 и 11 УК Швейцарии, т. е. они также могут быть признаны невменяемыми или уменьшенно вменяемыми в зависимости от степени изменения или расстройства сознания во время совершения преступления⁴.

Состояние опьянения признается обстоятельством, устраняющим или уменьшающим вменяемость по законодательству Австрии и ряда других стран.

Условия признания невменяемости в Австрийском УК предусмотрены в § 2. Как указывает профессор Ф. Новаковский, § 2 (Уголовного кодекса) в качестве случаев невменяемости приводит то, что «лицо полностью лишено способности пользоваться рассудком (литера «а») ... что оно совершило деяние в состоянии полного опьянения, вызванного не с целью совершения преступления, или в состоянии иного душевного расстройства, вследствие которого оно не отдавало себе отчета в своих действиях (литера «с»)»⁵.

Но за приведение себя в состояние полного опьянения с целью совершения преступления и по Австрийскому УК предусмотрена уголовная ответственность. За *actio liberae in causa* ответственность предусмотрена и тогда, когда лицо, будучи во вменяемом состоянии и действуя виновно, «создает причину того, что в невменяемом состоянии, даже если такое состояние возникло помимо его воли, он осуществ-

¹См.: Утевский Б. С. Вина в советском уголовном праве. М., 1950, с. 239–240.

²Уголовное право. Общая часть. М., 1948, с. 322–323.

³См.: Швейцарский уголовный кодекс 1937 г. М., 1947. Профессор Ганс Феликс Пфенингер из Цюриха в этой связи пишет: «Согласно ст. 12 УК не признается наличие невменяемости, ни уменьшенной вменяемости в тех случаях, когда сам виновный вызвал тяжелое расстройство или повреждение своего сознания с намерением совершить в этом состоянии уголовно наказуемое действие». — Современное зарубежное уголовное право. Т. II. М., 1959, с. 321.

⁴«Таким образом, — пишет Г. Ф. Пфенингер, — состояния, влекущие уменьшенную вменяемость, не обязательно должны быть болезненными состояниями; сюда подойдут также действия, совершенные в состоянии сильного душевного волнения, или временного опьянения, или полового возбуждения» (там же).

⁵Фридрих Новаковский. Австрийское уголовное право — В кн.: Современное зарубежное уголовное право, т. III. М., 1961, с. 622.

ляет правонарушение, соответствующее составу преступления»¹. Иными словами, ответственность как за умышленно содеянное наступает и в случаях, когда лицо в состоянии ненамеренного (случайного) полного опьянения совершает деяние, связанное с мотивами, сформированными им еще в трезвом рассудке. В тех странах, в которых, как указано выше, установлена ответственность за *actio liberae in causa*, одновременно с этим наказуемо также совершение общественно опасного деяния в состоянии полного опьянения, наступившего случайно, но по вине самого субъекта. За деяние, совершенное в состоянии случайного полного опьянения, лицо несет ответственность не по нормам закона, которыми предусмотрено совершенное общественно опасное деяние, а по специальным нормам.

Так, ст. 263 Швейцарского УК предусматривает случаи совершения преступления или проступков в состоянии невменяемости вследствие опьянения или отравления, возникших по собственной вине. Это деяние карается тюремным заключением на срок не более шести месяцев или штрафом»².

Более того, ст. 59 союзного закона 15 марта 1932 г. об автомобильном и велосипедном транспорте карает за управление автомобилем в нетрезвом состоянии, т. е. «ставит под угрозу наказания уже самое создание состояния опасности независимо от возможного причинения вреда»³.

Деликт, совершенный в состоянии полного опьянения, вызванного по собственной вине, предусмотрен также австрийским законодательством. В § 523 Австрийского УК говорится о наказании лиц, которые с умыслом или по неосторожности путем употребления опьяняющего средства приводят себя в состояние, исключающее вменяемость, и в этом состоянии совершают действия, содержащие все признаки преступления или проступка⁴.

В уголовном кодексе Австрии имеются специальные статьи, предусматривающие наказание лиц, приведших себя в состояние опьянения, не исключающего вменяемость, которым предстояла деятельность, требовавшая профессиональной трезвости (имеются в виду, в частности, водители автомашин). Так § 337 карает за создание или увеличение опасности для жизни, здоровья или телесной неприкосновенности людей⁵.

Кодексы отдельных стран не делают особого изъятия из общего правила об условиях признания невменяемости и уменьшенной вменяемости при рассмотрении состояния опьянения. Вопрос об ответственности лиц, совершивших деяние в нетрезвом виде, решается ими в зависимости от степени опьянения и связанного с ним изменения психики. В этих странах возможно признание невменяемыми или уменьшение вменяемыми лиц, совершивших деяние в состоянии опьянения, и, соответственно, исключение или смягчение их вины за содеянное. В то же время в законодательстве этих стран нет норм, карающих специально за приведение себя в состояние невменяемости.

¹Там же, с. 623.

²См.: Швейцарский уголовный кодекс 1937 г.

³Пфеннингер Г. Ф. Швейцарское уголовное право.— В кн.: Современное зарубежное уголовное право, т. II, с. 321.

⁴См.: Фридрих Новаковский. Австрийское уголовное право.— В кн.: Современное зарубежное уголовное право, т. II, с. 734—735. Австрийское уголовное право различает преступления, проступки и нарушения. Преступления могут быть совершены только с умыслом и влекут по закону наказание тюрьмой. Проступки и нарушения могут быть совершены и по неосторожности и различаются между собой только в процессуальном отношении: первые рассматриваются судебными палатами первой инстанции (судами земель или окружными судами), а вторые — районными судами. В материально-правовом отношении между проступками и нарушениями нет различий (см. там же, с. 594—595 и Tegel H. *Alkohol und Strafrecht Kriminalistik*, 1970, № 8, s. 419—420).

⁵См. там же, с. 661.

Яркой иллюстрацией этому может служить датское законодательство. Опьянение в соответствии с § 18 УК Дании не является обстоятельством, исключающим наказуемость деяния, кроме случаев, когда лицо действовало в бессознательно пьяном состоянии¹. Стало быть, полное опьянение (физиологическое) все-таки исключает наказуемость совершенного в этом состоянии преступления. Правда, как указывает Франц Маркус, в судебной практике обычно отсутствие сознания признается только в исключительных случаях².

Как умышленное, так и неумышленное приведение себя в невменяемое состояние рассматривается датским уголовным законодательством лишь как деликт создания опасности. Так, по § 138 УК Дании карается лицо, умышленно или по грубой небрежности приведшее себя в состояние опьянения, если при этом подвергаются опасности другие лица или значительные материальные ценности³.

Состояние опьянения по УК Дании иногда может быть признано даже смягчающим вину обстоятельством. В частности, § 85 исключительным основанием для обязательного смягчения наказания признает совершение деяния в состоянии нарушенного психического равновесия, вызванного сильным душевным волнением или какими-либо исключительными обстоятельствами. К числу последних может быть отнесено состояние опьянения, не исключающее сознания. Смягчение наказания при этом может быть применено только в том случае, если лицо не было уже однажды признано виновным в совершении подобного деяния или деликта создания опасности, а также если имеются другие смягчающие вину обстоятельства⁴.

Таким образом, в решении вопроса о значении состояния опьянения в уголовном праве буржуазных стран отчетливо различаются три основных направления.

В одних странах опьянение не является основанием, исключающим вменяемость, и отягчающим вину обстоятельством.

Законодательство других стран признает наказуемость деяния, совершенного в состоянии неполного опьянения либо в состоянии намеренного опьянения.

Лица, совершившие деяние в состоянии полного опьянения, в этих странах признаются невменяемыми и не ответственными за него, но они подвергаются наказанию за приведение себя в это невменяемое состояние. Наконец, в третьей группе стран наказуемы деяния, совершенные в состоянии только неполного опьянения. Полное же опьянение, намеренное или ненамеренное, признается состоянием, исключающим вменяемость, а следовательно, и наказание за содеянное. В этих странах не установлена также ответственность за приведение себя в бессознательно пьяное состояние.

Во всех уголовных кодексах капиталистических стран признается наказуемым приведение себя в состояние опьянения, если это угрожало безопасности жизни, здоровья или имущества людей.

Различные варианты решения вопроса о наказуемости за деяния, совершенные в состоянии опьянения, имеют общие черты и специфические особенности.

Общим здесь является принцип наказуемости за подобные деяния. Эта общая черта выражает единую линию буржуазных государств в алкогольной политике, своеобразие которой заключается в том, что она отражает противоречивость самой политики капиталистических государств в данной области. С одной стороны, эксплуататорские классы, как мы показали выше, способствуют распространению

¹См.: Маркус Ф. Уголовное право Дании—В кн.; Современное зарубежное уголовное право, т. 1. М., 1957, с. 138.

²См. там же.

³См.: Маркус Ф. Указ. работа, с. 203.

⁴См. там же, с. 176—477.

алкоголя, а с другой — стремятся различными уголовно-правовыми мерами оградить общество и прежде всего интересы и благополучие господствующих классов от отдельных нежелательных последствий алкоголизма.

Общность алкогольной политики капиталистических стран обусловлена единством коренных интересов буржуазии.

Нельзя не отметить, что буржуазия и буржуазные государства при разработке уголовного законодательства, в том числе норм, предусматривающих наказание за деяния, совершенные в состоянии опьянения, используют результаты научных исследований, проводимых в различных странах капиталистического мира. Это также способствует наличию общих черт в различных вариантах решения вопроса о вменяемости и наказуемости за деяния, совершенные в состоянии опьянения.

Специфические же особенности в уголовном законодательстве капиталистических стран по этому вопросу выражают своеобразие конкретных условий распространения алкоголизма и борьбы против преступлений, связанных с ним.

3.2 Борьба с преступлениями, совершаемыми в состоянии опьянения, по законодательству зарубежных социалистических государств

В уголовном праве зарубежных социалистических стран большой научно-теоретический и практический интерес представляет решение вопроса об уголовной ответственности за преступные деяния, совершенные в состоянии опьянения. Решение данного вопроса, нашедшее отражение в уголовных кодексах и иных законодательных актах, характеризуется прежде всего единством оценки алкоголизма как социального явления, как одной из основных причин преступности. Это единство обусловлено общностью целей и задач всех норм социалистического права, в том числе уголовного, общей марксистско-ленинской методологической основой в изучении социальных явлений, в оценке тех или иных пережитков прошлого как причины преступности. Оно определяется также использованием однотипных уголовно-правовых норм и регулярным обменом достижениями юридических наук между всеми социалистическими странами. Наличие общности не исключает, а предполагает разнообразие в конкретных вопросах, связанных с уголовной ответственностью за деяния, совершенные в состоянии опьянения.

Выявленное разнообразие продиктовано спецификой условий каждой страны, особенностями влияния алкоголизма на общественную жизнь и на преступность и конкретным историческим опытом в области борьбы с преступлениями, связанными с алкоголизмом.

Например, в Общей части УК Народной Республики Болгарии нет специальной нормы, указывающей на ответственность лиц, совершивших преступление в состоянии той или иной степени опьянения. Поэтому деяния подобных правонарушителей получают уголовно-правовую оценку исходя из критериев невменяемости, изложенных в ст. 33 УК. Данная статья гласит: «Не является уголовно ответственным лицо, которое действует в состоянии невменяемости, — когда вследствие умственной недоразвитости, продолжительного или кратковременного расстройства душевной деятельности оно не могло понимать свойства или значения совершенного или руководить поступками»¹. Отсюда вытекает, что совершение преступления в таком состоянии опьянения, в котором лицо могло «понимать свойства и значения совершенного или руководить своими поступками» не является обстоятельством, устраняющим вменяемость, следовательно, и ответственность за содеянное.

¹Уголовный кодекс Народной Республики Болгарии. М., 1970, с. 23.

Сложившаяся судебная практика Народной Республики Болгарии считает, что если подсудимый сознательно привел себя в невменяемое состояние для совершения задуманного преступления, ответственность не исключается¹.

В отдельных случаях состояние опьянения, в котором совершено преступление, признается законодательством Болгарии отягчающим вину обстоятельством. Так, п. 2 ст. 343 УК НРБ устанавливает повышенную ответственность рабочих или лиц, обслуживающих транспорт, а также собственников и нанимателей моторных перевозочных средств, если они в результате нарушения правил движения или эксплуатации транспорта совершили преступление в состоянии опьянения².

В УК Польской Народной Республики 1932 года, действовавшем до последнего времени, § 1 ст. 17 устанавливает условия и признаки невменяемости, а § 2 этой же статьи указывает, что не признается невменяемым лицо, которое умышленно привело себя в состояние нарушенной психики, чтобы затем совершить преступление.

Вместе с тем уголовному законодательству Польской Народной Республики известен институт уменьшенной вменяемости, признаки которого описаны в § 1 ст. 18 УК. А в § 2 этой же статьи указано, что добровольное приведение себя в состояние алкогольного опьянения, хотя и имеет своим последствием значительное ограничение способности руководить собой, не может быть признано обстоятельством, уменьшающим вменяемость и обязательно смягчающим ответственность.

Верховный Суд Польской Народной Республики в своем разъяснении по вопросу борьбы с преступлениями, совершенными в состоянии алкогольного опьянения, указывал, что суды должны на основании § 2 ст. 17 УК применять положение, что состояние алкогольного опьянения не может исключать ответственности как в тех случаях, когда виновный привел себя в состояние алкогольного опьянения с целью совершения преступления, так и тогда, когда он, предвидя возможность преступных последствий своего пьянства, мирился с ним (§ 1 ст. 14 УК).

Уголовный кодекс Социалистической Республики Румынии в специальной норме (ч. 1 ст. 129) совершение преступления в состоянии полного опьянения признает обстоятельством, освобождающим от ответственности, если это состояние «было вызвано случайными обстоятельствами, совершенно не предусмотренными исполнителем преступного деяния и абсолютно не зависевшими от его воли»³.

Но лицо, совершившее преступление в состоянии полного опьянения, в которое оно привело себя сознательно и по доброй воле (как это вытекает из ч. 2 ст. 129 УК), не освобождается от уголовной ответственности. Оно подлежит наказанию за содеянное по норме УК, предусматривающей совершение этого деяния при всяких иных условиях. При назначении наказания состояние полного опьянения обязательно должно учитываться судом как смягчающее вину обстоятельство (ч. 2 ст. 129 УК), если нет «доказательства, что правонарушитель умышленно вызвал это состояние для того, чтобы уменьшить меру наказания или облегчить совершение преступного деяния» (ч. 3 ст. 129 УК)⁴.

Пункт 1 § 21 УК Венгерской Народной Республики устанавливает, что «не подлежит наказанию лицо, совершившее деяние в таком состоянии душевной болезни, слабоумия или временного расстройства сознания, вследствие которого оно было неспособным осознать общественно опасные последствия своего деяния или действовать в соответствии с этим обстоятельством».

¹Съдебна практика на Върховния съд на НРБ. София, 1956, с. 110.

²См.: Уголовный кодекс Народной Республики Болгарии, с. 114.

³Уголовное законодательство зарубежных социалистических государств. Румынская народная Республика. М., 1962, с. 78.

⁴См. там же.

Таким образом, в этом пункте сформулировано понятие невменяемости. Пункт 2 § 21 вводит понятие частичной вменяемости субъекта. В нем говорится: «Если лицо, совершившее деяние вследствие душевной болезни, слабоумия или временного расстройства сознания, было лишь ограничено в том, чтобы осознать общественно опасные последствия деяния, или в том, чтобы действовать в соответствии с этим обстоятельством, его наказание может быть смягчено без ограничения в предусмотренных законом пределах»¹.

Однако следующая норма УК (§ 22) прямо подчеркивает, что «положения § 21 не могут применяться в пользу лица, совершившего деяние в состоянии опьянения или находящегося под действием наркотиков, что имело место по его вине». Отсюда вытекает, что лицо, совершившее преступление в состоянии глубокого опьянения, если оно не привело себя в это состояние со специальной целью совершить преступление, освобождается от уголовной ответственности.

В уголовном законодательстве ряда социалистических государств вопрос о значении состояния опьянения решается почти таким же образом, как и в советском праве.

Например, ст. 10 УК Монгольской Народной Республики содержит специальное примечание, указывающее, что лицо, совершившее преступление в состоянии опьянения, признается вменяемым и ответственным за содеянное.

Аналогичная мысль, правда, в несколько иной формулировке выражена в п. 3 ст. 6 УК Федеративной Народной Республики Югославии. «Лицо подлежит уголовной ответственности, если с помощью употребления алкоголя или другим способом само довело себя до состояния временного душевного расстройства, хотя и отдавало себе отчет или должно было и могло отдавать себе отчет в том, что в таком состоянии оно может совершить преступление»².

В новых УК ГДР и ЧССР исключена норма, предусматривающая ответственность за само приведение себя в состояние невменяемости, а не за совершенное в этом состоянии деяние. В УК ГДР 1968 года в § 15 (невменяемость) имеется специальная оговорка о том, что лицо, виновно приведшее себя «в состояние опьянения, исключаящего вменяемость, ...подлежит наказанию в соответствии с нарушенным им законом»³. Такая оговорка сделана и в следующем параграфе УК ГДР (§ 16), в котором рассматривается понятие «уменьшенной вменяемости».

В Чехословацкой Социалистической Республике лица, совершившие преступления в состоянии полного опьянения, подлежат ответственности согласно ч. 2 ст. 12 УК 1961 года (невменяемость), где говорится, что «положение части 1 не применяется, если виновный хотя бы по неосторожности приведет себя в состояние невменяемости употреблением спиртного напитка или одурманивающего средства».

3.3 Развитие советского законодательства по борьбе с пьянством и преступлениями, совершенными в состоянии опьянения

Пьянство и преступления, совершаемые на этой почве, представляют определенную общественную опасность для советского правопорядка и социалистических общественных отношений. Степень реальности этой опасности в различные периоды развития Советского государства менялась в зависимости от исторических задач,

¹Уголовный кодекс Венгерской Народной Республики. Будапешт, 1963, с. 39.

²Уголовное законодательство зарубежных социалистических государств. Федеративная Народная Республика Югославия. М., 1957.

³Уголовный и уголовно-процессуальный кодексы Германской Демократической Республики. М., 1972, с. 44.

стоящих перед Советским государством в тот или иной период его развития. Поэтому борьба с проявлениями пьянства велась Советским государством в различные периоды различными мерами.

Сразу после победы Великой Октябрьской социалистической революции и в период иностранной военной интервенции свергнутые классы стремились изнутри подорвать молодое Советское государство, не гнушаясь при этом самыми грязными методами. В декабре 1917 года В. И. Ленин писал в «Записке Ф. Э. Дзержинскому с проектом декрета о борьбе с контрреволюционерами и саботажниками»: «Буржуазия идет на злейшие преступления, подкупая отбросы общества и опустившиеся элементы, спаивая их для целей погромов»¹. В то время контрреволюционная буржуазия вошла в тесную связь с бандами разбойников, с погромщиками и другими подонками общества, пытаясь с их помощью внести беспорядок, анархию и смуту в ряды рабочих, крестьян и солдат.

27 октября (9 ноября) 1917 г. Военно-революционный комитет Петрограда предписал коменданту 2-го городского района обыскать подозрительные места и пресечь тайную продажу вина и оружия². 5 (18) ноября 1917 г. в обращении «К населению» В. И. Ленин призывал трудящихся: «Установите строжайший революционный порядок, беспощадно подавляйте попытки анархии со стороны пьяниц, хулиганов, контрреволюционных юнкеров, корниловцев и тому подобных»³.

Стремясь в той или иной мере парализовать революцию, контрреволюционные элементы предпринимали попытки поощрять пьянство среди рабочих, крестьян и солдат, провоцировали так называемые «винные погромы». При этом действовали специальные контрреволюционные организации, представители которых звонили по телефону в казармы и сообщали, в каких местах имеются доступные винные склады, где можно беспрепятственно выпить, и даже предлагали свои услуги для сопровождения до места⁴. Так были разграблены винные склады в Зимнем Дворце, а также в других местах Петрограда. В результате значительно усилилось пьянство, что принесло серьезный вред.

28 ноября (11 декабря) 1917 г. в целях пресечения пьяных погромов и разгула пьянства Военно-революционный комитет издал приказ, согласно которому лица, занимающиеся тайной выделкой или продажей алкогольных напитков, а также повинные в хищении их с целью продажи, предавались Военно-революционному суду и наказывались штрафом вплоть до конфискации всего имущества. В этом приказе говорилось, что «лица, задержанные в пьяном виде, арестовываются и предаются Военно-революционному суду»⁵.

Для борьбы с пьяными погромами были выделены специальные отряды Красной гвардии и воинские подразделения. В целях предотвращения винных погромов в дальнейшем часть запасов вина была уничтожена, а часть — вывезена⁶. 29 ноября (12 декабря) 1917 г. Военно-революционный комитет издал приказ по комендатуре Красной гвардии и полковым комитетам Петрограда, который предписывал:

«1. Немедленно арестовывать всех пьяных и лиц, про которых имеется основание полагать, что они участвовали в хищении из винного склада Зимнего Дворца и прочих других складов. Полковым комитетам проверять состав рот и задерживать всех участников разгромов винных складов.

¹ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 35, с. 156.

² См.: История советского уголовного права. М., 1948, с. 78.

³ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 35, с. 66.

⁴ См.: Джон Рид. 10 дней, которые потрясли мир. М., 1957, с. 225, 319.

⁵ История советского уголовного права, с. 79.

⁶ См.: Джон Рид. Указ работа, с. 225, 319.

2. Немедленно при районных комендатурах Красной гвардии образовать революционные суды, а в воинских частях — гласные товарищеские суды по всем проступкам, унижающим достоинство гражданина-воина.

3. Предать немедленно всех пьяниц и лиц, участвовавших в хищении, революционным и товарищеским судам и немедленно судить их»¹.

Этот приказ предоставлял право революционным и товарищеским судам выносить приговоры в отношении преданных суду пьяниц и лиц, участвовавших в расхищении вина, и назначать им до 6 месяцев общественных работ. Приказом предусматривалась особая ответственность лиц, несших караулы при винных складах².

6 декабря 1917 г. Петроградский комитет по борьбе с погромами принял постановление, в котором подчеркивалось, что «попытки разгрома винных погребов, складов, заводов, лавок, магазинов, частных квартир и пр. и т. п. будут прекращены пулеметным огнем без всякого предупреждения», что «виновные в раздаче, продаже или приобретении всяких спиртных напитков ... будут немедленно арестованы и подвергнуты самому тяжкому наказанию»³.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции остатки свергнутых эксплуататорских классов, опираясь на поддержку иностранных империалистических государств, стремились поднимать контрреволюционные восстания для свержения Советской власти на местах. При этом не последняя роль отводилась спаиванию и подкупам солдат, бывших офицеров и др. Не случайно В. И. Ленин рассматривал спаивание солдат и других представителей трудящихся как контрреволюционное деяние и требовал применения к виновным расстрела. Так, 9 августа 1918 г. в связи с готовившимся контрреволюционным мятежом он писал в Нижегородский Совдеп: «В Нижнем, явно, готовится белогвардейское восстание. Надо напрячь все силы, составить тройку диктаторов., навести *тотчас* массовый террор, *расстрелять и вывезти* сотни проституток, спаивающих солдат, бывших офицеров и т. п.»⁴

Таким образом, пьянство также использовалось контрреволюцией как одно из средств борьбы против молодого государства рабочих и крестьян. Поэтому Советская власть признавала пьянство самым социально опасным явлением данного исторического периода революционного переустройства общества и принимала самые суровые меры против его проявлений. Даже появление в пьяном виде в общественных местах рассматривалось как уголовно наказуемое преступное деяние, а спаивание других — как контрреволюционный акт, нередко заслуживающий расстрела.

Оценка пьянства как деяния, представляющего серьезную общественную опасность, вызвала необходимость издания постановления СНК РСФСР от 19 декабря 1919 г. «О воспрещении на территории РСФСР изготовления и продажи спирта, крепких напитков и не относящихся к напиткам спиртосодержащих веществ»⁵. Производство, продажа, хранение, провоз, приобретение и распитие крепких спиртных напитков и спиртосодержащих веществ этим постановлением карались как уголовно наказуемые деяния.

Статья 11 упомянутого постановления гласила: «За распитие незаконно приготовленных и незаконно полученных крепких напитков... в публичных местах, во

¹История советского уголовного права, с. 79—80.

²См.: там же, с. 80.

³Джон Рид. Указ. работа, с. 322—323.

⁴Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 50, с. 142.

⁵Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР (1917—1952 гг.). М., 1953, с. 61—63.

всякого рода заведениях, а также за допущение такого **распития и за появление в публичном месте в состоянии опьянения** (подчеркнуто нами.— Б. Б.) виновные в том лица подвергаются лишению свободы с принудительными работами на срок не менее одного года»¹.

Таким образом, советское уголовное законодательство начального периода карало в основном само пьянство как уголовно наказуемое деяние, а о преступлениях, совершенных в связи с опьянением, оно еще не содержало никаких особых постановлений. Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 года не содержали указаний об условиях ответственности за преступления, совершенные в состоянии опьянения. Однако это вовсе не говорило о ненаказуемости лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения. Ведь если даже само состояние опьянения и появление в этом состоянии в общественных местах признавалось тогда уголовно наказуемым деянием, то совершение преступления в нетрезвом состоянии, бесспорно, не могло оставаться безнаказанным и влекло за собой уголовную ответственность. Поэтому не было особой необходимости специально оговаривать в законе наказуемость преступлений, совершенных в подобном состоянии. Лица, совершившие деяние в состоянии глубокого опьянения, лишаящем способности отдавать отчет в своих действиях (по ст. 14 Руководящих начал), признавались невменяемыми и неотвечественными за свои «пьяные» поступки, но они не менее сурово наказывались (по ст. 11 постановления СНК от 19 декабря 1919 г.) за приведение себя в это состояние. За преступления, совершенные в состоянии менее глубокого опьянения, ответственность наступала по норме закона, карающей за деяние, а опьянение учитывалось как отягчающее вину обстоятельство.

После разгрома внутренней и внешней контрреволюции и окончания гражданской войны в стране широкое распространение получило так называемое «тайное винокурение». В 1922 году, например, рынки городов и сел были наводнены самогонной отравой. Места заключения были переполнены арестованными самогонщиками². В такой обстановке не было никакого смысла сохранять нормы, предусматривающие уголовное наказание лиц, появившихся в пьяном виде в общественных местах. Поэтому Уголовный кодекс РСФСР 1922 года уже не содержал норм, подобных ст. 11 постановления СНК от 19 декабря 1919 г.

Статья 17 УК РСФСР 1922 года установила, что «наказанию не подлежат лица, совершившие преступление в состоянии хронической душевной болезни, или временного расстройств душевной деятельности, или вообще **в таком состоянии, когда совершившие его не могли отдавать себе отчет в своих действиях...**» (подчеркнуто нами.— Б.Б.). Следовательно, состояние глубокого опьянения, когда лицо не могло отдавать себе отчет в своих действиях, признавалось обстоятельством, устраняющим вменяемость. Однако в специальном примечании к ст. 17 указывалось, что «действие настоящей статьи не распространяется на лиц, которые привели себя в состояние опьянения для совершения преступления».

Как правильно отмечает А. А. Габияни, примечание к ст. 17 УК РСФСР 1922 года сужало уголовную ответственность за преступления, совершенные в состоянии опьянения, устанавливая уголовную ответственность только за намеренное опьянение с целью совершения преступления, оставляя тем самым безнаказанными все остальные случаи совершения преступления в состоянии полного опьянения, виновно вызванного самим субъектом³. Основные начала уголовного законодательства

¹Там же, с. 61—63.

²Только в первой половине 1922 года в РСФСР возникло 334 841 самогонное дело. См.: Халфин В. С. Очерки по изучению преступности. М., 1946, с. 47.

³Габияни А. А. Уголовная ответственность за преступления, совершенные в состоянии опьянения, с. 63.

Союза ССР и союзных республик 1924 года не имели никаких указаний о значении состояния опьянения для уголовной ответственности.

Уголовный кодекс РСФСР 1926 года содержал статью (11), устанавливающую признаки невменяемости. В примечании к этой статье говорилось, что ее действие «не распространяется на лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения». Вопрос о значении опьянения аналогичным образом решался и соответствующими статьями УК большинства других союзных республик. Исключение составляли только УК Азербайджанской ССР, в котором никаких оговорок относительно условной ответственности пьяных не содержалось, и УК Украинской ССР (примечание к ст. 10), признававший вменяемыми и ответственными за свои поступки всех лиц, приведших себя в состояние опьянения с намерением совершить преступление.

Смысл примечания к ст. 10 УК УССР 1927 года сводится фактически к тому, что лицо, совершившее преступление в состоянии полного опьянения, не несет ответственности за свои действия, если оно не привело себя в это состояние с намерением совершить преступление.

Однако судебная практика как Азербайджанской, так и Украинской ССР пошла по линии признания вменяемыми лиц, совершивших преступление в любой степени обычного опьянения, независимо от того, было оно умышленным или нет. Эта практика местных судебных органов была поддержана и Верховным Судом СССР. Исходя из такой практики судов некоторые авторы полагают, что примечание к ст. 10 УК УССР лишь особо подчеркивало безусловность признания ответственности в уголовном порядке лиц, которые специально привели себя в состояние опьянения для совершения преступления, что, по мысли законодателя, это примечание «в равной мере охватывает случаи совершения преступлений как в состоянии намеренного, так и в состоянии ненамеренного опьянения независимо от того, отдавал ли человек отчет в своих действиях или не отдавал»¹. Подобное толкование примечания является неверным, о чем писали многие ученые-юристы. В частности, А. А. Пионтковский подчеркивал: «по уголовному кодексу Украинской ССР лицо, находившееся во время совершения преступного действия в состоянии опьянения, считается невменяемым, если оно не могло отдавать себе отчет в своих действиях или руководить своими поступками»². Прав И. И. Горелик, считавший, что практика судебно-следственных органов «доказывает лишь то, что примечание к ст. 10 УК УССР не применяется и что оно должно быть изменено»³.

Фактически так и произошло. В ныне действующем УК УССР, принятом в соответствии с Основами уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, вопрос об ответственности лиц, совершивших преступления в нетрезвом состоянии, решается независимо от намеренности или ненамеренности их опьянения.

Основы уголовного законодательства и действующие в настоящее время уголовные кодексы союзных республик в специальной статье подчеркивают, что «лицо, совершившее преступление в состоянии опьянения, не освобождается от уголовной ответственности».

Таким образом, уголовное законодательство первых лет Советской власти, вплоть до принятия УК РСФСР 1922 года, признавало преступным само состояние опьянения и не имело специальных норм об условиях ответственности за преступления, совершенные в этом состоянии. В дальнейшем появление в пьяном виде в

¹Орлов В. С. Субъект преступления. М., 1958, с. 86; Мендельсон Г., Ткачевский Ю. Алкоголизм и преступность. М., 1957.

²Уголовное право, часть Общая. М., 1948, с. 322.

³Вопросы уголовного права и процесса. Минск, 1958, с. 26.

общественных местах рассматривалось только как административное правонарушение, а уголовно наказуемыми признавались общественно опасные последствия опьянения.

Однако при определении условий ответственности за деяния, совершенные в состоянии опьянения, советский уголовный закон исходил, как правило, из критериев невменяемости, установленных им же. Важной особенностью ныне действующего уголовного законодательства является то, что вопрос об оценке состояния опьянения в нем решается независимо от установленных критериев невменяемости. Кроме того, современное законодательство не знает деления преступлений на совершенные в состоянии намеренного и ненамеренного опьянения, тогда как подобное деление, воспринятое от уголовного законодательства дореволюционной России, существовало в нашем законодательстве до недавнего времени — в первом УК РСФСР 1922 года, а затем в УК УССР 1927 года.

Наконец, к особенностям ныне действующего уголовного законодательства относится и то, что оно признает уголовно наказуемыми и некоторые общественно опасные формы состояния опьянения лиц, находящихся на производстве, в частности вождение транспортных средств в нетрезвом состоянии (ст. 217-1 УК Казахской ССР), появление в пьяном виде во взрывоопасных цехах (ст. 208 УК Казахской ССР) и др.

3.4 Проблема обоснования ответственности за преступления, совершенные в состоянии опьянения, по советскому уголовному законодательству

Согласно ст. 12 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик лица, совершившие преступления в состоянии опьянения, от уголовной ответственности не освобождаются.

Это указание закона представляется ясным и не вызывает спора, когда речь идет о той или иной степени неполного опьянения. Но вопрос об основаниях ответственности лиц, совершивших общественно опасные деяния в состоянии полного опьянения, остается спорным, и в литературе по данному поводу высказываются самые различные точки зрения. Одни авторы считают, что в любой степени опьянения, кроме случаев патологического опьянения, отсутствуют как медицинские, так и юридические критерии невменяемости. По их мнению, требование закона об ответственности лиц, совершивших преступление в связи с опьянением, полностью основано на том, что опьянение не является болезненным состоянием, лишаящим лицо способности отдавать себе отчет в своих действиях или руководить ими.

Другие утверждают, что опьянение — болезненное патологическое состояние, обусловленное наличием критериев невменяемости. Они разделяют точку зрения, которая состоит в том, что ответственность пьяных за свои действия (если речь идет о глубоком опьянении) основана на сознательном и виновном их отношении к факту опьянения и его заведомо общественно опасным последствиям¹.

На наш взгляд, правы те авторы, которые опьянение признают состоянием болезненным и порою даже лишаящим человека способности отдавать себе отчет в своих действиях и руководить ими. При полном опьянении, безусловно, имеются и медицинские, и юридические признаки невменяемости.

Мы не можем согласиться с А. Н. Бунеевым, Я. М. Калашником и др., которые опьянение не признают патологическим состоянием. Точка зрения этих авторов

¹См.: Проблемы судебной психиатрии, сб. IX. М., 1961, с. 422—486.

несостоятельна хотя бы потому, что, как правильно отмечала Н. С. Лейкина, они свои выводы строят в основном только на положениях закона (причем не всегда и не совсем верно толкуемых), не учитывая данных медицины, клинических исследований¹.

Я. М. Калашник на Всесоюзной конференции по судебной психиатрии в 1958 г., отстаивая свою позицию, говорил: «В нашей стране алкогольное опьянение никогда законодательством не причислялось к болезненному состоянию, а те страны, где ранее делались попытки рассматривать состояние алкогольного опьянения как состояние болезни, отказались от этого». Далее Я. М. Калашник сделал категорическое заключение: «Состояние алкогольного опьянения нельзя рассматривать как психическое состояние, как болезнь»².

Утверждение, что законодательство не признавало или не признает опьянение болезненным состоянием, спорно. Заявление о том, что страны, где опьянение рассматривалось как состояние болезни, якобы отказались от этого, неточно. Действующее ныне уголовное законодательство ЧССР, ГДР, Югославии и других стран признает опьянение состоянием, могущим исключить вменяемость. В ряде капиталистических стран (Швейцария, Греция, Австрия и др.) наказуемо намеренное опьянение как случаи *actio liberae in causa*, а также случайное опьянение как добровольное приведение себя в состояние невменяемости.

Таким образом, ссылка на законодательную практику зарубежных стран не укрепляет позицию авторов, которые пытаются доказать, что опьянение не может быть признано болезненным состоянием.

Неверно также утверждение Я. М. Калашника о том, что наше законодательство никогда не причисляло опьянение к болезненному состоянию. УК РСФСР 1922 г. и примечание к ст. 10 УК УССР 1927 г. признавали невменяемыми лиц, совершивших преступление в состоянии полного опьянения, если они специально не привели себя в это состояние с намерением совершить преступление.

Действующее ныне уголовное законодательство, как было указано, не освобождает от ответственности лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения, но об их вменяемости или невменяемости в нормах закона ничего не говорится. В этой связи некоторые авторы совершенно правильно указывают, что если бы обычное опьянение не имело вариантов и стадий, фактически устраняющих вменяемость, не было бы нужды вводить в закон указанную оговорку³.

Прямое назначение ст. 12 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик состоит в том, чтобы из общих условий невменяемости, предусмотренных ст. 11, сделать специальное изъятие в отношении лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения. Не будь этой нормы, некоторых пьяных нельзя было бы привлечь к уголовной ответственности за содеянное ими, так как в связи с опьянением они нередко фактически невменяемы.

Клиническая картина опьянения, достаточно хорошо описанная в литературе, а также изучение состояния опьянения клиническими методами свидетельствуют о признании их состояниями патологическими.

Подчеркивая бесспорность такой оценки состояния опьянения, О. В. Кербинов пишет: «Это (болезненная сущность опьянения.— Б. Б.) следует хотя бы из того, что возможны клинические группировки состояний опьянения... Это следует также из того, что состояния опьянения подлежат изучению клиническими методами»⁴.

¹См.: Лейкина Н. С. К вопросу об основании ответственности за преступления, совершенные в состоянии опьянения.— Вестник Ленинградского университета, 1958, № 11, с. 116.

²Проблемы судебной психиатрии, сб. IX. М., 1961, с. 476—477.

³См. Киров Я. И. Судебная ответственность при так называемом патологическом опьянении.— В кн.: Вопросы судебно-психиатрической экспертизы. Харьков, 1936, с. 14; Лейкина Н. С. К вопросу об основании ответственности; Сахаров А. Б. О личности преступника., с. 220.

⁴Проблемы судебной психиатрии, сб. IX, с. 491.

Нетрудно понять, что если алкоголь — яд, то состояние человека, отравленного этим ядом, безусловно, есть состояние болезненное. Поскольку от отравления алкоголем в основном (хотя и временно) страдает психика, имеются все основания считать последствием такого отравления болезненное расстройство душевной деятельности.

Материалистическая научная психопатология считает, что в основе всякого психического расстройства лежат болезни телесные. С. С. Корсаков подчеркивал, что душевные болезни или патологические изменения личности, в основе которых лежат телесные изменения, составляют предмет психиатрии. Он писал, что «введение в организм таких ядов, как алкоголь, хлороформ, опий, гашиш, атропин, белена, вызывает глубокое расстройство сообразительности, памяти и сознания. Все это с несомненностью убеждает нас, что болезнь телесного организма может вызывать и изменения личности. Поэтому изменения эти носят название патологических»¹.

По вопросу о том, к какой форме психических расстройств следует отнести состояние обычного алкогольного опьянения, в медицинской литературе высказывались различные точки зрения. Так, Р. Ф. Крафт-Эбинг в курсе судебной психопатологии посвятил специальную главу (XII) состояниям болезненной бессознательности, в которой простое и патологическое опьянение рассматривал в одном параграфе, озаглавленном «Состояния болезненной бессознательности под влиянием токсических веществ»².

С. С. Корсаков подразделял душевные заболевания на три класса. В первом классе он рассматривал такие состояния психического расстройства, которые называются не душевными заболеваниями, а скоропреходящими психическими расстройствами, симптоматическими и соматическими. В этом классе один из разделов, посвященных симптоматическим психическим расстройствам, назван «Психопатические состояния при отравлениях», куда отнесено специальным параграфом «Отравление алкогольными напитками, опьянение»³. По мнению И. Н. Введенского, «опьянение — острое отравление алкоголем, хорошо знакомое из повседневной жизни, с медицинской точки зрения может быть рассматриваемо как душевное расстройство, близкое к маниакальному состоянию»⁴.

А. Н. Бунеев признавал, что состояние опьянения, наряду с психопатиями, может охватываться понятием «иного болезненного состояния», предусматриваемого законом как один из медицинских критериев невменяемости»⁵.

И. Ф. Случевский, разделяя мнение И. Н. Введенского, считал, что «наиболее характерным для многих случаев обычного алкогольного опьянения является совокупность симптомов, свойственных тому психопатологическому состоянию, которое в психиатрии носит название маниакального синдрома»⁶.

Резюмируя приведенные высказывания различных авторов, можно заметить, что С. С. Корсаков, И. Ф. Случевский, О. В. Кербиков, Р. Ф. Крафт-Эбинг и дру-

¹Корсаков С. С. Введение в Курс психиатрии. Избранные произведения. М., 1954, с. 4—5. В этой связи Бирнбаум писал: «То, что это токсином обусловленное исключительное состояние простой алкогольной реакции «нормального» опьянения должно рассматриваться как патологическое, не требует никакого обоснования». «Kriminalpsychopathologie», 1921, § 83. Г. А. Ашаффенбург признавал пьяного таким же невменяемым, как лицо, отравленное атропином, угарным газом и др. См. там же.

²Крафт-Эбинг Р. Ф. Судебная психопатология. СПб., 1895, с. 466.

³Корсаков С. С. Классификация душевных болезней. Избранные произведения. М., 1954, с. 168—169, 173.

⁴Введенский И. Н. О вменяемости алкоголиков.— В сб.: Судебно-психиатрическая экспертиза, ее практика и задачи. М., 1935, с. 105. В последующих работах этого автора подобной психиатрической оценки состояния опьянения не содержится. См.: Судебная психиатрия. М., 1949, с. 246—247.

⁵См.: Труды первой научной сессии ВИЮН. М., 1940, с. 171. В позднейших работах А. Н. Бунеева подобного утверждения нет. Но он считает, что «при подобных состояниях имеется нарушение нейродинамики. Однако не всегда такие нарушения дают основания говорить о психопатическом состоянии». Бунеев А. Н. О судебно-психиатрической экспертизе состояний опьянения.— Журнал невропатологии и психиатрии, 1955, вып. 1, с. 55.

⁶Случевский И. Ф. Спорные вопросы судебно-психиатрической экспертизы.— Соц. законность, 1955, № 5, с. 40.

гие наиболее известные исследователи признают состояние полного алкогольного опьянения таким болезненным расстройством душевной деятельности, которое понимается действующим законодательством (ст. 11 Основ) как «иное болезненное состояние». Следовательно, при полном опьянении можно говорить о наличии медицинских признаков невменяемости.

Вменяемость, как известно, должна устанавливаться на основании не только медицинских, но и юридических (психологических) критериев. Установление вменяемости не исчерпывается констатацией наличия у лица душевной болезни; выяснению подлежит также вопрос о том, уничтожает ли эта болезнь способность контролировать и оценивать свои действия.

В. П. Сербский по этому поводу писал: «Понятие душевной болезни и понятие невменяемости совпадают далеко не всегда, одно покрывается другим только в некоторых классических, строго определенных формах болезни»¹. Аналогичной точки зрения придерживались Р. Ф. Крафт-Эбинг и В. Х. Кандинский².

В основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик (ст. 11) юридический критерий невменяемости формулируется как неспособность лица отдавать себе отчет в своих действиях или руководить ими. Стало быть, понятие вменяемости включает в себя сознательный, интеллектуальный (способность отдавать себе отчет в своих действиях) и волевой (способность руководить своим поведением) моменты. Для признания невменяемости лица с позиций юридического критерия достаточно установить нарушение у него хотя бы одной из этих способностей³.

Мы полагаем, что в состоянии глубокого алкогольного опьянения лицо может в значительной мере (а иногда и полностью) утратить способность понимать свои действия или управлять ими.

Однако некоторые авторы утверждают обратное. По их мнению, в состоянии опьянения «у человека сохраняется относительно нормальный контакт с внешним миром. При этом, — пишет А. Н. Бунеев, — человек в достаточной мере улавливает изменения, происходящие в окружающей среде, и соответственным образом реагирует на это, изменяя свое поведение»⁴.

На наш взгляд, эти авторы руководствуются неправильными критериями оценки «нормальности» контакта с внешним миром и анализируют состояние опьянения, соответствующее клиническим характеристикам только некоторых его стадий.

Остановимся на разборе выдвинутых авторами критериев оценки «нормальности» контакта с внешним миром. Как видно, из приведенного высказывания А. Н. Бунеева, они основаны на тезисе, что если человек в достаточной мере улавливает изменения, происходящие в окружающей среде, и соответственным образом реагирует на них, изменяя свое поведение, то этого достаточно, чтобы его контакт с внешним миром признать «относительно нормальным», т. е. основанным на нормально протекающих сознательных и волевых процессах. Такое понимание психологических критериев невменяемости чрезмерно сужает

¹См.: Сербский В. П. Законодательство о душевных болезнях.— Журнал невропатологии и психиатрии им. С. С. Корсакова, 1905, кн. 5, с. 786.

²См.: Крафт-Эбинг Р. Ф. Судебная психопатология, с. 15—18; Кандинский В. Х. К вопросу о невменяемости. М., 1890.

³См.: Научно-практический комментарий к Основам уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик. М., 1960, с. 45.

⁴Бунеев А. Н. Судебно-психиатрическая экспертиза, ее практика и задачи. М., 1935, с. 35; см. также: Мендельсон Г., Ткачевский Ю. Борьба с преступлениями, совершенными в состоянии опьянения.— Соц. законность, 1955, № 8, с. 26—27; Судебная психиатрия. М., 1949, с. 246—247; Орлов В. С. Субъект преступления, с. 76; Уголовный кодекс РСФСР. Научно-практический комментарий, т. I. Часть Общая. Свердловск, 1961, с. 50—51; Калашник Я. М. Судебная психиатрия. М., 1961.

критерии этого понятия, установленные законодателем, и не соответствует научным психопатологическим данным.

Советской психологической наукой бесспорно установлено, что контакт с внешним миром, ориентировка в окружающем, протекающая внешне более или менее «нормально», осуществляются не всегда и не обязательно при посредстве акта сознания. Многие наши более или менее целесообразные поступки часто обусловлены не актом сознания, а являются привычными автоматическими реакциями, в основе которых лежат условные и безусловные рефлексy.

Эта точка зрения на природу привычных автоматических движений, а также их влияние на поведение пьяных находит свое обоснование и в учении И. М. Сеченова и И. П. Павлова.

И. М. Сеченов все внешние проявления мозговой деятельности сводил к мышечным движениям, которые разделял на невольные и произвольные¹. Все невольные движения он подводил под две главные категории: «чистые рефлексy» от испуга до чувственного наслаждения. Под чистыми рефлексами ученый понимал такие, при которых «в явление не вмешивается деятельность придаточных механизмов (т. е. элементы сознания — Б. Б.), задерживающих или усиливающих отражение движения». «Всякий понимает, — писал он, — что туда (т. е. к чистым рефлексам. — Б. Б.) относятся явления движения, представляемые человеком в том состоянии, когда его головной мозг как бы отсутствует: спящими, пьяными, лунатиками, людьми, сосредоточенными над какой-нибудь мыслью и чуждыми в то время окружающим их влияниям и т. д. **Психический элемент здесь совершенно отсутствует**» (подчеркнуто нами. — Б. Б.)².

Как видно, И. М. Сеченов признавал действия сильного опьяневшего бессознательными. И все же он допускал возможность совершения в таком состоянии вполне целесообразных и внешне разумных действий.

Целесообразность и кажущаяся разумность движений, как подчеркивал И. М. Сеченов, не исключает «машинообразности», «невольности», «автоматичности», т. е. бессознательности их происхождения. Говоря о том, что «сильно выпивший наездник искуснее управляет лошадью в опасных местах дороги, чем трезвый», ученый подчеркивал, что действиями всадника при этом руководит не акт сознания, что по механизму своего происхождения они являются «невольными»³.

Возможность совершения целого ряда целесообразных, внешне вполне «разумных» действий и без участия акта сознания вытекает и из учения И. П. Павлова, который считал, что часть нашей индивидуальной и социальной жизни состоит из автоматических бессознательных реакций на раздражения. Он также находил, что бессознательные или подсознательные действия выполняются обычно с большей легкостью, чем сознательные. «Эта заторможенность (некоторых отделов полушарий головного мозга. — Б. Б.), — писал он по поводу автоматизма загипнотизированных, — однако, допускает, или даже улучшает, влияние сложных воздействий, старую, прочно и давно практикованную связь известных раздражений с определенной деятельностью, с определенными движениями»⁴.

В унисон сеченовскому «чистому рефлексу» лица, сосредоточившегося над определенной мыслью, И. П. Павлов писал: «Разве это не обычная вещь, что мы, занятые, главным образом, одним делом, одной мыслью, можем одновременно исполнять другое дело, очень привычное для нас, т. е. работать теми частями полушарий, которые находятся в известной степени торможения по механизму внешнего торможения, тогда как пункт полушария, связанный с нашим главным делом, конечно, является только сильно возбужденным?»⁵.

С. С. Корсаков и В. П. Сербский также придерживались мнения, что значительная часть

¹См.: Сеченов И. М. Избранные произведения. М., 1953, с. 33–34.

²См. там же, с. 49.

³Там же, с. 57.

⁴Павлов И. П. Избранные произведения. М., 1949, с. 96.

⁵Там же.

нашей психической деятельности совершается в бессознательной или подсознательной сфере, не достигая порога, уровня или рубежа сознания¹.

По мнению В. П. Сербского, в бессознательной сфере происходит сочетание идей, образуются симпатии и антипатии, развиваются и борются влечения, но мы не сознаем всей этой работы, и нередко до нашего сознания доходят только одни ее результаты². Исходя именно из этой научной предпосылки, он объяснял природу целесообразных действий, совершаемых в состоянии так называемого психического автоматизма, сомнамбулизма или транса (психический автоматизм алкоголиков с явлениями белой горячки или без них, эпилептиков, истериков, загнипнотизированных и т. п.). «Объяснение психического автоматизма, являющегося на первый взгляд крайне загадочным и непонятным, — писал В. П. Сербский, — лежит в том капитальном факте, что подавляющая масса нашей психической деятельности совершается ниже порога сознания, в подсознательной сфере. При обыкновенных условиях, когда наше сознание поглощено чем-нибудь, мы очень часто действуем как автоматы, передвигаемся, обходим препятствия, даже разговариваем совершенно машинально, не отдавая себе отчета. Если же вместо поглощения сознания каким-либо предметом, мы представим крайнее его ослабление, падение его интенсивности при сохранении работы в подсознательной сфере, то мы и получим явления **патологического автоматизма** (подчеркнуто нами. — Б. Б.)³.

Советская психологическая наука считает, что и сознательный и бессознательный аппараты одинаково (то в большей, то в меньшей степени) обслуживают все виды нашей деятельности. В любую форму деятельности автоматизм входит необходимой составной частью. В психологии различают автоматизм первичный, который непроизвольно складывается на основе инстинктивной мотивации, в результате непреднамеренного стечения обстоятельств, и вторичный, который сознательно вырабатывается в процессе учебы, посредством преднамеренного закрепления или автоматизации первоначального не автоматически совершающихся действий.

В отличие от первичного вторичный автоматизм предполагает (кроме механизма условных рефлексов, имеющих существенное значение и для их закрепления) также и другие «механизмы» интеллектуального порядка, т. е. он может быть образован только при участии сознания, а потому его бытие мыслимо лишь в человеческом поведении. Но это несколько не исключает того, что у человека может быть не только сознательно вырабатываемый, но и непроизвольно складывающийся автоматизм.

Даже вновь приобретенные и установленные сознанием способы действия постепенно переводятся в область бессознательного, где они впоследствии получают быстроту, легкость и экономность действия, характерные для автоматического движения.

«Разумность» поведения, основанного на автоматизме в виде навыков или привычек⁴, в одних случаях объясняется тем, что эти автоматические, стереотипные компоненты входят в интеллектуальное поведение лишь как частичные операции, включающиеся в выполнение интеллектуальных действий.

В других случаях определенной системой движения можно овладеть настолько, что она, стереотипизируясь, постепенно превращается в «своеобразный орган индивидуальности», в средство выражения и реализации отношения человека к действительности. Выполнение этой системы движений, не требуя развернутого контроля сознания, может происходить и

¹См.: Корсаков С. С. Избранные произведения. М., 1954, с. 83.

²См.: Сербский В. П. Психиатрия. М., 1912, с. 91.

³Там же, с. 98.

⁴Навык, по определению З. И. Ходжавы, «это автоматизированное в результате учебы целесообразное действие, протекающее без помощи мышления и, значит, без участия сознания или «бессознательно». «Всякая привычка, — пишет тот же автор, — есть активность, выполнение которой стало потребностью или склонностью субъекта, но активность эта может быть — или деятельностью (поведением) в целом или же включенным в ее состав действием, не имеющим самостоятельного, независимого от него существования» (Ходжава З. И. Проблема навыка в психологии. Тбилиси, 1960, с. 92, 149).

под влиянием сложившейся у субъекта психологической установки¹, т. е. особого психического феномена, который, не входя в технические подробности осуществления движений, определяет общую стратегию и направление двигательного поведения в соответствии с жизненными интересами личности»².

Большинство авторов рассматривает установку как первый уровень психической активности (не достигающей порога сознания) индивида³. По мнению Ш. Надирашвили, «... в установке, на основе которой действует индивид, отражены как потребности индивида, так и ситуация удовлетворения этих потребностей, поэтому возникшее на основе этой ситуации поведение характеризуется целесообразностью»⁴.

Таким образом, наличие элементов ориентированности, внешней «разумности» в поведении лиц, находящихся в состоянии более или менее глубокого опьянения, еще не дает основания судить о правильности работы сознания, а может только свидетельствовать, что у них в момент опьянения с теми или иными видоизменениями сохранены обычные психологические установки. Более того, специальными экспериментами доказано, что состояние опьянения затрудняет форсирование новой установки и создает благоприятные условия для более энергичного проявления фиксированной ранее (скажем, до момента опьянения) установки.

По мнению Б. И. Хачапуридзе, этим объясняется характерная для состояния глубокого опьянения автоматическая регуляция актов поведения. «Этот факт трудной фиксируемости установки в состоянии опьянения, — пишет он, — хорошо согласуется с фактом амнезии в том же состоянии, а более энергичное действие в том же состоянии установки, фиксированной ранее, согласуется с фактом автоматической регуляции актов поведения опьяненного человека»⁵.

В этой связи Р. Ф. Крафт-Эбинг писал: «Бессознательность (беспамятство) многими часто понимается в обыкновенном, а не в судебно-психиатрическом смысле, и потому нередко обвиняемый признается действовавшим сознательно, когда он во время учинения преступного деяния находился в совершенно пьяном состоянии, но сохранил способность более или менее связно говорить и выполнять те или другие сложные действия, свидетельствующие о восприятии им впечатлений из окружающего мира... Между тем в сущности такое поведение пьяного человека вовсе не исключает возможности, что он в то время был лишен самосознания, т. е. сам не знал что делал»⁶.

Однако нельзя признать наличие «нормального» контакта с внешним миром даже у такого пьяного, который в той или иной мере еще улавливал изменения внешней ситуации и в известной степени приспособлялся к ним. Но улавливать изменения ситуации, а тем более приспособляться к ним могут далеко не все пьяные: не подлежит сомнению тот факт, что есть стадия опьянения, при которой человек теряет способность даже к ощущениям⁷.

¹Под установкой в психологии понимают готовность организма к деятельности или состояние мобилизованности психофизических сил субъекта к совершению определенной активности. Известный исследователь теории установки Д. Н. Узнадзе рассматривал этот психический феномен как отношение потребностей к ситуации, определяющее весь функциональный статус личности в данный момент. См.: Узнадзе Д. Н. Экспериментальные основы психологии установки. — В сб.: Экспериментальные исследования по психологии установки. Тбилиси, 1958, с. 70—71.

²Запорожец А. В. Развитие произвольных движений. М., 1960, с. 394.

³См.: Чхартишвили Ш. Н. Некоторые спорные проблемы психологии установки. Тбилиси, Мецнисреба, 1971, с. 41; Шота Надирашвили. Понятие установки в общей и социальной психологии. Тбилиси. Мецнисреба, 1974, с. 44.

⁴Шота Надирашвили. Указ. работа, с. 44.

⁵Хачапуридзе Б. И. Проблемы и закономерности действия фиксированной установки. Тбилиси, 1962, с. 2.

⁶Крафт-Эбинг Р. Ф. Судебная психопатология, с. 470.

⁷По этому поводу В. П. Сербский отмечал: «Наряду с нечувствительностью ко всему неприятному — притупляется чувствительность вообще, в том числе и к физической боли, так что до открытия хлороформа операции нередко производились при глубоком опьянении оперируемых». Сербский В. П. Психиатрия, с. 145.

Р. Ф. Крафт-Эбинг считал, что имеется два различных состояния опьянения: при одном из них сознание внешнего мира и собственной личности еще сохраняется или оказывается лишь несколько помраченным, при другом — это сознание вполне исчезает¹. С. С. Корсаков подчеркивал, что для правильности сознания необходимы многие условия, и потому в болезненных состояниях, а также под влиянием различных ядов (например, алкоголя, хлороформа, опия), влияющих на головной мозг, сознание расстраивается чрезвычайно резко².

Безусловно, правы те советские психиатры и криминалисты, которые признают, что в состоянии глубокого опьянения может быть налицо психологический критерий невменяемости.

Советская судебнопсихиатрическая практика исходит из того, что характер и мотивы совершённого преступления — ценнейший материал для оценки психического состояния виновного (испытуемого). Необычность преступления, его немотивированность, чрезмерная жестокость — первые признаки, дающие повод подозревать наличие психического расстройства. Можно ли считать нормальным, например, поведение 70-летнего О., который осужден за то, что в состоянии сильного опьянения приревновал свою 67-летнюю супругу к зятю и на этой почве пытался убить ее?

Все это, на наш взгляд, не оставляет сомнения в том, что состояние глубокого опьянения нарушает обычные психические функции организма, является психической патологией. Поэтому в отдельных случаях такое состояние может быть признано как по медицинским, так и по юридическим основаниям исключаящим вменяемость.

На это неоднократно указывал и Верховный Суд СССР. Так, в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 15 марта 1971 г. по делу Г., обвинявшегося в убийстве с особой жестокостью 84-летнего старика и нанесении телесных повреждений трем гражданам, отмечается, что Г. рано утром на станции в г. Кашино выпил 700 г спиртных напитков, а во второй половине дня, пригласив к себе С., — стакан водки, после чего, как он утверждал на предварительном следствии и в судебном заседании, не помнит, где был, что делал, и очнулся только в машине, когда его связанного взяли в милицию³.

Заявление Г. о том, что после выпитого дома стакана водки он ничего не помнил, учитывая безмотивность последующих действий по отношению к потерпевшим, **обязывало суд с особой осторожностью оценивать заключение амбулаторной экспертизы о вменяемости Г.** (подчеркнуто нами.— Б.Б.) и совершении им преступления в состоянии простого, а не патологического опьянения⁴.

Поскольку вменяемость — обязательное условие виновности, а следовательно, и ответственности, естественно возникает вопрос, на чем основана ответственность лица, совершившего уголовно наказуемое деяние в состоянии такого опьянения, которое фактически исключало все медицинские и юридические признаки вменяемости?

Отдельные авторы пытаются обойти противоречие между фактической невменяемостью некоторых категорий пьяных и существующим положением закона, не исключаящим их ответственности за содеянное, утверждая, что состояние опьянения не исключает ответственности потому, что в любой его стадии отсутствуют предусмотренные законом критерии невменяемости. Они вовсе не отрицают того, что при этих состояниях имеются нарушения нейродинамики, порождаются

¹См.: Крафт-Эбинг Р. Ф. Судебная психопатология, с. 469.

²Корсаков С. С. Избранные произведения, с. 83.

³См.: Бюллетень Верховного Суда СССР, 1971, № 3, с. 30.

⁴См.: Бунеев А. Н. О судебнопсихиатрической экспертизе состояний опьянения.—Журнал невропатологии и психиатрии, 1955, вып. 1, с. 55.

различного рода слуховые, зрительные представления, не соответствующие действительности, при глубоких степенях опьянения снижается критика, ослабевает самоконтроль и даже нарушается сознание и т. п.¹ И все-таки из приведенных выше утверждений следует, что авторы не делают единственно правильного вывода о том, что вызываемые опьянением нарушения или различного рода представления, не соответствующие действительности, по степени и характеру их могут быть таковыми, что исключают вменяемость.

Советское законодательство фактически признает возможность такого опьянения, при котором лицо лишается способности сознавать окружающее и руководить своим поведением. В ряде случаев судебная практика применяет отдельные нормы советского законодательства, толкуя их именно в этом смысле.

В некоторых определениях Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР состав отдельных конкретных преступлений исключается с учетом состояния опьянения, бессмысленности действий виновного. Например, в определении по делу Ч., обвинявшегося в хищении, указывается на сильную степень опьянения как обстоятельство, исключаящее умысел на хищение.

В уголовном процессе фактически не имеют доказательственной силы показания свидетелей или потерпевших, если есть основания полагать, что они, находясь в состоянии сильного опьянения, не могли правильно воспринимать события, к которым имели то или иное отношение. 27 сентября 1958 г. Пленум Верховного Суда СССР своим постановлением, прекращая производством уголовное дело в отношении А. и О., осужденных одним из народных судов Баку за разбойное нападение на А., мотивировал это тем, что в основу обвинения осужденных суд положил показания потерпевшего, который в момент преступления находился в состоянии сильного опьянения, и поэтому «не исключена возможность, что он мог ошибочно воспринять и оценить обстановку в момент происшествия и перепутать вследствие этого лиц, совершивших на него разбойное нападение»².

Советское гражданское право указывает, что суд может признать недействительной сделку, совершенную лицом, находившимся в состоянии сильного опьянения и не понимающим значения своих действий.

Таким образом, законодатель в целом ряде правоотношений (уголовно-процессуальных, трудовых, гражданских и некоторых уголовно-правовых) считает сильно опьяневшее лицо неспособным понимать значение своих действий или правильно воспринимать явления окружающей действительности. Признав это, мы не можем отрицать такого же отношения законодателя к преступным действиям лиц, находящихся в состоянии сильного опьянения. Допускать обратное, т. е. утверждать, что законодатель в одних случаях считает лицо, находящееся в состоянии полного опьянения, неспособным понимать значение своих действий, а в других — не признает его таковым, значит поставить критерии невменяемости в полную зависимость от воли законодателя. По существу это означает рассматривать вменяемость не как объективно существующее явление, а как юридическую квалификацию состояния лица, т. е. как формальное понятие, оторванное от реальной действительности.

Подобная точка зрения широко распространена в буржуазном праве и находит свое теоретическое обоснование в работах таких крупнейших представителей социологической школы в уголовном праве и психиатрии, как Крепелин и Ашаффенбург, которые предлагали

¹См.: Бунеев, А. Н. Указ. работа, с. 55; Касаткин Ю. П. К изучению конкретных причин, вызывающих преступления.— Ученые записки Таджикского государственного университета, т. XI, вып. 4. Душанбе, 1956, с. 138; Калашник Я. М. Алкогольное опьянение и его правовая оценка.— Проблемы судебной психиатрии, вып. XI. М., 1962, с. 25.

²Бюллетень Верховного Суда СССР, 1959, № 2, с. 16–18.

заменить понятие вменяемости принципом целесообразности и считали, что раз обвиняемый не подлежит направлению в психиатрическую больницу, его надо отправить в тюрьму, даже если бы он в момент совершения преступления и был невменяемым¹.

Советское уголовное право, устанавливая критерии невменяемости, исходит из объективных закономерностей проявлений психических заболеваний, нарушений психики, основывается на данных научной психологии и психопатологии².

Однако, по мнению П. С. Дагеля, поскольку вменяемость — необходимая предпосылка вины, то «невменяемый не может быть признан ни виновным, ни невиновным³. Отсюда он заключает: «В рассматриваемых состояниях отсутствует медицинский критерий невменяемости... так как состояния опьянения и аффекта, **представляющие несомненные нарушения психической деятельности** (подчеркнуто нами.— Б.Б.), все же существенно отличаются от болезненных состояний, подпадающих под медицинский критерий»⁴. Более того, П. С. Дагель полагает, что фактическое отсутствие сознания и воли в момент поступка не означает еще невменяемости⁵. В дальнейшем, развивая это суждение, автор признает: «Совершенно очевидно, что эти формы преступного поведения не укладываются ни в умысел, ни в неосторожность, т. е. ни в одно из перечисленных в ст. 3 Основ уголовного законодательства форм вины. И это вполне понятно, так как уголовное право, вырабатывая определения форм вины, опирается на положения психологической науки, которая до последнего времени не занималась проблемой бессознательного»⁶.

Мы полагаем, что, устанавливая те или иные правоотношения, законодатель всякий раз отправляется от уровня развития науки (в том числе и психологической) на данное время. В статье 12 Основ Уголовного законодательства он решает вопрос об ответственности, следовательно, и вины лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения, независимо от дальнейшего развития научной теории или методологических подходов к понятию бессознательного в психологии.

Лица, совершившие преступление в состоянии даже сильной степени опьянения, с точки зрения законодателя виновны в совершенном ими деянии, хотя и были в этот момент невменяемы. Ведь любое преступное действие независимо от того, в каком состоянии находились совершившие его, наносит обществу или отдельным гражданам определенный материальный или моральный ущерб. Законодатель же стоит на страже общественных и личных интересов граждан, и поэтому для него вменяемость не самоцель, а лишь одна из предпосылок определения субъективного основания ответственности. Социально целесообразно установление вины лица, приведшего себя в состояние невменяемости путем употребления алкоголя и совершившего в этом состоянии уголовно наказуемое деяние.

Например, лицо, которое подготовило мину замедленного действия к взрыву, но спало в самый момент взрыва непробудным сном, виновно и ответственно за самый взрыв и его последствия. Точно так же пьяные лица, невменяемые в момент совершения преступления, были вменяемы до этого, отдавали отчет в возможных антиобщественных последствиях глубокого опьянения и все же сознательно вступили в это состояние и совершили уголовно наказуемое деяние.

¹См.: Фейнберг Ц. Учение о вменяемости в различных школах уголовного права и судебной психиатрии.— Проблемы судебной психиатрии, сб. V. М., 1946, с. 63—70.

²См.: Бунеев А. Н. Указ. работа, с. 54—55; Лунц Д. Р. Основные принципы судебно-психиатрической оценки при решении вопроса о невменяемости.— Проблемы судебной психиатрии, сб. VII. М., 1957, с. 31—33.

³См.: Дагель П. С. Проблема бессознательного и некоторые вопросы вины в уголовном праве.— Ученые записки ДГУ, т. 14. Владивосток, 1968, с. 80.

⁴Там же.

⁵Там же.

⁶Там же, с. 81.

Подобное обоснование ответственности лиц, совершивших преступление в состоянии полного опьянения, разделяется многими исследователями этой проблемы¹. Более того, к нему начинают присоединяться и те, кто ранее утверждал, что пьяные преступники несут ответственность потому, что любая степень опьянения не исключает способности сознавать смысл своих действий и руководить ими.

Однако в юридической литературе порою утверждается, а в судебной практике иногда встречается недифференцированный подход ко всем без исключения лицам, совершившим преступление в состоянии полного опьянения, т. е. в основу обоснования их ответственности положен принцип, который фактически игнорирует имеющиеся между ними различия в их отношении к факту своего опьянения и к его возможным антиобщественным последствиям.

Если обосновывать ответственность с этой точки зрения, то напрашивается вывод, что законодатель, устанавливая конструкцию ответственности пьяных за свои действия, исходит из презумпции, что каждое лицо, употребляющее алкоголь и совершающее преступление, знает и предвидит (или должно знать и предвидеть) общественную опасность, а стало быть, и противоправность своего опьянения и его последствий².

Мы считаем неосновательным предъявление каждому требования о том, чтобы он знал и предвидел общественно опасные последствия своего опьянения. Во-первых, употребление алкоголя и опьянение не всегда и не обязательно ведут к совершению общественно опасного деяния и не каждому известна возможность таких последствий опьянения. Во-вторых, законодательством не установлен общий запрет приведения себя в состояние опьянения, следовательно, само по себе это не противоправно, а существующий моральный запрет дает основание только для нравственного осуждения, но не делает его наказуемым во всех случаях. Отсюда следует, что не каждое лицо, употребляющее спиртные напитки, объективно имеет возможность предвидеть общественную опасность и противоправность последствий своего опьянения.

Если и допустить, что субъект должен был и мог предвидеть общественно опасные последствия, но все же привел себя в состояние опьянения и совершил наказуемое деяние, то и в этом случае остается неясным, о какой форме его вины может идти речь.

А. Б. Сахаров исходит из того, что употребление алкоголя предполагает либо неосторожность, либо косвенный умысел в отношении возможных антиобщественных последствий опьянения³. Иными словами это означает, что деяние нужно квалифицировать как умышленное или неосторожное в зависимости от психического отношения лица не к самому деянию или его результату, а только к факту опьянения. Но в реальной действительности бывает и так: скажем, лицо, употребляя спиртные напитки, не желает общественно опасных последствий опьянения и полагает, что они не наступят, но затем оно незаметно для себя сильно опьянело и совершило хулиганство, убийство, изнасилование или иное тяжкое преступление⁴.

¹См.: Мендельсон Г., Ткачевский Ю. Борьба с преступлениями, совершенными в состоянии опьянения.— Соц. законность, 1955, № 8, с. 26; Лейкина Н. С. Личность преступника и уголовная ответственность. Л., 1968, с. 55; Сахаров А. Б. Указ. работа с. 225; Советское уголовное право, часть Общая. Л., 1960, с. 291—292, и др.

²Мнения, связанные с презумпцией сознания виновным общественно опасного характера последствий совершенных им действий, в юридической литературе подвергнуты справедливой критике. См.: Макашвили В. Г. Уголовная ответственность за неосторожность. М., 1957, с. 89—90; Никифоров Б. С. Объект преступления. М., 1960, с. 194—197; Пионтковский А. А. Учение о преступлении. М., 1961, с. 377.

³См.: Сахаров А. Б. Указ. работа, с. 225.

⁴В этой связи еще Н. С. Таганцев отмечал, что «далеко не всегда человек может с точностью

Если придерживаться точки зрения А. Б. Сахарова, то в приведенном примере деяние нужно квалифицировать как неосторожно совершенное. Однако судебная практика не знает таких случаев, когда деяние квалифицировалось бы как неосторожное только на том основании, что оно совершено лицом, находившимся в состоянии полного опьянения, в которое оно привело себя по неосмотрительности или легкомыслию. Практика квалифицирует деяние и устанавливает субъективную сторону состава его, учитывая психическое отношение субъекта только к совершенному им общественно опасному действию и его последствию, но не к самому факту опьянения.

Эта позиция судебной практики по делам лиц, совершивших деяние в состоянии глубокого опьянения, характеризуется Н. С. Лейкиной как объективное вменение. Она писала: «Когда напившегося до бессознательности судят за умышленно совершенные им действия, у него, да и у окружающих возникает недоумение, непонимание. Между тем общественно опасное поведение пьяного широкими массами оценивается как отрицательное именно потому, что лицо повинно в том, что привело себя в такое состояние опьянения, при котором вне воли и разума совершило общественно опасные действия, за это и надо его судить, об этом и должно быть прямо сказано в законе»¹.

Нельзя также считать, что каждое лицо, приведя себя в состояние опьянения, заведомо знало и допускало возможность общественно опасных последствий опьянения, и на этом основании усматривать в преступлениях, совершаемых в состоянии полного опьянения, эвентуальный умысел. Такая постановка вопроса противоречит принципу конкретности вины.

Как указывает И. Лекшас, вина есть вина конкретного деяния. Он пишет, что «не существует просто умысла и просто неосторожности, а можно говорить о конкретном «умысле на убийство» или конкретной неосторожности в отношении убийства определенного лица и т. д. Умысел и неосторожность всегда относятся только к совершению определенного конкретного преступления»².

Ни одно лицо не может заранее предвидеть, какие действия оно совершит в состоянии возможного глубокого опьянения. Соответственно этому оно не может представить себе ни объекта³, ни объективной стороны деяния⁴, совершаемого в этом состоянии. Как известно, не может быть и речи об умышленной вине лица, если его умыслом не охватывались все объективные свойства совершаемого общественно опасного действия⁵.

определить ту степень, с которой опьянение становится для него опасным, а установив таковую, еще реже может удержаться на этой ступени» (Таганцев Н. С. Лекции по русскому уголовному праву. Часть Общая, вып. II, с. 495).

¹Вестник Ленинградского университета, 1958, № 11, с. 120.

²Ион Лекшас. Вина как субъективная сторона преступного деяния. М., 1958, с. 33-34.

³Б. С. Никифоров пишет, что «последствие в смысле уголовного права есть категория соотносительная, это — всегда нарушение охраняемого уголовным правом объекта, причинение ущерба общественному отношению... Поэтому предвидеть (в существенном для уголовного права смысле) общественно опасный характер последствий своих действий — означает по существу отдавать себе отчет в том, в отношении какого именно объекта данное «фактическое» последствие выступает как вред, ущерб» (Никифоров Б. С. Объект преступления, с. 202—203).

⁴«Субъект,— пишет В. Н. Кудрявцев,— предвидит или должен был (и мог) предвидеть именно то, что затем осуществится объективной стороной его поведения. В этом смысле можно сказать, что субъективная сторона преступления является отражением объективной стороны» (Кудрявцев В. Н. Объективная сторона преступления. М., 1960, с. 20).

⁵«Для наличия умысла необходимо предвидеть (сознать) все те фактические обстоятельства, которые образуют состав данного конкретного преступления» (Пионтковский А. А. Учение о преступлении, с. 355).

Таким образом, если лицо не привело себя в состояние опьянения с намерением совершить преступление или же в процессе совершения его либо если оно по характеру своих действий или особенностям личности заведомо не создавало актом опьянения реальной угрозы конкретным общественным отношениям, то фактически исключается возможность предвидения своих действий, совершаемых в состоянии глубокого опьянения, и общественно опасного характера их последствий, а также причинной связи между фактом опьянения и совершенным в этом состоянии деянием. Усматривать в таких случаях преступный умысел в действиях субъекта нельзя.

В основе внешне «разумных» и более или менее целесообразных действий лиц, находящихся в состоянии глубокого алкогольного опьянения, лежит не интеллектуально-волевая активность, а индивидуально-психологическая установка этих лиц. Исходя из такого понимания природы психической активности лиц, находящихся в состоянии опьянения, представляется правильным считать, что преступления, совершаемые ими, являются не только и не столько результатом нарушения опьянением психики, сколько следствием антисоциальной установки, индивидуалистических взглядов и всего склада личности преступника, проявившихся при определенном стечении обстоятельств, под влиянием опьянения и конкретной ситуации, создавшейся в период совершения преступления или до него.

Поэтому субъективное основание ответственности за такие деяния можно установить путем изучения личности преступника в целом, тех изменений психики, которые происходят в состоянии опьянения, а также его конкретного антиобщественного поведения во время опьянения. Мы полагаем, что за деяния, совершенные в состоянии более или менее полного опьянения, уголовная ответственность лица основана на его вине конкретно в следующих случаях:

когда оно привело себя в это состояние намеренно, со специальной целью совершить преступление;

когда вступило в это состояние (быть может и непроизвольно) в процессе совершения антиобщественных поступков;

когда опьянение в силу явной антиобщественной настроенности лица заведомо являлось для него таким состоянием, в котором данное лицо представляло угрозу тем или иным охраняемым законом интересам;

когда на нем лежала правовая обязанность быть предусмотрительным в силу им же созданных обстоятельств или в связи с его профессией или службой.

Рассмотрим каждый из этих четырех случаев отдельно.

Намеренное опьянение имеет место, когда лицо приводит себя в такое состояние с целью решиться на преступление либо в случае разоблачения сослаться на опьянение как на оправдывающее или смягчающее вину обстоятельство.

Если субъект совершает задуманное им преступление в состоянии неполного опьянения, значит, он действует сознательно и в соответствии с намеченным планом. Ответственность таких лиц основана на их вине, выраженной в прямом умысле.

Намеренное опьянение может быть и полным, когда лицо в момент совершения преступления фактически не отдает себе отчета в своих действиях. Но и эта стадия опьянения не исключает возможности реализации сознательно выработанных целей, хотя сами действия субъекта протекают бессознательно.

Психопатологические изменения установки лиц, находящихся в состоянии опьянения, никем специально не изучены. Однако имеются исследования о состоянии установки различных категорий психических больных. Если учитывать отмеченное И. П. Павловым известное сходство внешних проявлений алкогольного опьянения

и некоторых форм шизофрении¹, то надо полагать, что, зная о состоянии установки шизофреников, можно в определенной степени иметь представление и об установке пьяных.

Экспериментальные исследования психопатологии установки психических больных, проведенные Д. Н. Узнадзе и И. Т. Бжалавой², показали, что для лиц, страдающих шизофренией, характерно нарушение системной деятельности больших полушарий головного мозга, корковых процессов и соответственное изменение у них характера и прочности установки, а также нарушение их способности к объективации³.

У шизофреников, как указывает И. Т. Бжалава, появляется патологическая инертность или статичность установки, т. е. будучи однажды фиксированной, она становится максимально устойчивой. Это проявляется особенно в том, что «больной долго не в силах оказать противодействие актуальной установке и увидеть и осознать несоответствие между собственным переживанием и внешней действительностью... Словом, содержание переживаний наших больных опирается на силу инерции однажды возникшей установки...»⁴

Поскольку психика является в конечном счете проявлением целостной модификации субъекта или установки личности, влияние алкоголя на психику в первую очередь сказывается на действии установки.

Повседневное наблюдение за поведением пьяных в быту, а также изучение клинической картины опьянения дают основание заключить, что лица, находящиеся в состоянии алкогольного опьянения, под действием спиртных напитков приобретают присущую шизофреникам патологическую инертность и статичность ранее фиксированной установки.

Эта точка зрения несколько не противоречит данным Б. И. Хачапуридзе, который указывает, что после употребления алкоголя у некоторых лиц сокращается длительность действия установки и ускоряется смена фаз, а также изменяются индивидуальные типы действия установки. «В предварительных опытах с более долгим действием алкоголя,— пишет он,— у некоторых испытуемых почти не фиксировалась установка»⁵. Поэтому не случайно Б. И. Хачапуридзе приходит к выводу: «Влияние алкоголя в больших дозах (при экспериментальном приеме алкоголя) обуславливает усиленное проявление ранее фиксированной установки»⁶. Поскольку в состоянии глубокого опьянения, как показывают приведенные выше экспериментальные данные, не фиксируется установка, сильно опьяневшие лица, реагируя на

¹И. П. Павлов писал: «Наконец, сюда же в эту группу всяческих вариаций центрального торможения, нужно отнести и симптом шаловливости, дурашливости, наблюдаемый в особенности у гебефреников, а также вспышки возбуждения с характером агрессивности, которые встречаются среди уже указанных симптомов и у других шизофреников. Все эти явления очень напоминают картину обыкновенного начального алкогольного опьянения» (Павлов И. П. Пробная экскурсия физиолога в область психиатрии.— Психопатология и психиатрия. М., 1949, с. 114).

²См.: Узнадзе Д. Н. Указ. работа, с. 103—113; Бжалава И. Т. Указ. работа, с. 497—523.

³Объективация — это психологическое понятие, возникшее в связи с теорией установки. В противоположность установке, понимаемой как всеосознательный, досознательный феномен, объективация означает акт сознания и вступает в действие в случае «неприспособленности» установки к объективной ситуации, когда возникает необходимость замены старой установки новой.

⁴См.: Ходжава З. Указ. работа, с. 198. Бжалава И. Т. Указ. работа, с. 509—510.

⁵Хачапуридзе Б. И. Указ. работа, с. 163.

⁶Фиксированная установка представляет собой упроченную и сохраненную актуально-моментальную установку, которая при соответствующих обстоятельствах может возникнуть вторично. Фиксированная установка, как упроченная и сохраненная готовность к определенному поведению, возникает легко не только в ситуации, в которой она возникла в прошлом, но и в ситуации, лишь отчасти сходной с этой последней. См.: Шота Надирашвили. Указ. работа, с. 128; Чхартишвили Ш. Н. Указ. работа, с. 225.

изменение внешних ситуаций, должны опираться на инертность ранее фиксированной (ближайшей к данной ситуации) установки¹.

Такая патологическая инертность и статичность установки физиологически может быть обоснована распространением возбуждения, которое характерно для состояния, именуемого в физиологии доминантным².

Известно, что доминантным состоянием называют обусловленность поведения лица доминирующим, господствующим в данное время очагом возбуждения центральной нервной системы. Доминирующий очаг возбуждения коры больших полушарий мозга, притягивая к себе слабые импульсы, обуславливает одностороннее течение реакции. Пока в коре не угас очаг доминантного возбуждения, указывает Г. В. Скипин, течение реакции подчиняется ему. «Вероятно в патологическом случае, — пишет он, — когда в отдельных участках центральной нервной системы создаются очаги хронически повышенного возбуждения (в силу ли нарушения функционального состояния или органического изменения ткани), этот очаг приобретает свойства доминантного участка со всеми характерными для него свойствами:

1) инертностью;

2) способностью изменять направление течения процесса в центральной нервной системе в силу притяжения на себя возбуждений, возникающих в других участках коры;

3) индукционным влиянием на окружающие ткани, благодаря чему поддерживается и усиливается состояние патологического участка»³.

Выраженная патологическая инертность установки имеет место в основном только при полном опьянении. Но это не значит, что начало вступления в действие патологически инертной установки пьяных связано с моментом наступления полного опьянения, т. е. с утратой способности понимать свои действия или руководить ими: инертность установки чаще наступает в стадии более или менее ярко выраженного неполного опьянения, а потом становится тем сильнее, чем больше теряют свое руководящее значение в поведении лица интеллект и воля. Инертная установка проявляется в том, что пьяное лицо в своем поведении может руководствоваться только переживанием или впечатлением, явившимся толчком до начала действия. Поскольку в связи с опьянением у субъекта исчезает или ослабляется способность к объективации и он временно лишается возможности анализировать свои действия, постольку он вынужден лишь продолжать исполнение уже начатого, подчиняясь только регуляции инертной установки. Последующее появление сознания, а вместе с ним и способности к объективации может двояко повлиять на поведение в зависимости от отношения сознания, цели субъекта к уже совершенному. Если содеянное выходит за рамки сознательного желания, субъект может изменить поведение в нужном направлении; если же бессознательно совершенное соответствует его намерениям, он может (теперь уже сознательно) способствовать доведению начатого до конца.

В литературе в качестве примера попытки избежать ответственности со ссылкой на непреднамеренное опьянение иногда приводят действия стрелочника, который с целью вызвать крушение поезда и в надежде смягчить ответственность за содеянное напивается пьяным и, не переводя вовремя стрелку, засыпает⁴.

Нами уже указывалось, что в теории уголовного права приведение себя в состояние опьянения для совершения преступления именуется случаем *actiones liberae*

¹Там же, с. 272.

²См.: Бжалава И. Т. Указ. работа, с. 508.

³Труды физиологической лаборатории академика И. П. Павлова, т. VIII. М., 1938, с. 31.

⁴См.: Утевский Б. С. Вина в советском уголовном праве. М., 1950, с. 239—240.

in causa seu ad libertatem relatae, т. е. действиями, свободными в своей причине. Наказуемость в случаях *actio liberae in causa*, связанных с опьянением, в советском законодательстве в свое время специально предусматривалась в ст. 17 УК РСФСР 1922 года и ст. 10 УК УССР 1927 года. В законодательстве ряда зарубежных социалистических и капиталистических стран имеются нормы, специально предусматривающие наказуемость деяний, совершенных в подобном состоянии опьянения.

Действующее советское законодательство таких норм не содержит. Но наказуемость деяний, совершенных в состоянии намеренного опьянения, при всех условиях независимо от степени опьянения является несомненной. Это вытекает хотя бы из того, что статьи закона карают на общих основаниях преступления, совершенные даже в состоянии ненамеренного опьянения.

В литературе высказывалось мнение о том, что при полном опьянении совершенное деяние редко совпадает с задуманным, а потому якобы нет оснований наказывать в подобных случаях. Этому взгляда одно время придерживался Н. С. Таганцев. Он писал: «Конечно, в подобном случае существует и преступный умысел и правонарушительный факт, но нет посредствующей, причинной связи между ними. Деяние возникло и явилось, как продукт того ненормального психического состояния лица, которое характеризует состояние полного опьянения... Умысел, составленный заранее, остался в действительности невыполненным, а потому, назначая наказание, мы будем карать один голый не осуществившийся умысел и один правонарушительный факт, не коренящийся в преступной воле, т. е. и в том и в другом отношении нарушим коренное начало уголовного права»¹.

Впоследствии Н. С. Таганцев в корне изменил свое мнение по вопросу о субъективном основании ответственности за деяние, совершенное в состоянии намеренного опьянения. Он пришел к выводу, что лицо, совершившее подобное деяние, несет ответственность за виновно учиненное². Нам представляется более основательным последнее мнение Н. С. Таганцева.

Приведший себя в состояние опьянения с намерением совершить преступление, в случае исполнении задуманного, виновен в том, что он сделал все от него зависящее для наступления желаемого преступного результата, заранее обдумал свои будущие действия, привел себя в такое состояние, которое как объективно, так и субъективно (по его представлению) могло привести к их осуществлению, и, наконец, в процессе опьянения (до наступления полного опьянения) психологически настраивал себя на совершение предстоящего преступления.

В данном случае важно, чтобы субъект был вменяемым в тот момент, когда он задумал и принял решение совершить преступление, а затем предпринял те или иные действия по приведению в исполнение своего замысла. Значит, фактически он приводит себя в состояние опьянения, чтобы облегчить, как он считает, выполнение ранее задуманного.

На практике лица, намеренно приведшие себя в состояние опьянения, приступают к осуществлению своего замысла сознательно, а дальнейшие бессознательно выполненные действия их фактически подчиняются регуляции инертной установки, исходят из антиобщественного намерения, антиобщественных мотивов. Такие лица в случае ненаступления желаемого ими преступного последствия по независящим от них причинам должны нести ответственность в пределах конкретно содеянного ими как за неоконченное преступление³.

¹Таганцев Н. С. Курс русского уголовного права. Часть Общая, вып. I. Спб., 1874, с. 128.

²См.: Таганцев Н. С. Лекции по русскому уголовному праву. Часть Общая, вып. II. Спб., 1888, с. 505–510.

³В этой связи прав И. Лекшас, который писал: «У намеренных деликтов следует, в отличие от других преступлений, констатировать ту особенность, что субъективная сторона у них оказывается шире объективной стороны, т. е. что намерение может и не осуществиться. Основанием для этого

Полное ненамеренное опьянение, наступившее в процессе совершения антиобщественных поступков. Н. С. Таганцев установил юридическое деление опьянения, в зависимости от его глубины, на полное и неполное. Полное опьянение имеет место, когда лицо под влиянием алкоголя утратило способность понимать свои действия или управлять ими, т. е. когда оно находится в неменяемом состоянии¹. Все предшествующие этому стадии неполного опьянения не влияют на вменяемость лица.

В связи с этим следует указать, что многие авторы, решая вопрос о значении состояния опьянения для уголовно-правовой ответственности, рассматривают опьянение как более или менее статическое явление. Они считают, что пьяный совершил преступление, будучи либо вменяемым (или уменьшение вменяемым), либо неменяемым. Такое решение вопроса неизбежно ведет к ошибочным выводам. Опьянению свойственна своеобразная динамичность, она в данную минуту может характеризоваться одной глубиной и, соответственно, одним проявлением, а через некоторое время — другой глубиной и другими проявлениями. Опьянение имеет стадии нарастания и спада по глубине изменений психики и, соответственно, по силе внешних проявлений.

Нарастание и спад глубины опьянения имеют количественную и качественную характеристики. Так, количественное нарастание опьянения может продолжаться до определенного этапа, до определенной точки, за которой поведение опьяневшего выходит за порог сознания, т. е. лицо вступает в новое качественное состояние — бессознательное, состояние неменяемости. Спад опьянения — повторение процесса в обратном порядке. Иногда в зависимости от ряда объективных (обстановка выпивки, качество спиртного и др.) и субъективных (состояние здоровья, душевное настроение и др.) обстоятельств прогрессирующее развитие опьянения и такой же его спад могут чередоваться между собой и, соответственно, будет меняться состояние, самочувствие пьяного.

Рассматривая алкогольное опьянение не как статическое состояние, а как динамический процесс, нетрудно понять, почему лица, находящиеся, казалось бы, в бессознательном состоянии, нередко совершают вполне мотивированные преступления (чаще против личности, против общественного порядка или порядка управления), квалифицируемые как умышленные. Возможность совершения бессознательно пьяным целенаправленных, мотивированных поступков объясняется тем, что его способность к вменению, как было указано, хотя и теряется временами, может периодически восстанавливаться, а в промежутках, когда отсутствовало полное сознание, вступают в действие те или иные привычки и навыки лица, проявляющиеся в автоматических действиях, регулируемых патологически инертной установкой

Как сознательно совершаемые антиобщественные поступки пьяного лица, так и бессознательные автоматические действия его обычно являются выражением одних и тех же установок субъекта, а потому они, как правило, имеют одну и ту же направленность, что и обеспечивает часто определенную целостность и целенаправленность поступков этого лица. Поведение таких пьяных в целом имеет созна-

служит то, что действия, совершенные с таким намерением, представляют уже как таковые повышенную степень опасности и поэтому признаются наказуемыми» (Лекшас И. Вина как субъективная сторона преступного деяния. М., 1958, с. 65).

¹См.: Таганцев Н. С. Курс русского уголовного права. Часть Общая, вып. I, с. 125. Этой же точки зрения ныне придерживаются многие криминалисты зарубежных стран. В частности, западногерманский криминалист Х. Тегель пишет, что сильное опьянение, повлекшее неменяемость лица, может исключить его виновность за совершенное деяние. Состояние полного опьянения лишает преступника способности понимать противоправный характер своего действия и действовать согласно этому пониманию. См.: Tegel H., Alkohol und Strafrecht. Kriminalistik, 1970, N 8, p. 419—420.

тельную окраску, носит вполне мотивированный характер: сознательные цели или антиобщественные мотивы субъекта могли служить начальным толчком поведения, а в отдельных случаях и некоторые последующие действия могли выполняться как сознательные, объективированные.

Одни из целенаправленных поступков, совершаемых обычно в состоянии случайного опьянения, могут исходить из не вполне осознанных, но сложившихся у субъекта в трезвом состоянии мотивов, а другие — вызываются ситуацией, создавшейся во время опьянения. Иными словами, как содержание мотива, так и направленность цели нередко определяются чувствами и переживаниями, возникшими у субъекта до его опьянения, а иногда — ситуацией, создавшейся в период опьянения.

Как в том, так и в другом случае в связи с неадекватной реакцией пьяного на окружающее, его пониженной способностью внутренней психической переработки впечатлений и слабостью социальных сдерживающих установок его решимость на действие, как правило, появляется без должной предварительной борьбы мотивов, носит импульсивный характер и часто получает ту или иную реализацию в общественно опасных деяниях.

«При импульсивном поведении — констатирует Т. Г. Шевгулидзе, — действию не предшествует процесс мотивации. В этом случае между потребностью и действием устанавливается прямая и кратчайшая связь, и импульс потребности в соответствующей ситуации может создать установку соответствующего поведения»¹.

В данном случае речь может идти о внезапном умысле², сформулированном в состоянии аффекта, явившегося следствием отрицательного воздействия алкоголя на психику субъекта³.

Как известно, советское уголовное законодательство не подразделяет умысел на заранее обдуманый и внезапный, как это имело место в «Уложениях о наказаниях» дореволюционной России и предусматривается ныне действующими уголовными кодексами некоторых зарубежных государств. Как при заранее обдуманном, так и при внезапном умысле лицо одинаково отвечает за умышленно содеянное, но обстоятельства формирования умысла и причины проявления его вовне могут быть учтены судом при определении наказания.

В ряде случаев это подчеркивается и уголовным законодательством. Например, деяния, совершенные в состоянии аффекта, закон признает менее опасными, если аффект был вызван неправомерными действиями потерпевшего (ст. 33 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик и ст. 38 УК РСФСР). Кроме того, Особенная часть Уголовных кодексов союзных республик, в частности ст.ст. 104 и 110 УК РСФСР, выделяет составы умышленное убийство и телесные повреждения, совершенные или причиненные в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения, вызванного противозаконным насилием или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего.

Но аффект (кроме патологических случаев) может быть вызван и отрицательными свойствами характера, т. е. субъективными особенностями виновного. Общественная опасность действий, совершенных в состоянии аффекта, объективно

¹См.: Шавгулидзе Т. Г. Потребность и установка преступного поведения.— В сб.: Проблемы формирования социогенных потребностей. Тбилиси, 1974, с. 143.

²Б. С. Утевский пишет, что внезапный умысел имеет место тогда, «когда решимость виновного совершить преступление приводится в исполнение немедленно после возникновения у него этой решимости и виновный не имеет возможности обдумать свое решение» (Утевский Б. С. Вина в советском уголовном праве, с. 196).

³Значению алкогольного опьянения как фактора, провоцирующего аффекты, особенно у лиц, склонных к насилию и совершению антиобщественных поступков, отведено большое место в работе: Б. В. Сидоров. Аффект. Его уголовно-правовое и криминологическое значение. Казань, 1978, с. 121—123.

не меньше, чем опасность подобных действий, совершенных при иных обстоятельствах. Советское уголовное право не знает понятия уменьшенной вменяемости, а аффект (физиологический) ограничивает, но не лишает способности контролировать свое поведение и руководить им и сам по себе не может быть признан исключаящим вину обстоятельством.

В тех нормах, в которых предусмотрено снижение ответственности за деяния, совершенные в состоянии аффекта, в основу квалификации содеянного или снижения наказания законом положено не только состояние виновного, но и спровоцировавшие это состояние конкретные действия потерпевшего. Последние могут быть признаны причиной аффекта виновного и основанием квалификации его деяния или смягчения наказания ему только в том случае, если они отвечают определенным условиям, указанным в самом законе. Такими условиями УК РСФСР, например, признает наличие насилия или тяжкого оскорбления (ст.ст. 104 и 110), причиненных виновному действиями потерпевшего, или их неправомерность (ст. 38).

Аффект пьяных редко вызывается неправомерными или противозаконными действиями потерпевшего. В основе такого аффекта обычно лежат чьи-либо слова или действия, воспринятые ими как оскорбление или обида, но по существу не являющиеся таковыми.

Как в процессе осмысливания этих слов или действий, так и в механизме образования аффективных переживаний определенное значение имеет влияние алкоголя на психику субъекта. При анализе происходящего сказывается алкогольное расстройство интеллектуальной сферы, а при выработке ответных реакций — нарушение аффективной сферы психики субъекта. Однако степень изменения указанных сфер психики лица часто (особенно в начале его общественно опасного действия) не такова, чтобы можно было говорить об исключении его способности к вменению. Кто сохраняет способность воспринимать, а значит в какой-то мере и осмысливать «наносимые» ему оскорбления или обиду, тот, видимо, не совсем лишается способности реагировать на них более или менее адекватно, а также понимать и регулировать свои действия.

Вследствие одновременного воздействия в период опьянения двух факторов (алкогольная интоксикация и психогенная травма) может наступить определенный сдвиг с последующим изменением картины опьянения: опьянение переходит в тяжелую степень, а его проявление приобретает своеобразный характер. При этом качественно состояние опьянения не меняется, вследствие чего сохраняются все свойства, характерные для простого алкогольного опьянения. Алкоголь обычно влияет на создание соответствующей ситуации и образование аффективных переживаний, но не сказывается на проявлении аффективных разрядов, тем более агрессивных действий. Характер аффективных разрядов, агрессивных действий пьяных обычно определяется свойствами, склонностью, общей установкой и антиобщественными привычками их самих.

Так, хорошо воспитанный человек в состоянии аффекта или редкого для него случайного опьянения ведет себя более или менее корректно, большей частью ограничиваясь словесными излияниями, не всегда адекватными конкретной ситуации. Зато натуры грубые, привыкшие в повседневной жизни часто обращаться к насилию, в состоянии аффекта или опьянения по малейшему поводу и без него прибегают к насильственным, агрессивным действиям¹.

Как показывает судебная практика, более или менее мотивированные деяния, совершаемые в состоянии случайного опьянения, происходят на почве пьяных аффектов. Причем основная масса преступлений против личности и значительная

¹См.: Сидоров Б. В. Указ. работа, с. 122.

часть преступлений против общественного порядка и порядка управления совершается пьяными лицами и в той или иной мере связана с аффектами, вызванными состоянием опьянения. По данным специального изучения, среди обстоятельств, способствующих совершению преступления в состоянии аффекта, алкогольное опьянение имеет самое большое место — 60,2% осужденных¹. Судебная практика обоснованно признает такие деяния совершенными из хулиганских побуждений.

Основанием для этого служит явная несоразмерность реакции виновного с действиями потерпевшего или с ситуацией, а также исключительная дерзость поведения преступника и направленность его реакции на самоутверждение путем игнорирования требований социалистического общежития.

Хулиганские мотивы чаще всего проявляются в таких случаях, когда убийство совершается как неадекватное ответное действие виновного. Например, нанесение смертельных ранений в связи с тем, что потерпевший отказался ответить на какой-либо вопрос, не дал прикурить, назвал виновного хулиганом и т. п. Основанием ответственности в этих случаях является не только то, что в момент образования (часто внезапного) преступной решимости лицо в какой-то мере обладало способностью к избирательным действиям лишилось ее уже в процессе осуществления начатого преступления, но и то, что аффект не был обусловлен ничем, кроме алкогольного опьянения, вызванного сознательно, по своей воле.

Советское уголовное законодательство не допускает смягчения ответственности за деяния, совершенные в состоянии аффекта, если он не вызван неправомерными действиями третьих лиц.

Полное ненамеренное опьянение лиц, представляющих в этом состоянии угрозу охраняемым законом интересам. Теория и судебная практика обычно различает, с одной стороны, преступников с устойчивой антиобщественной установкой, а с другой — случайных преступников с неустойчивыми личностными установками.

Для первой группы преступников характерны эгоизм и склонность к насилию при отсутствии всякого уважения к общественному мнению, нравственным началам и моральным принципам. Так, у злостных хулиганов антиобщественные установки бывают укоренившимися настолько сильно, что незначительное раздражение, ничтожное неудобство могут обусловить совершение ими самых тяжких преступлений против личности. Такая настроенность их легко выявляется и реализуется в состоянии опьянения, когда обычные сдерживающие начала психики расторможены алкоголем.

В психологии под установкой понимают готовность, мобилизованность психофизических сил субъекта к определенной активности, направленной на удовлетворение той или иной его потребности. Стало быть, направление деятельности, содержание установки определяются интересами субъекта, которые могут быть удовлетворены лишь при наличии соответствующей ситуации, условий среды. Поэтому Д. Н. Узнадзе иногда рассматривает установку как отношение потребностей к ситуации, определяющее функциональный статус личности в данный момент².

Исходя из того, что индивид — общественное существо — и проявление его жизни есть проявление и выражение общественной жизни³, под личностью мы понимаем социального индивида, а под ситуацией, средой — социально детерминированные условия общественной жизни. Потребности личности также неразрывно связаны с условиями общественной жизни, составляют основу личных интересов человека.

¹См. там же.

²См.: Экспериментальные исследования по психологии установки. М., 1958, с. 20—21.

³См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 624.

Отсюда следует, что всякая установка личности — прежде всего социальная и должна определяться в зависимости от отношения индивидуальных потребностей (личных интересов) субъекта к условиям социальной среды (к общественным интересам), обуславливающим исходную позицию его поступков, линию его поведения. Противоречие индивидуальных потребностей (личных интересов, желаний, стремлений, влечений) субъекта условиям социальной среды (общественным интересам, установленным формам общения, праву, морали и т. п.) обуславливает антиобщественную направленность его поступков, определяет соответствующую внутреннюю подготовку его к внешнему поведению, следовательно, способствует формированию антиобщественной установки.

Установка личности всегда определяет линию поведения, основные исходные позиции ее действий.

Антиобщественная установка — частный случай общей установки личности, отдельный ситуационно-действенный компонент последней.

Даже в самых элементарных актах поведения человека обычно участвует не одна установка, а в более сложных формах деятельности на ход его поведения оказывает влияние целый ряд различных установок, которые связаны между собой: одни — антагонистическими отношениями, а другие соподчинены друг с другом в известной иерархической системе.

Проводя классификацию установок по их устойчивости и функциональному значению в жизни субъекта, А. В. Запорожец указывает, что «среди этих установок одни являются малозначащими и быстропреходящими», которые можно назвать ситуационно-действенными. Другие он называет предметными и указывает на то, что они значительно устойчивее, «но обладают ограниченной сферой применения лишь в некоторых видах действий с вещами». Третьи — определяются им как личностные, поскольку они воплощают основные отношения личности к окружающему, в первую очередь, к окружающим людям, материализуют социальные позиции субъекта»¹.

Представители психологической науки, изучающие проблему установки, различают три вида установок: первично-актуально-моментальную, фиксированную и социальную. Социальная установка, по определению Ш. Надирашвили, «как и установка любого другого вида, фиксируется и таким образом создается система фиксированных социальных установок, которая актуализируется при соответствующих обстоятельствах. Система социальных установок называется системой аттитюд и интенсивно изучается социальной психологией»².

Известно, что установка не является осознанным психическим явлением, феноменом сознания, а представляет собой «бессознательное психическое состояние, возникающее в результате влияния объективной среды и обуславливающее осуществление соответствующего этой среде действия»³. Поэтому поведение, подчиненное регуляции установки, может осуществляться иногда и без участия сознания.

Теория установки в советской психологии исходит из того, что человеческое поведение обусловлено окружающей действительностью не непосредственно, а опосредствованно, через целостное отражение ее в субъекте деятельности, через его установку.

В основе всякой установки лежит динамический стереотип, т. е. системная, слаженная деятельность коры больших полушарий головного мозга. Стало быть, прежде чем приступить к той или иной деятельности в целях удовлетворения возникших потребностей, субъект должен привести свои внутренние ресурсы, психофизические силы в необходимую готовность, составить нужную систему связи различных

¹См.: Запорожец А. В. Развитие произвольных движений, с. 391.

²Надирашвили Ш. Указ. работа, с. 107.

³Ходжава З. И. Указ. работа, с. 193.

(моторного, сенсорного и т. п.) центров коры. Но каждый раз, в каждой новой ситуации он не сразу создает новую установку, а вначале реагирует на непривычную обстановку установкой, более или менее близкой к старой установке, а затем постепенно принаравливается к новым условиям, вырабатывает соответствующую им новую установку.

Процесс приспособления старой установки к новой деятельности и выработки установки, соответствующей изменившимся условиям, безусловно, требует значительного «нервного труда», подключения механизма объективации.

Как было отмечено, способность к объективации у пьяных либо значительно нарушается, либо вовсе отсутствует. У пьяного исчезает также возможность осмысленного восприятия происходящего, которая заменяется «первичным эффектом действия раздражителя на какой-нибудь из его чувственных органов»¹. Если на этой ступени возможно говорить о «воспринятых» потребностях и способах их удовлетворения, то эти последние могут лишь возбудить к деятельности ранее оформившиеся старые установки, но не способствовать выработке новой. Из числа более или менее близких к новой ситуации «старых» установок актуализируется прежде всего та, которая наиболее практикованна, стереотипизированна и автоматизированна². У преступников с устойчивой антиобщественной установкой именно она проявляется в первую очередь.

Поведение лица, находящегося в состоянии полного опьянения, лишено интеллектуальной основы и проходит только в плане практической деятельности, руководимой установкой, что фактически исключает возможность участия в поведении волевого акта.

Поведение, регулируемое только ею, поскольку оно лишено интеллектуальных и волевых оснований, характеризуется особой импульсивностью, полностью, непосредственно и безусловно зависит от актуальной ситуации, которая оказывает воздействие на субъект в данный момент. В актах импульсивного поведения, регулируемого установкой, не достигающей порога сознания, «субъект остается рабом условий воздействующей на него актуальной среды»³.

Таким образом, преступники с устойчивой антиобщественной установкой, приведшие себя в состояние полного опьянения, совершая то или иное преступление, фактически соответствующее субъективным характеристикам и общей направленности их личности, в момент совершения деяния не могут ни контролировать свои действия сознательно, ни руководить ими. В этом смысле в их действиях, совершенных в состоянии бессознательного опьянения, как будто бы нет вины и нет оснований ответственности за содеянное.

В то же время деяния опасных преступников, совершенные ими в состоянии опьянения, по существу ничем не отличаются от их обычного преступного поведения. Ведь в основе как трезвого, так и пьяного их поведения лежат присущие им антиобщественные установки. Однако юридическая оценка подобных деяний, совершенных лицом в различных качественных состояниях, не может быть тождественной, а должна даваться в зависимости от отношения сознания и воли виновного к содеянному.

Даже устойчивая антиобщественная установка любого преступника не может состоять из одних лишь антисоциальных отрицательных компонентов; точно так

¹См.: Узнадзе Д. Н. Указ. работа, с. 22–23.

²По этому поводу Д. Н. Узнадзе пишет, что бывают случаи, в которых вследствие частых повторений установочных опытов установка становится до такой степени легко возбуждаемой, что она актуализируется и в условиях воздействия неадекватных раздражителей (см.: Узнадзе Д. Н. Указ. работа, с. 32).

³Узнадзе Д. Н. Указ. работа, с. 75.

же, как установку любого не совершившего преступления лица не составляют одни только положительные моменты. Как у той, так и у другой категории лиц наряду с отрицательными (положительными) могут быть налицо и отдельные положительные (отрицательные) установочные компоненты.

Советское уголовное право общественно опасным признает не наличие самих по себе антиобщественных установок, а их конкретное виновное проявление вовне. Преступление — это не внутренний акт воли, а конкретный, выраженный вовне, имеющий общественно опасный характер поступок, и лицо может нести ответственность только за те свои намерения и желания, которые реально осуществились в преступном поведении.

Преступник, в личностной установке которого антиобщественные компоненты значительно стереотипизированы и фактически являются средством выражения и реализации его отношения к действительности, в случае совершения преступления должен нести ответственность не за антиобщественную направленность своей личности, а за виновное проявление его антисоциальных установок.

В случае же совершения преступления в состоянии бессознательного опьянения это лицо несет ответственность за приведение себя в такое состояние, в котором оно заведомо могло проявить, обнаружить антиобщественные установки, преступные тенденции своей личности, а не вообще за подобную ее направленность.

Вина как порицаемое и осуждаемое психическое состояние должна свидетельствовать о наличии враждебного или небрежного отношения к требованиям социалистического правопорядка. Поэтому особенности личности преступников имеют существенное значение в правовой оценке их поведения. Ведь законодатель под угрозой уголовного наказания требует от всех не допускать совершения противоправных поступков. Особенности личности рецидивистов и других опасных преступников дают основания для оценки их поведения в состоянии опьянения как общественно опасных, поскольку у этих лиц мотивы их преступного поведения как бы всегда при них, поэтому малейший фактор, ослабляющий проявление антисоциальных установок, может повлиять на их поведение в общественно опасном направлении.

Приводя себя в состояние опьянения, они не могут не сознавать и допускать общественной опасности возможных последствий. Следовательно, употребляя алкогольные напитки, они удовлетворяют свою порочную потребность самоотравления алкоголем, а значит, и «самораспущения», «саморазвинчивания» при минимально малых сдерживающих началах своей психики, т. е. в отношении общественно опасных последствий этого состояния они действуют с косвенным умыслом.

«Дефекты сознания и воли», вызванные у преступника опьянением, «компенсируются», с одной стороны, особенностями свойств его личности — антиобщественной установкой, асоциальной направленностью ее, с другой — фактором игнорирования им того обстоятельства, что употребление алкоголя и доведение себя до состояния глубокого опьянения заведомо чревато опасностью совершения преступления.

Установка возникает в результате деятельности субъекта, она осуществляет свою регулирующую функцию лишь в отношении уже сложившихся, автоматизированных форм поведения. Однако установка, хотя и регулирует поведение иногда без особого контроля сознания, сама формируется в процессе практики, при активном его участии. В основе любой установки лежит ранее совершенная сознательная деятельность лица, чем и обеспечивается внешняя разумность и целесообразность поведения.

Поскольку установка определяется отношением потребностей к ситуации, следует также иметь в виду, что сами потребности, а также ситуация воспринимаются

и осмысливаются с учетом прошлого опыта. Например, если субъект с детства привык беспрепятственно удовлетворять любые свои потребности и не приучен ограничивать, умерять их, то его характер, привычки, навыки, взгляды, уровень сознания, воспитания могут в известной степени обусловить, выработать у него личностную установку, недостаточно приспособленную к иной ситуации. Следовательно, интересы, потребности, сознание, привычки, навыки, взгляды, воспитание и другие особенности личности входят в установку, составляют ее, реализуются через нее в поведении лица, не обязательно каждый раз подвергаясь полному контролю сознания.

Какая именно личностная установка формируется у субъекта, по какой линии поведения он пойдет, часто зависит от ряда случайных и неслучайных, внешних (воспитание, окружение, отношение людей и др.) и внутренних (потребности, интересы, влечения, мотивы, направленность, особенности темперамента и характера, взгляды и др.) факторов, от их диалектической взаимосвязи. В процессе выработки определенной линии поведения соотношение внешних и внутренних факторов таково, что внутренние условия, психика из массы внешних явлений, внешних условий выделяют в качестве условий жизни и деятельности те явления и предметы внешнего мира, которые находятся в определенных объективных отношениях с внутренними условиями. Условия жизни входят в определение самой природы человека, от которой в значительной мере зависит, что именно из всей окружающей среды составит условия его жизни и деятельности, каким воздействиям он может подвергнуться¹.

Следовательно, в выборе социальной позиции, линии поведения личность проявляет значительную избирательную активность. Так, субъекты, личностная установка которых формировалась в условиях излишеств, будучи поставленными в другие условия, могут избрать себе деятельность, обеспечивающую удовлетворение возникших потребностей вопреки требованиям норм социального общения. В этом случае они постепенно вырабатывают у себя фиксированную установку или направленность на антиобщественное поведение.

Центральным понятием психологии личности выступает направленность как непроходящая, длительная готовность, т. е. как установка к активации определенно мотивированной деятельности. В процессе жизни и воспитания не только приобретаются мотивы, но и образуются установки, длительные диспозиции, готовность быть преимущественно в определенном направлении мотивированным, т. е. образуются «фиксированные установки»².

Противоречащие интересам общества установки людей иногда сдерживаются ими, особенно в тех случаях, когда они ясно сознают всю серьезность препятствий на пути удовлетворения своих потребностей в данной конкретной ситуации. Такие люди могут приспособляться к условиям социальной среды только опосредованно, через объективацию, через сознание³.

По мнению В. Д. Филимонова, лицо, прежде чем совершить преступление, сознательно определяет свое отношение к данной объективной действительности, что

¹См.: Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. М., 1957, с. 227–228; см. также: Шорохова Е. В., Каганов В. М. Некоторые философские вопросы психологии. М., 1962, с. 61–62.

²См.: Пранчишвили А. С. Потребность, мотив и установка.— В. сб.: Проблемы формирования социогенных потребностей. Тбилиси, 1974, с. 33.

³В этой связи Д. Н. Узнадзе указывал, что человек в ходе создания установки, нужной для социального поведения, использует личностные, социальные потребности и способности мышления — представления, посредством которых он воображает ту ситуацию, где может осуществиться нужное социальное поведение; используя свои психические ресурсы, интеллектуальные и волевые процессы, он создает условия для возникновения социальных установок. На основе таких установок осуществляется его социальное поведение (См.: Шота Надирашвили. Указ. работа, с. 68).

находит выражение в борьбе мотивов различных видов поведения. И какое отношение избирает индивид к данной ситуации, для его личности не проходит бесследно: если возникшее противоречие разрешилось, завершилось актом преступления, в сознании индивида укрепляется антиобщественное отношение, которое, получив большую степень устойчивости и силы, в следующий раз при аналогичной ситуации актуализируется без особого труда, преступление совершается с меньшими колебаниями или вообще без борьбы мотивов. Кроме того, лицо приобретает опыт совершения преступления, который также откладывается в его сознании. «Наконец,— пишет В. Д. Филимонов,— в результате совершения преступления в сознании человека, в его психической сфере откладываются определенные «остаточные» явления, накопление которых по мере совершения новых преступлений приводит к образованию привычки удовлетворять свои потребности преступным путем»¹.

Лица с устойчивыми антиобщественными установками, лишившись под влиянием опьянения интеллектуально-волевых оснований своих действий, одновременно с этим теряют и способность к адекватной реакции и, утратив возможность приспособиться к внешним воздействиям, переходят к стереотипным, шаблонным формам реакции на них. Основные тенденции, личностные установки, обычные привычки, навыки, наклонности их, не подвергаясь контролю и торможению со стороны сознания и воли, получают полную свободу для реализации в поведении как антиобщественные проявления.

Другие лица при тех же условиях могут вовремя переключаться в плане объективации (осмысления, понимания) ситуации, сознательно умерять свои потребности сообразно условиям среды, а затем постепенно выработать у себя установку, согласовывающую и без участия сознания как потребности, так и действия по удовлетворению их с наличной ситуацией, средой. Как указывал К. Маркс, «люди суть продукты обстоятельств и воспитания... следовательно, изменившиеся люди суть продукты иных обстоятельств и измененного воспитания...»². Так постепенно они вырабатывают личностную установку на стойкий социальный тормоз, максимально приспособляясь к условиям конкретной ситуационной необходимости, постоянно подавляя установочные компоненты отрицательного антиобщественного направления. На такие устойчиво фиксированные социальные установки опьянение не может оказать существенного влияния. Субъект с аналогичной установкой и под действием алкогольного опьянения не допустит антиобщественного поступка, асоциального поведения.

Но иногда у лица, обладающего подобной социальной установкой, в состоянии опьянения может получить актуализацию та или иная фиксированная установка асоциального характера, по той или иной причине еще недостаточно заглушённая торможением, воспитанием.

Изучение патологических изменений высшей нервной деятельности при различных формах экспериментальной интоксикации свидетельствует о том, что развивающееся под действием токсинов торможение вначале охватывает наиболее молодые искусственные условные связи, а затем и натуральные условные рефлексы; это торможение имеет тенденцию распространяться на безусловно-рефлекторную и вместе с тем подкорковую деятельность. Как указывает А. Г. Иванов-Смоленский, «торможение движется в направлении от наиболее молодых в эволюционном отношении форм нервной деятельности к наиболее старым и древним ее формам»³.

¹Филимонов В. Д. Общественная опасность личности преступника. Томск, 1970, с. 178.

²Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 2.

³Иванов-Смоленский А. Г. Очерки патофизиологии высшей нервной деятельности. М., 1952, с. 157—158.

В силу инертности отдельные установки, сформировавшиеся и актуализировавшиеся однажды (хотя бы случайно) в состоянии опьянения, могут фиксироваться более или менее надолго и стереотипно повторяться каждый раз, как только лицо вступает в подобное состояние, т. е. в соответствующую степень и обстановку опьянения.

По этому поводу К. Г. Рабинович указывал, что какое-либо импульсивное действие, иногда поразительно нелепое, совершенное однажды в пьяном виде, может зафиксироваться и, приняв характер автоматизма, повторяться каждый раз, как только субъект приводит себя в состояние опьянения»¹. Патология этого явления объясняется, с одной стороны, возникающим под действием алкоголя нарушением активного торможения, а с другой — инертностью процесса возбуждения, склонностью к образованию в коре мозга пьяных очагов застойного возбуждения. Внешне это явление выражается в общеизвестной склонности пьяных к персеверации, к застреванию на определенном круге идей или ассоциаций².

Нередко можно встретить людей, которые в трезвом виде уравновешенны, спокойны и вполне критичны к себе, а отдельные даже сливут примерными в поведении. Но стоит им только выпить, как они сразу же изменяют свое обычное поведение: одни становятся буйными и агрессивными, другие — пошлыми и циничными, третьи проявляют еще какую-нибудь свою «слабость», скрываемую ранее более или менее тщательно.

В судебной практике подобного рода примеры нередки. Довольно часто свидетели, характеризуя подсудимого, заявляют суду, что он трезвый «мухи не обидит», а как выпьет, так «зверь зверем». Такие факты свидетельствуют о том, что у некоторых лиц в результате систематического пьянства вырабатывается и фиксируется установка, т. е. специальный стереотип, связанный с состоянием опьянения.

Так, по делу Ш. осужденного по ч. 2 ст. 99 и ч. 2 ст. 200 УК Казахской ССР, на суде было выяснено, что он, в трезвом состоянии сдержанный и спокойный, приходил в буйство при опьянении: искал ссоры с окружающими, скандалил с соседями, избивал жену и детей, гоняясь за ними по улицам, и т. д. На этой почве Ш. неоднократно привлекался к административной ответственности по Указу Президиума Верховного Совета Казахской ССР от 27 декабря 1956 г. «Об ответственности за мелкое хулиганство»: 28 декабря 1957 г. Ш. был арестован на 15 суток, 21 февраля 1958 г.—на 15, 21 марта 1960 г.—на 5, 2 июля 1961 г.—на 15, 13 июля 1961 г.—на 10, и, наконец, 3 ноября 1961 г. привлечен к уголовной ответственности.

Осужденный Г. в состоянии опьянения имел склонность к изнасилованиям. В 1958 году за попытку к изнасилованию, совершенную в пьяном состоянии, он осужден по ст. 19 УК РСФСР и ч. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 января 1949 г. к 3 годам лишения свободы, а 20 мая 1962 г. после отбытия наказания снова осужден за изнасилование гражданки Г., 71 года, совершенное в состоянии сильного опьянения во время его же свадьбы.

Правовая оценка деяния, совершенного в состоянии привычной персеверации на почве алкоголизма, должна учитывать, что подобное состояние с его общественно опасными последствиями заведомо известно субъекту по его прошлому опыту. А потому в вину ему должно вменяться то, что, зная о своей склонности в состоянии опьянения к антиобщественным поступкам, он умышленно напился и совершил общественно опасное деяние.

¹Рабинович К. Г. К вопросу о судебно-психиатрической оценке тяжелых форм алкогольного опьянения и об отграничении их от так называемого патологического опьянения.— Проблемы судебной психологии, сб. IX. М., 1961, с. 447.

²См. там же.

Намеренное полное опьянение лиц, на которых лежала правовая обязанность быть предусмотрительными в силу ими же созданных обстоятельств или в связи с их профессией или службой. Основание ответственности за преступное бездействие и неосторожность, совершенные в обычных условиях, определяется исходя из объективной обязанности и субъективной возможности лица предвидеть общественно опасный характер своего поведения и его последствий.

Указанные обязанности и возможности появляются у субъекта только тогда, когда он в той или иной степени соприкасается с правоохраняемым интересом.

Субъект, не имеющий никакого отношения к нему, не может (субъективная возможность) и не должен (объективная обязанность) иметь никакого предвидения характера и последствий своего поступка, поскольку вне непосредственного общения с этим интересом не может иметь место и само общественно опасное воздействие на него. Сказанное имеет особое значение при обосновании ответственности за преступное бездействие, допущенное на почве алкогольного опьянения.

В связи с ростом техники и развитием автоматизации производства значение преступного поведения ныне резко возросло. В современных условиях бездействие способно принести не меньше (а иногда и больше) вреда, чем действие, чем активное поведение.

При преступном действии субъект не выполняет элементарного требования закона — воздерживается от общественно опасного поведения, а при преступном бездействии — не совершает вмененных ему в обязанность общественно необходимых действий. Необходимо иметь в виду, что возможности субъекта не совершать запрещенных законом действий всегда налицо, в то время как выполнение предписываемых законом действий предполагает наличие определенных условий¹.

Опьянение, как особое болезненное состояние психофизической структуры субъекта, прежде всего отражается на его возможности совершить требуемое от него действие. В частности, под влиянием алкогольного наркоза субъект нередко теряет способность не только к осмысленному поведению, но и ко всякому акту движения вообще (нарушение способности передвижения, наркотический сон и т. п.). Всем этим и определяется значение вопроса правовой оценки бездействия, связанного с опьянением.

Известно, что по советскому уголовному законодательству наказуемо не всякое бездействие, а лишь в случаях и пределах, специально предусмотренных законом.

В зависимости от конструкции ответственности в нормах УК необходимо различать: бездействие, наказуемое при условии умышленного совершения его, и бездействие, для наказуемости которого достаточна неосторожная вина.

Говоря об обосновании ответственности за бездействие, допущенное на почве опьянения, мы прежде всего имеем в виду умышленное бездействие. А бездействие по неосторожности — одна из форм неосознанной небрежности, поэтому вопрос об ответственности за подобное бездействие, связанное с опьянением, всегда есть часть более общего вопроса об ответственности за неосторожность на почве опьянения.

К преступному бездействию, совершаемому умышленно, относятся следующие составы, предусмотренные УК РСФСР: недонесение о преступлениях (ст.ст. 88 и 190); оставление в опасности (ст. 127); неоказание помощи больному (ст. 128); отказ или уклонение свидетеля или потерпевшего от дачи показаний или эксперта от дачи заключения (ст. 182) и некоторые другие.

¹ Не случайно В. Н. Кудрявцев указывает, что «преступная небрежность — это только частный случай бездействия, который состоит в том, что лицо не проявляет необходимой внимательности к собственному поведению. Очевидно, из тех же общих предпосылок надлежит исходить, когда мы рассматриваем и другие случаи бездействия» (Кудрявцев В. Н. Объективная сторона преступления, с. 89).

Обязанности субъекта, а также его возможности совершить общественно необходимое действие возникают: при недонесении о преступлениях — с момента, когда ему стало достоверно известно о готовящемся или совершенном тяжком преступлении; при неявке в органы дознания, следствия и суда — с того момента, когда он получил соответствующую повестку; при неоказании помощи лицу, находящемуся в опасном для жизни положении, или больному — с того момента, когда ему стало известно, что лицо, о котором он обязан был заботиться, находится в тяжелом положении и т. д. До соприкосновения с правоохраняемыми интересами и возникновением связанных с ними обязанностей субъект фактически не имеет возможности совершать действия, имеющие значимость с точки зрения общественных отношений, стало быть, и не может предвидеть характер и последствия своего бездействия.

С указанным положением связано и другое. Дело в том, что лицо, пребывая в состоянии сильного опьянения, не может осмысленно воспринимать (осознавать) факты — ни о готовящемся или совершенном преступлении, ни о вызове его в судебно-следственные органы, ни о том, что подопечное ему лицо находится в опасном для жизни положении, и т. п. Поэтому субъект в состоянии сильного опьянения фактически не вступает в соприкосновение с указанными выше правоохраняемыми интересами, а значит, не может совершать требуемое от него действие или осознать общественно опасный характер своего бездействия. Такое лицо субъективно не ответственно за последствия подобного бездействия. Оно может нести ответственность только в том случае, если привело себя в состояние опьянения после того, как ему стало известно о том или ином факте, налагающем на него определенную правовую обязанность, и не исполнило требуемых от него обязанностей.

Кроме случаев, когда лицо привело себя в состояние опьянения со специальной преступной целью (с прямым умыслом), оно должно нести ответственность за сознательное приведение себя в такое состояние, в котором оно заведомо лишало себя возможности выполнить возлагаемые на него правовые обязанности (за бездействие с косвенным умыслом).

В неосторожных деяниях, совершенных в трезвом состоянии, психическое основание поведения дано в самой установке личности.

Неосторожные деяния, совершенные в состоянии опьянения, чаще всего следствие патологических изменений, привнесенных в установку субъекта извне, алкогольным отравлением организма. Это составляет психопатологическую основу предустановленности пьяных к психической пассивности, к совершению неосторожных деяний.

Если лицо, допустившее неосторожность в трезвом состоянии, виновно в том, что оно не применило своих внутренних сил, не проявило волевого напряжения для правильной оценки создавшейся ситуации и не предотвратило наступления вредного результата, то лицу, допустившему такую же неосторожность в состоянии опьянения, это же вменить фактически нельзя. В состоянии опьянения субъект внутренне не подготовлен и не может предотвратить наступления вредного результата.

В связи с этим лицо, совершившее в состоянии глубокого опьянения неосторожное преступление, фактически невиновно в содеянном: оно не в состоянии иметь никакого психического отношения к совершаемым им действиям и, тем более, к их последствиям. Субъективное основание его ответственности в том, что оно, отчетливо сознавая обязанности, требовавшие от него известной внимательности и предусмотрительности на время выполнения их, привело себя в состояние, в котором заведомо могло совершить, затем и совершило общественно опасное действие

или бездействие. Психическое отношение субъекта к опьянению и его последствиям в одних случаях может выступать в виде самонадеянности, в других — небрежности.

Какая из этих форм неосторожной вины будет характеризовать деяние, зависит от содержания лежавших на субъекте обязанностей и от того, насколько вредное последствие опьянения возможно было предвидеть. Различные составы, предусматривающие неосторожно совершаемые действия и некоторые формы преступного бездействия, могут быть разбиты на две категории:

нарушения элементарных правил предосторожности, совершаемые любым временноемым лицом;

нарушения обязанностей, вытекающих из характера профессии или выполняемой работы, и совершаемые только специальным кругом лиц.

К первой категории деяний, связанных с нарушением элементарных правил предосторожности, относятся следующие составы, предусмотренные УК РСФСР: неосторожное уничтожение или повреждение имущества (ст.ст. 99 и 150); преступное небрежное использование и хранение сельскохозяйственной техники (ст. 99); убийство по неосторожности (ст. 106); неосторожное телесное повреждение (ст. 114).

Вина субъекта, допустившего обычную неосторожность и совершившего убийство, телесное повреждение, уничтожение или повреждение имущества и другие деяния, состоящие из нарушений элементарных правил предосторожности, может состоять в небрежности или самонадеянности.

В случае совершения субъектом указанных деяний в сильной степени опьянения и при обстоятельствах, исключающих его умышленную вину, они также квалифицируются как совершенные по неосторожности. Но в чем выражается эта неосторожная вина субъекта, какова ее конкретная форма и имеет ли место она вообще в данном случае?

В отличие от специальных субъектов, на которых законом возложены заранее определенные обязанности по соблюдению известных правил предосторожности, момент возникновения и круг подобных обязанностей у субъектов рассматриваемой нами категории заранее не определены. Они возникают большей частью в связи с обращением с тем или иным источником повышенной опасности.

Так, неосторожное убийство или телесное повреждение может явиться следствием несоблюдения мер предосторожности при обращении с тем или иным смертоносным оружием или предметом, а уничтожение или повреждение имущества — результатом небрежного обращения с огнем, водой и другими источниками опасности. Момент осознания факта общения с источником опасности есть в то же время момент возникновения для субъекта его обязанностей по соблюдению мер предосторожности.

Но лицо, находящееся в сильной степени опьянения, не способно осознать этого, поэтому оно не может осмыслить и своей обязанности быть предусмотрительным. В таких случаях субъект переступил порог осмотрительности еще до того, как столкнулся с источником опасности, в момент, когда привел себя в состояние опьянения.

Отсюда лицо, совершившее неосторожное деяние в состоянии глубокого опьянения, виновно не за самый факт причинения, а за приведение себя в такое состояние, которое обусловило преступные последствия, если при этом оно сознавало или должно было сознавать, что его действие может поставить под угрозу те или иные правоохраняемые интересы. Вина субъекта, допустившего подобную неосторожность, выражается в небрежности.

Преступными неосторожными действиями и бездействиями, допущенными в нарушение обязанностей, вытекающих из характера профессии или выполняемой правонарушителем работы, являются следующие деяния, предусмотренные УК

РСФСР: утрата документов, содержащих государственную тайну (ст. 76); недобросовестное отношение к охране социалистического имущества (ст. 100); халатность (ст. 172); небрежное хранение огнестрельного оружия (ст. 219); нарушение правил безопасности горных работ (ст. 214); нарушение правил при производстве строительных работ (ст. 215); на взрывоопасных предприятиях или во взрывоопасных цехах (ст. 216); нарушение правил безопасности движения и эксплуатации транспорта (ст.ст. 85 и 211); нарушение действующих на транспорте правил (ст. 213); различные формы преступного бездействия, допущенные военнослужащими.

Все перечисленные деяния по конструкции составов подразделяются на две группы. К первой относятся те, в которых опьянение выступает как правонарушительный акт, прямо предусмотренный законом. Сюда включаются нарушения правил безопасности (появление в пьяном виде) на взрывоопасных предприятиях и в цехах (ст. 208 УК Казахской ССР), а также управление транспортными средствами в состоянии опьянения (ст. 211¹ УК РСФСР). Вторую группу составляют деяния, в которых опьянение не самостоятельный акт правонарушения.

Характерной особенностью неосторожных общественно опасных действий или бездействий является то, что их уголовно-правовая наказуемость ставится законодателем в зависимость от факта или возможности наступления определенных (законом предусмотренных) вредных последствий. Если подобные деяния не повлекли их или не создали угрозу их наступления, они не образуют состава преступления и уголовно не наказуемы. Само по себе правонарушающее действие или бездействие не имеет и не может иметь уголовно-правового значения.

Следовательно, при оценке субъективной стороны состава подобных деяний, при определении формы вины субъекта нужно исходить из психического отношения его к последствиям, а не к самому акту правонарушения. Такие деяния, именуемые обычно деяниями со смешанной виной¹ (в отношении действия — в одной форме, а в отношении последствия — в другой), должны быть отнесены к категории неосторожных. Психическое отношение (умысел) субъекта к акту правонарушения должно учитываться лишь в пределах неосторожности (имея в виду отношение субъекта к последствию деяния), и оно имеет значение только для повышения степени вины (общественной опасности) *лица*, но не общественной опасности *деяния*, так как последняя определяется в основном тяжестью последствий совершенного.

Кроме того, советское уголовное законодательство признает наказуемым не само по себе состояние сильного опьянения, а преступное последствие такого опьянения. Поэтому форма вины (умышленная или неосторожная) определяется отношением лица не к самому факту употребления алкоголя или к факту опьянения, а к преступному деянию и его последствиям.

Отсюда в деяниях, связанных с нарушением профессиональных, служебных или иных обязанностей, в случае совершения их пьяными, установление вины последних усложняется, во-первых, конструктивной особенностью состава рассматриваемой категории преступного действия (бездействия), зависимостью этого состава от наступления вредного результата, предусмотренного законом; во-вторых, указанной выше особенностью субъективной стороны деяний пьяных вообще. Вина таких субъектов устанавливается и определяется отношением их не к факту опьянения и не к непосредственным его результатам — правонарушительным актам, а к последствиям совершенных в состоянии опьянения правонарушений.

В тех деяниях, в которых употребление алкоголя само по себе не составляет акта правонарушения, предусмотренного законом, специальный субъект, приводя себя в состояние опьянения, сознает, что это может привести к нарушению возложенных

¹См.: Пионтковский А. А. Учение о преступлении, с. 398—399.

на него обязанностей (чаще к ненадлежащему исполнению своих функций), однако рассчитывает на ненаступление этого правонарушительного последствия опьянения (полагаясь на сохранение способности к самоконтролю, на силу навыка и т. п.), а возможное преступное последствие этого правонарушения он не предвидит, хотя может и должен предвидеть. Вина такого лица, как правило, выражается в небрежности.

Но специальный субъект, который на время выполнения своих функций обязан соблюдать трезвость, употребляя алкоголь, не может не сознавать, что он тем самым совершает правонарушение. Он в известных пределах может и должен предвидеть, как будет развиваться причинная связь между его состоянием опьянения и возможным правонарушением. Употребляя алкоголь, он преследует цель (прямой умысел) привести себя в опьянение, а к последствию его, к факту возможного правонарушения относится безразлично (косвенный умысел), хотя может и должен его предвидеть, но рассчитывает на ненаступление этого правонарушительного последствия (полагаясь на силу своего профессионального навыка, выносливости против опьянения и возможность сохранения самоконтроля и т. п.). Стало быть, вина такого лица может выступать в форме самонадеянности.

Вели активные умышленные деяния, совершенные в состоянии опьянения, — в основном проявление антиобщественных установок самой личности, то бездействия и неосторожно совершенные деяния пьяных — большей частью результат их пьяного состояния; если в первом случае алкоголь провоцирует, выявляет имеющиеся у лица антиобщественные установки (его личностные особенности), то во втором случае он придает психике новое свойство, связанное с патологическим изменением личностной установки субъекта. Последняя, как уже указывалось, в этом состоянии претерпевает изменение, становясь грубой, статичной и инертной, а потому недостаточно адекватна и мало приспособлена к изменениям ситуации, к явлениям окружающей действительности.

Субъективное основание ответственности лиц, допустивших бездействие или неосторожность в состоянии полного опьянения, в том, что они, отчетливо сознавая лежащие на них обязанности, требовавшие от них известной внимательности и предусмотрительности на время выполнения их, привели себя в такое состояние, в котором заведомо могли совершить, а потом и совершили общественно опасное действие или бездействие.

Таким образом, во всех описанных выше формах совершения преступления на почве полного опьянения вина субъекта в сознательном, виновном включении его в такое состояние опьянения, которое заведомо обусловило наступившие общественно опасные последствия.

3.5 Институт ответственности за преступления, совершенные в состоянии опьянения

Если строго исходить из незыблемого принципа советского права: «без вины нет ответственности», то лицо, совершившее общественно опасное действие в состоянии опьянения, не во всех случаях виновно и, следовательно, ответственно за содеянное им. На наш взгляд, невозможно обосновать вину таких лиц, которые ни по объективным свойствам совершения деяния, ни по субъективным свойствам своей личности не могут быть отнесены ни к одной из указанных категорий лиц, сознательно и виновно приведших себя в опьянение. Часто преступление совершается в силу стечения не предвиденных (и непредвидимых) ими обстоятельств, возникших в результате ненамеренного полного их опьянения.

Известна, например, чрезмерная подражательность пьяных, являющаяся следствием резкого понижения их интеллекта в связи с опьянением. Лица, находящиеся в состоянии сильного опьянения, оказавшись в среде опасных преступников, могут совершенно безотчетно содействовать преступным действиям последних. Нередко преступники специально спаивают «новичков» для вовлечения их в свои преступные операции. Следствие того же «пьяного слабоумия» — легкая внушаемость пьяных, которые часто становятся бессознательными исполнителями чужой воли.

Лица, опьяневшие при обстоятельствах, исключающих возможность предвидения ими последствий своего опьянения, и совершившие затем общественно опасные действия, направляемые волей третьих лиц, объективно общественно опасны, но субъективно не виновны. Ответственность за деяние, совершенное лицом, которое в силу возрастных и других обстоятельств не знало и не могло заранее знать ни о возможных криминальных последствиях опьянения, ни о характере реакции своего организма на действие алкоголя, нельзя обосновать только общественной опасностью результатов содеянного.

Аналогичным должен быть подход и к оценке бездействия или неосторожности, причинивших предусмотренный законом вредный результат, если они были допущены лицом, которое потеряло способность к вменению до возникновения его обязанности быть осмотрительным в данный момент.

Во всех указанных выше случаях ни в момент приведения себя в опьянение, ни в момент совершения деяния субъект не имеет виновного отношения к последствиям своего поведения. Во-первых, если субъект в момент совершения общественно опасного деяния находится в состоянии полного опьянения, он не может ни отдавать себе отчета в своих действиях, ни руководить ими. Во-вторых, приводя себя в это состояние, он не может предвидеть последствий опьянения.

Действующая практика, признавая подобных лиц ответственными за совершенное и квалифицируя их деяние по той же норме закона, которая предусматривает аналогичные деяния в обычных условиях, фактически допускает принцип объективного вменения. Оправдывая такую практику, отдельные правоведы пытаются доказать, что ст. 12 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик якобы допускает отступление от принципа виновности, предусмотренного ст. 3 тех же Основ. Так, В. Г. Смирнов пишет, что в ст. 12 Основ «определяются особые основания ответственности, отличные по субъективным моментам от оснований ответственности, установленных в ст. 3 Основ». Он считает, что последовательное проведение принципа виновной ответственности приведет к полной безнаказанности всех лиц, совершивших преступления в состоянии полного опьянения. «Если же установить наказуемость этих деяний, — пишет В. Г. Смирнов, — то это должно быть сделано не в соответствии с основаниями, названными в ст. 3 Основ, а в порядке исключения из них. Именно этим задачам и служит норма, содержащаяся в ст. 12 Основ». По мнению В. Г. Смирнова, такое нарушение принципа виновной ответственности является вполне целесообразным и служит «удовлетворению моральных требований социалистического общества»¹.

Для того чтобы избежать, в этом вопросе отступления от принципа вины, необходимо внести изменения в конструкцию ответственности лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения². На наш взгляд, следует дифференцировать ответственность лиц, совершивших преступление в состоянии полного и неполного

¹Смирнов В. Г. Основания уголовной ответственности и наказания за преступления, совершенные в состоянии опьянения. — Вестник ЛГУ, серия экономики, философии и права, 1964, № 11, с. 134—135.

²Подобные мнения высказывались в нашей литературе и другими авторами. Н. С. Лейкина предлагала выделить в самостоятельный состав приведение себя в состояние глубокого опьянения, в котором могло быть совершено общественно опасное деяние (См.: Вестник Ленинградского универ-

опьянения. Представляется целесообразным также в самом законе указать о перенесении основания ответственности лиц, совершивших деяние в состоянии полного опьянения, к моменту приведения ими себя в это состояние.

При этом мы оговариваемся, что ст. 12 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик в принципе совершенно правильно решает вопрос об ответственности за преступление, совершенное в состоянии опьянения. Ни один преступник не должен избежать законной ответственности за содеянное на том только основании, что общественно опасное деяние совершено им в состоянии опьянения. Но положение указанной нормы закона (ст. 12 Основ) необходимо не просто воспроизвести в законодательстве союзных республик, как это имеет место ныне, а развить и дополнить указанием конкретной конструкции этой ответственности.

Основание ответственности и принцип квалификации преступлений, совершенных в состоянии неполного и полного намеренного опьянения, а также лицами, опьянение которых безусловно сопряжено с общественно опасными последствиями, как правило, верно определяются судебной практикой, но не нашли соответствующего отражения в действующем законодательстве.

В этой связи ст. 12 Основ, воспроизведенная в ст. 12 Общей части УК РСФСР и других союзных республик, на наш взгляд, нуждается в дополнении второй частью, содержащей условия ответственности за деяния, совершаемые в состоянии опьянения. Эту вторую часть можно было бы сформулировать следующим образом: «Ответственность опьяневшего лица наступает по той статье настоящего УК, по которой предусмотрено совершенное им деяние:

если опьянением это лицо не было лишено способности отдавать себе отчет в своих действиях или руководить ими;

если оно привело себя в состояние опьянения с намерением совершить преступление;

если оно является особо опасным рецидивистом или лицом, обязанным и имевшим возможность до опьянения предвидеть общественно опасный характер последствий своего опьянения».

Во всех остальных случаях лица, совершившие преступление в состоянии полного опьянения, подлежат ответственности по специальной норме, которая должна быть введена в Особенную часть УК примерно в следующей редакции:

«Совершение общественно опасных действий в результате приведения себя в состояние сильного опьянения, когда лицо не могло отдавать себе отчета в своих действиях или руководить ими, наказывается исправительными работами на срок до одного года или лишением свободы на срок до пяти лет.

Если в состоянии сильного опьянения совершено деяние, относящееся к числу тяжких преступлений, перечисленных в ст. 7¹ настоящего УК, виновный подлежит наказанию в пределах санкции статьи УК, предусматривающей совершенное им деяние».

Предлагаемая конструкция ответственности за преступления, совершенные в состоянии полного опьянения, на наш взгляд, имеет ряд преимуществ перед действующей¹.

ситета, № 11, вып. 2. Л., 1958, с. 120—121). Обоснованность предложения Н. С. Лейкиной признает А. Б. Сахаров, но он считает, что указанное обоснование вины одинаково возможно как при конструкции ответственности, предлагаемой Н. С. Лейкиной, так и при существующем решении вопроса (См.: Сахаров А. Б. Указ. работа, с. 225).

¹Данная точка зрения уже высказывалась нами в одной из статей, опубликованной в 1963 году (См.: Труды Института философии и права Академии наук Казахской ССР.— Вопросы уголовного права и процесса. Алма-Ата, 1963).

Выступив против нашего предложения о дополнении ст. 12 Основ второй частью, А. А. Габияни признает нецелесообразным также введение в Особенную часть УК союзных республик специальной нормы, устанавливающей уголовную ответственность за все совершенные в состоянии полного опьянения преступления. Он считает «принципиально неверным заранее определять и указывать в законе исчерпывающий перечень тех случаев, в которых лица виновны и ответственны за свои совершенные в состоянии полного опьянения, уголовно наказуемые деяния». А. А. Габияни пишет, что «вопрос о том, виновно или нет лицо в совершении определенного общественно опасного деяния в состоянии полного опьянения, должен решаться в каждом конкретном случае судом на основании материалов уголовного дела»¹.

Предлагаемый нами новый специальный состав преступления под страхом уголовной ответственности возлагает на каждого гражданина правовую обязанность не приводить себя в сильное опьянение, которое законодателем признано заведомо общественно опасным состоянием. С введением такого специального предписания уголовного закона ответственность всех лиц, совершивших правонарушение в состоянии глубокого опьянения, получит исчерпывающе полное юридическое обоснование, которое раньше не всегда можно было установить, — сознательное нарушение запрета приводить себя в состояние, заведомо опасное с точки зрения уголовного закона.

Введение в практику предлагаемой нами конструкции ответственности за преступления, совершенные в состоянии опьянения, вопреки опасениям некоторых авторов, ни в коем случае не приведет «к ослаблению борьбы с преступлениями, вызываемыми алкоголем»². Напротив, подобное решение вопроса может способствовать усилению борьбы не только с преступлениями, совершенными на почве пьянства, но и с причиной таких преступлений — самим алкоголизмом. Ведь борьбу с преступлениями, связанными с алкоголизмом, нельзя сводить только к наказанию самих преступников. Огромное значение в этом деле имеет и профилактика, предупреждение их путем перенесения центра тяжести борьбы на момент приведения преступником себя в состояние опьянения. Предлагаемая нами норма закона, безусловно, может дать значительный профилактический эффект.

¹См.: Габияни А. А. Указ. работа, с. 87—90.

²См.: Касаткин Ю. П. К изучению конкретных причин, вызывающих преступления. Ученые записки Таджикского государственного университета, т. XI, вып. IV. Душанбе, 1956, с. 139.

ГЛАВА 4. МЕРЫ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ, СОВЕРШЕННЫМИ НА ПОЧВЕ ПЬЯНСТВА И АЛКОГОЛИЗМА

4.1 Индивидуализация ответственности и наказания за деяния, совершенные в состоянии опьянения

Опьянение и связанное с ним психофизическое состояние субъекта, совершившего преступление, имеет специальное уголовно-правовое значение для решения вопросов не только об основаниях уголовной ответственности, но и об индивидуализации наказаний за преступления, совершенные в подобном состоянии.

В решении вопроса о влиянии опьянения на меру ответственности лиц, совершивших преступление в этом состоянии, в советской юридической литературе отчетливо намечаются три различные тенденции. Одни авторы склонны считать состояние опьянения смягчающим ответственность обстоятельством¹, другие — отягчающим², третьи — предлагают решать этот вопрос в зависимости от конкретных особенностей каждого деяния и индивидуальных характеристик лица, совершившего его в этом состоянии³.

Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, принятые в 1958 году, не содержали никаких указаний на этот счет. В уголовных кодексах союзных республик вопрос о значении опьянения для определения меры ответственности лиц, совершивших преступление в этом состоянии, решался по-разному.

В зависимости от оценки состояния опьянения как смягчающего или отягчающего вину обстоятельства, уголовные кодексы союзных республик можно было разделить на три группы:

1) УК Армянской ССР (ст. 36) и Молдавской ССР (ст. 38) признавали опьянение отягчающим ответственность обстоятельством;

2) УК Эстонской ССР и Литовской ССР — отягчающим ответственность обстоятельствам только в связи с совершением преступления при исполнении профессиональных и служебных обязанностей, а УК. УССР, БССР, РСФСР, Таджикской ССР и Туркменской ССР — в связи с использованием источника повышенной опасности;

3) УК Казахской ССР, Киргизской ССР, Узбекской ССР, Грузинской ССР, Латвийской ССР и Азербайджанской ССР в перечне ни смягчающих, ни отягчающих ответственность обстоятельств не содержали указаний о значении состояния опьянения.

¹Подобной точки зрения придерживаются Н. Ф. Кузнецова и Б. А. Куринов (см.: сб. Применение наказания по советскому уголовному праву. М., 1958, с. 136-137).

²См.: Карпец И. И. Отягчающие и смягчающие обстоятельства в уголовном праве. М., 1959, с. 67; Бейсенов Б. С. Алкоголизм и проблемы борьбы с преступностью, связанной с ним

³См.: Горелик И. И. Значение состояния опьянения при совершении общественно опасного действия.— Вопросы уголовного права и процесса, вып. I. Минск, 1958, с. 33—34; Сахаров А. Б. Указ. работа, с. 231—235.

Судебная практика при решении этого вопроса в основном исходила из того, что неправильно рассматривать опьянение всегда отягчающим обстоятельством и излишне преувеличивать отягчающего его вину значения.

В соответствии с Законом СССР от 11 июля 1969 г.¹ ст. 34 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик была дополнена п. 10, относящим к числу обстоятельств, отягчающих ответственность виновного, совершение преступления в состоянии опьянения. Такие же изменения внесены в законодательство союзных республик (ст. 39 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик). Однако в законе не указывается, в каких случаях состояние опьянения лица, совершившего преступление, должно быть признано обстоятельством, отягчающим его ответственность. Более того, закон предоставляет суду право, «в зависимости от характера преступления, не признать это обстоятельство отягчающим ответственность», но также не указывает основания, из которых суд при этом должен исходить.

Давая разъяснение по данному вопросу, Пленум Верховного Суда СССР в постановлении «О задачах судов по выполнению постановлений ЦК КПСС, Совета Министров СССР и Указов Президиумов Верховных Советов союзных республик о мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма» от 11 июля 1972 г. № 3 отметил, что «судам надлежит по каждому уголовному делу, соблюдая требования закона о всестороннем, полном и объективном исследовании обстоятельств дела, устанавливать, совершено ли преступление виновным в состоянии опьянения. При признании факта совершения преступления в состоянии опьянения отягчающим обстоятельством суд должен на это сослаться в приговоре при мотивировке назначенного наказания»². Устанавливая, что суды, в нарушение требования ст. 34 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, нередко не учитывают состояние опьянения при назначении наказания, Пленум Верховного Суда СССР в постановлении «О практике применения судами законодательства и постановлений Пленума Верховного Суда СССР, направленных на усиление борьбы с пьянством и алкоголизмом» указал: «По смыслу закона суд вправе, в зависимости от характера преступления, не признать это обстоятельство отягчающим ответственность лишь с приведением в приговоре мотивов принятого решения»³.

Вопрос о том, какими принципами надлежит руководствоваться при оценке обстоятельств по делам о преступлениях, совершенных в состоянии опьянения, не нашел отражения и в научной литературе⁴.

Как показывает изучение дел о преступлениях, совершенных на почве пьянства, положение закона об отягчающем ответственность значении факта совершения преступления в состоянии опьянения в течение ряда лет не находит единовременного практического применения.

Отдельные суды, осуществляя правильную карательную практику по делам о преступлениях, связанных с пьянством, факт совершения преступления в состоянии опьянения признают как отягчающее вину обстоятельство, о чем указывают в судебных приговорах. Так, по делу Ф., осужденного по пп. «б», «в» и «д» ч. 1 ст. 88 УК Казахской ССР (за умышленное убийство из хулиганских побуждений З. при исполнении им служебных обязанностей), областной суд как на одно из отягчающих ответственность обстоятельств в приговоре указал на тот факт, что преступление

¹См.: Ведомости Верховного Совета СССР, 1969, № 29, с. 249.

²Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР, 1924—1977, ч. I. М., 1978, с. 26—27.

³Там же. С. 33—34.

⁴См.: Комментарий к УК РСФСР; М., 1971, с. 101; Комментарий к УК БССР. Минск, 1977; Лейкина Н. С. Личность преступника и уголовная ответственность, с. 111—112; Габияни А. А. Указ. работа, и др.

подсудимым совершено в состоянии опьянения, и применил к нему исключительную меру наказания.

Областной суд приговорил к высшей мере наказания Г. по пп. «б», «г» ч. 1 ст. 88 УК Казахской ССР (за умышленное убийство из хулиганских побуждений с особой жестокостью), которому в качестве одного из отягчающих ответственность обстоятельств вменено совершение преступления в состоянии опьянения.

Наряду с этим некоторые народные суды по уголовным делам о преступлениях, связанных с пьянством, не применяют положение п. 10 ст. 36 УК Казахской ССР об отягчающем ответственность значении факта совершения преступления в состоянии опьянения и в судебных приговорах не указывают мотивов такого решения.

Изучение судебной практики по применению п. 10 ст. 34 Основ по делам о преступлениях, совершенных в состоянии опьянения, свидетельствует о том, что она окончательно еще не сложилась. В приговорах судов факт совершения преступления лицом, находящимся в состоянии опьянения, в основном признается в качестве одного из отягчающих ответственность обстоятельств, однако встречаются случаи, когда суды применяют к лицам, совершившим преступление на почве пьянства, мягкие меры наказания, не обосновывая в выносимых приговорах мотивов своего решения.

Опьянение само по себе не является уголовно наказуемым, а становится таковым лишь в связи с его конкретными преступными последствиями. Поэтому в основу решения вопроса об отягчающем ответственность значении опьянения, по нашему мнению, должны быть положены именно те обстоятельства, в связи с которыми повышается общественная опасность последствий этого состояния. Придерживаясь этой же точки зрения, И. И. Горелик отмечал, что опьянение приобретает юридическое значение не само по себе, не прямо, а благодаря тому влиянию, которое оно в тех или иных случаях оказывает на субъективную сторону преступления¹. Опьянение, как известно, прежде всего отрицательно влияет на психические отправления, в частности на волевою и интеллектуальную деятельность психики субъекта. Все поступки, действия пьяного, осуждаемые как антиобщественные, всегда носят на себе печать этих отрицательных влияний алкоголя на психику. Опьянение определяет характер поведения через свое отрицательное воздействие на нормальное протекание психических процессов².

Поэтому отягчающее или смягчающее ответственность значение опьянения проявляется главным образом в степени вины субъекта. На характер и степень общественной опасности совершенного деяния опьянение оказывает свое влияние опосредствованно, через влияние на характер и степень вины лица.

Говоря об обстоятельствах, отягчающих и смягчающих ответственность, следует иметь в виду, что они либо включаются в состав и влияют на квалификацию деяния, либо находятся вне состава и влияют на определение меры наказания³.

¹См.: Горелик И. И. Указ. работа, с. 31.

²По мнению В. Н. Кудрявцева, субъективная сторона преступления определяет объективную его сторону. «Будущая объективная сторона преступления, — пишет он, — в идеальной форме складывается в сознании лица и затем в той или иной мере осуществляется в действительности... Дальнейшая роль субъективной стороны преступления по отношению к объективной стороне состоит в том, что она контролирует, направляет и регулирует объективную сторону на всем протяжении совершения преступного деяния (подвергаясь вместе с тем обратному воздействию)» (Кудрявцев В. Н. Объективная сторона преступления, с. 15–18).

³В этой связи А. Н. Трайнин указывал: «Основанием для применения типового наказания служат признаки, включенные как элементы в состав преступления; основанием же для применения индивидуального наказания служат признаки, не включенные в состав» (Трайнин А. Н. Учение о составе преступления. — В сб. Вопросы уголовного права, 1944, с. 29). См. также: Карпец И. И. Указ.

Состояние опьянения в одних деяниях является отягчающим, в других — смягчающим обстоятельством. Но в действующем законодательстве нет ни одного состава преступления, для которого опьянение имело бы значение, определяющее его квалификацию. Опьянение не включается в состав и не влияет на квалификацию деяния ни как отягчающее, ни как смягчающее обстоятельство. Оно выступает обстоятельством, влияющим в основном на индивидуализацию наказания.

Обстоятельством, обязательно учитываемым при назначении наказания за деяния, совершенные в состоянии опьянения, являются: психическое отношение преступника к факту опьянения; степень его опьянения; хронический алкоголизм или привычное пьянство как обстоятельства, влияющие на степень опасности личности виновного.

4.2 Психическое отношение лица к факту опьянения и индивидуализация ответственности за деяние, совершенное на этой почве

Исходя из психического отношения субъекта к факту своего опьянения обычно различают вынужденное, случайное, намеренное и сознательное опьянение.

Вынужденное опьянение имеет место тогда, когда лицо напоили по принуждению, против воли. Опьянение, возникшее при этих условиях, по действующему советскому законодательству не освобождает лицо от уголовной ответственности за содеянное, но оно, безусловно, является основанием для смягчения наказания. Это суждение основано на положении закона, который в числе обстоятельств, смягчающих ответственность, указывает также на «совершение преступления под влиянием угрозы или принуждения либо в силу материальной или иной зависимости» (п. 3 ст. 33 Основ и п. 3 ст. 38 УК РСФСР).

Поскольку виновное опьянение признается основанием ответственности только в деяниях, явившихся исключительно следствием сильного опьянения, постольку указанное положение закона о смягчающем значении принуждения должно распространяться только на случаи вынужденного полного опьянения¹.

В случаях, когда принуждение к опьянению преследовало цели вовлечения пьяного в преступную деятельность, это обстоятельство должно быть признано как отягчающее вину принуждающего лица, безусловно ответственного за это преступление.

Но если такое принуждение применено в отношении несовершеннолетнего, принуждающее лицо, даже не преследовавшее преступной цели, несет уголовную ответственность по специальной норме (ст. 210 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других республик), предусматривающей вовлечение несовершеннолетнего в пьянство. В соответствии с п. 3 постановления Пленума Верховного Суда СССР № 8 от 12 сентября 1969 г. «О судебной практике по делам о вовлечении несовершеннолетних в преступную и иную антиобщественную деятельность» одно только распитие спиртных напитков с несовершеннолетним в целях облегчения склонения его к совершению преступления должно рассматриваться как способ вовлечения несовершеннолетнего в преступную деятельность, и оно учитывается при назначении наказания как отягчающее вину обстоятельство.

работа, с. 25; Соловьев А. Д. Вопросы применения наказания по советскому уголовному праву. М., 1958, с. 120—121; Лейкина Н. С. Личность преступника и уголовная ответственность, с. 107—112.

¹Исключения из этого положения можно иногда делать в отношении пьяного бездействия и пьяной небрежности, которые проявляются в поведении опьяневшего очень часто помимо его воли и на более ранних стадиях опьянения.

Для самого же несовершеннолетнего состояние опьянения может выступать как смягчающее ответственность обстоятельство. «Если опытные преступники, — пишет Н. С. Лейкина, — довели подростка до состояния опьянения и потом вовлекли в совершение преступления, нельзя состояние опьянения у несовершеннолетнего признать отягчающим обстоятельством»¹.

Принуждение — более интенсивная (стало быть и более общественно опасная) форма оказания своего влияния, чем подстрекательство, поэтому оно должно учитываться в качестве обстоятельства, отягчающего ответственность лица, применившего его в отношении несовершеннолетнего.

Опьянение **случайное (добровольное)** имеет место, когда лицо без всякой преступной цели, по собственной воле вызвало такое состояние, а затем совершило преступление.

Само по себе это состояние по действующему законодательству не признается обстоятельством, освобождающим субъекта от уголовной ответственности, и, как правило, не смягчает ответственности. Но оно может иногда приобрести значение либо отягчающего, либо смягчающего вину обстоятельства лишь в связи с теми или иными особенностями деяния и личности правонарушителя, которые в каждом конкретном случае должны быть учтены при определении меры наказания.

Поскольку преступления, совершенные в состоянии опьянения, действующим законодательством наказываются так же, как и совершенные в трезвом состоянии, судебная практика совершенно правильно исходит из того, что за эти деяния мера наказания назначается по другим сопровождающим преступление обстоятельствам, не исключая и тех, которые созданы и самим фактом опьянения.

Большинство умышленных преступлений против личности, совершаемых в состоянии случайного опьянения, связано с алкогольным расстройством интеллектуальной, волевой и, особенно, аффективной сфер психики. Следствием этого является особая низменность преступных замыслов и безрассудная жестокость их осуществления, проявляемые очень часто пьяными преступниками. Такие особенности преступного поведения, если они имели место, безусловно, должны получить соответствующую оценку как обстоятельства, резко повышающие общественную опасность деяния и степень вины пьяного преступника².

В этой связи состояние опьянения, хотя непосредственно само по себе и не влияет на квалификацию деяния, но может обусловить возникновение таких обстоятельств, которые так или иначе должны учитываться не только при определении меры наказания, но и при квалификации деяния.

Так, хулиганство, сопряженное с сопротивлением представителю власти или общественности, законом и судебной практикой признается злостным и квалифицируется по ч. 2 ст. 206 УК РСФСР, даже когда указанные выше квалифицирующие обстоятельства этого деяния явились исключительно следствием непреднамеренного опьянения и связанного с ним алкогольного расстройства соответствующих сфер психики; также рассматривается как совершенное при отягчающих обстоятельствах и квалифицируется по п. «б» ст. 102 УК РСФСР умышленное убийство, совершенное в состоянии пьяного буйства и озорства, хотя бы указанные побуждения и обуславливались исключительно фактом опьянения.

¹ Лейкина Н. С. Указ. работа, с. 112.

² А. Д. Соловьев указывает: «Преступления, совершенные в состоянии опьянения или в связи с пьянством, как правило, вызываются низменными побуждениями и нередко отличаются жестокостью и цинизмом. Поэтому теория права и судебная практика с полным основанием стоят на такой точке зрения, что лица, совершившие преступление в состоянии опьянения, не могут рассчитывать на смягчение ответственности, а должны нести ее по всей строгости закона» (Соловьев А. Д. Указ. работа, с. 161).

Лишь иногда случайное опьянение может иметь значение смягчающего ответственность обстоятельства. Судебная практика, в частности, допускает смягчение ответственности, когда преступление совершено на почве опьянения лицом, которое по молодости и неопытности или в силу других обстоятельств не знало и не могло знать о возможных криминальных последствиях опьянения и о характере реакции своего организма на действие алкоголя.

Так, народным судом студент А. приговорен к 5 годам лишения свободы по ч. 2 ст. 200 УК Казахской ССР. Впервые употребив спиртные напитки по случаю исполнения ему 18 лет, он в сильной степени опьянения завязал драку, нанеся ножевое ранение П. Коллегия по уголовным делам областного суда, снизив первоначально назначенную осужденному меру наказания до двух лет лишения свободы, в основном сослалась на молодость и на его прежний безупречный образ жизни. Ясно, что эта формулировка подразумевала прежде всего неопытность и неискренность подсудимого в отрицательных последствиях употребления алкоголя.

Под **намеренным** опьянением понимается такое опьянение, в которое субъект приводит себя с целью либо решиться на совершение преступления, либо впоследствии сослаться на это состояние как на обстоятельство, оправдывающее совершенное деяние.

В законодательстве дореволюционной России (ст. 106 Уложения 1845 года) прямо предписывалось в случаях приведения себя в состояние опьянения с намерением совершить преступление назначать высшую меру наказания, предусмотренную за это преступление.

В связи с этим в литературе говорилось о нецелесообразности обязательного увеличения наказания за намеренное опьянение. В качестве довода в пользу такого мнения указывалось, что «если взять двух преступников, из которых один выполнил задуманное преступление совершенно спокойно, без всяких колебаний, а другой для того, чтобы решиться на преступление, должен был искусственно подогреть себя, трудно сказать, который из них представляется более опасным для общества»¹.

Действующее уголовное законодательство не знает деления опьянения на намеренное и ненамеренное. Но теория и судебная практика намеренное опьянение рассматривают как обстоятельство, указывающее на форму и характер вины лица, совершившего преступление в состоянии опьянения.

Факт намеренного опьянения, в частности, свидетельствует о наличии у виновного прямого умысла на совершение преступления. Кроме того, это же обстоятельство обычно выражает большую обдуманность совершенного преступления и зрелость умысла лица.

Степень вины субъекта, а следовательно, и степень общественной опасности деяния зависят (наряду с другими обстоятельствами) также от формы и характера вины². Поэтому преступление, совершенное в состоянии намеренного опьянения (с прямым умыслом), всегда является более общественно опасным, чем преступление, совершенное при иных обстоятельствах (с косвенным умыслом или по неосторожности).

Следует согласиться с А. Д. Соловьевым, который пишет: «Степень вины лица иногда может зависеть от большей или меньшей обдуманности преступления. Большая обдуманность преступления, проведение определенной подготовительной деятельности к его совершению, зрелость умысла свидетельствуют о большей полноте и отчетливости сознания вредного результата совершаемого преступления,

¹Таганцев Н. С. Лекции по русскому уголовному праву. Часть Общая, вып. II, с. 499.

²«Степень вины лица,— пишет А. А. Пионтковский,— зависит от формы субъективной стороны состава преступления... Характер субъективной стороны совершенного преступления оказывает определяющее влияние на меру общественной опасности преступного деяния и степень вины лица, его совершившего» (Пионтковский А. А. Учение о преступлении, с. 400—401).

обуславливая тем самым и большую степень вины данного лица, а вместе с тем и большую степень его общественной опасности, что влечет за собой применение более сурового наказания по сравнению с наказанием, применяемым за преступление, совершенное с меньшей обдуманностью или по внезапно возникшему умыслу»¹.

Таким образом, намеренное опьянение является обстоятельством, свидетельствующим о большей степени общественной опасности совершенного деяния и лица, совершившего его, и должно влечь повышенную меру наказания.

При опьянении **сознательном (виновном)** субъект приводит себя в состояние опьянения без специальной цели совершить преступление, но при таких обстоятельствах, когда он мог и должен был предвидеть или предвидел, что опьянев, может совершить общественно опасное деяние. Это имеет место в случаях, когда в глубокое опьянение приводит себя особо опасный рецидивист или лицо, имеющее заведомую склонность, привычку к пьяному буйству, а также лица, обязанные соблюдать трезвость в связи с выполнением соответствующей профессиональной, служебной или иной обязанности.

Сознательное (виновное) опьянение, если в этом состоянии совершено общественно опасное деяние, при определении меры наказания должно учитываться как отягчающее вину обстоятельство. Характер и объем предвидения лицом последствий своего сознательного опьянения мало чем отличается от такого же предвидения при намеренном опьянении. В том и в другом случае субъект предвидит преступные последствия, однако для намеренно опьяневшего они являются заранее предусмотренной целью, а для сознательно опьяневшего наступление этих последствий нежелательно.

Лица, сознательно приводящие себя в заведомо общественно опасное состояние, отчетливо сознают возможность наступления вредных последствий своего опьянения и все же напиваются пьяными, как бы соглашаясь заранее с такими последствиями. «Большая полнота и отчетливость отражения совершаемого преступления в сознании преступника, а также большой объем предвидения или объем возможности предвидения общественно опасных последствий свидетельствуют и о большей степени его общественной опасности»².

Лица, совершающие неосторожные общественно опасные действия или бездействия на почве пьянства, всегда более опасны, чем лица, совершившие те же деяния в трезвом виде. Скажем, водитель автомашины, который совершил наезд на человека, будучи в нетрезвом состоянии за рулем, представляет значительно большую общественную опасность, чем другой водитель, совершивший аналогичный факт в трезвом виде: в первом случае, кроме конкретного нарушения правил движения, имеет место сознательное нарушение запрета приводить себя в нетрезвое состояние на время исполнения служебно-профессиональных обязанностей.

Общественная опасность лица, которое ради удовлетворения своей страсти к опьянению готово на все и даже заведомо решается посягать на интересы общественной безопасности, безусловно, должна быть высокой.

Состояние сознательного опьянения при совершении преступления признается как отягчающее вину обстоятельство и действующим советским уголовным законодательством, и судебной практикой.

Преступления, совершенные в состоянии опьянения особо опасными рецидивистами и лицами, склонными к пьяному буйству, рассматриваются как совершенные при отягчающих вину обстоятельства с учетом индивидуальных свойств личности

¹Соловьев А. Д. Указ. работа, с. 99—100. Подобное мнение высказано также И. Н. Карпецом в кн. Индивидуализация наказания, с. 55.

²Соловьев А. Д. Указ. соч., с. 97.

этих категорий преступников. При этом психическое отношение их к факту своего опьянения также входит в характеристику общественной опасности их личности.

4.3 Степень опьянения как обстоятельство, влияющее на меру ответственности за деяния, совершенные на почве пьянства

В соответствии с действующими Основами уголовного законодательства состояние опьянения само по себе не исключает ответственности за содеянное. Поэтому смягчающее ответственность значение этого состояния (если таковое имело место) может быть учтено только в исключительных случаях, когда опьянение является полным, т. е. когда субъект фактически не имеет возможности отдавать отчет в своих действиях или руководить ими. Когда мы говорим о смягчающем значении вынужденного опьянения или опьянения лица, по молодости и неопытности недостаточно знакомого с действием алкоголя, всегда имеется в виду степень полного опьянения виновного.

Если опьянение приобретает значение отягчающего ответственность обстоятельства, то не имеет значения степень этого состояния. Факт намеренности опьянения, например, всегда является отягчающим ответственность обстоятельством независимо от того, насколько сильно опьянело лицо, совершившее в связи с этим преступление.

Степень опьянения сама по себе не влияет на меру ответственности также в случаях, когда это состояние приобретает отягчающее ответственность значение только опосредствованно, через преломление в поступках виновного. Так, влияние опьянения на характер действия (цинизм, особая жестокость и т. п.) или мотивы (хулиганские, низменные и др.) имеет значение отягчающего ответственность обстоятельства, независимо от степени этого состояния.

Но в деяниях, в состав которых опьянение включено как самостоятельный правонарушительный акт, степень этого опьянения всегда влияет на меру ответственности. Для того чтобы установить, насколько степень опьянения оказывает влияние на меру ответственности, необходимо выяснить, во-первых, что следует понимать под состоянием опьянения, а во-вторых, о какой степени идет речь в деяниях, в составах которых опьянение предусмотрено как самостоятельный правонарушительный акт.

Понятие «пьяный» в теории и практике толкуется по-разному. Как указывает И. В. Стрельчук, «опьяневшим следует считать лицо, принявшее алкоголь в таком количестве, которое вызывает комплекс кратковременных нарушений высшей нервной деятельности различной интенсивности, изменяющих нормальные реакции на окружающую внешнюю среду, вследствие чего возникает известная опасность как для самого опьяневшего, так и для окружающих»¹.

А. М. Рапопорт склонен всякое лицо, сколько-нибудь употребившее алкоголь, относить к разряду пьяных. Он считает, что такие функции, как волевой самоконтроль, правильность и быстрота суждения и реагирования на внешние раздражители, внимание, точность восприятий (зрительно-световых, слуховых и пр.), «страдают и при самых легких, внешне как бы неуловимых состояниях опьянения»².

Употребление алкоголя в любой малой дозе не может отрицательно влиять на состояние виновного. Мало того, алкоголь (правда, в незначительном количестве)

¹Стрельчук И. В. Указ. работа, с. 7.

²См.: Рапопорт А. М. Указ. работа, с. 27.

может присутствовать в организме и как продукт физиологического обмена веществ. Для того чтобы проявились те или иные вредные последствия, должно быть употреблено такое количество алкоголя, которое способно внести соответствующие (временные) изменения в функциональное состояние организма.

Несомненно, (существует известная граница количественного минимума потребления алкоголя, превышение которого вызывает то, что мы называем нетрезвым состоянием. Употребление (алкоголя в пределах такого количественного минимума не может вызвать в организме сколько-нибудь заметных психомоторных нарушений, стало быть, и не приводит к каким-либо серьезным последствиям.

В этой связи представляет определенный интерес попытка исследователей некоторых стран установить закономерность между концентрацией алкоголя в крови и степенью опьянения.

Так, В. Пуховским (Польша) разработана схема, показывающая динамику понижения способности водителей к вождению механического транспорта в зависимости от повышения концентрации алкоголя в крови. Исследования проводились по микрометоду Видмарка¹.

Концентрация алкоголя в крови	Состояние способности водителя
0—0,01%	водитель трезв
0,01-0,02%	водитель пил алкоголь, но это не выражается в нарушениях центральной нервной системы, способных обусловить несчастный случай
0,02—0,05%	некоторые из водителей представляют опасность
0,05—0,1%	все водители представляют опасность
0,1-0,2%	безусловно опасны
свыше 0,2%	абсолютно неспособны к вождению машин

Судебная практика и законодательство ряда стран установили максимальную степень опьянения, находясь в которой каждый водитель представляет угрозу для общественной безопасности.

В некоторых государствах законодательствами установлена допустимая доза алкоголя в крови водителей. Так, в Англии, Бельгии она составляет 0,8 г/л, в Швейцарии — 0,5 г/л. В Западной Германии эта доза была принята в размере 1,3 г/л, однако сейчас она снижена до 0,8 г/л.

В соответствии с «законом о поведении в состоянии опьянения» от 15 апреля 1958 г. в Бельгии подвергается наказанию водитель, у которого в крови установлено содержание алкоголя более чем в 1,5 промилле. Этим законом также констатируется, что способность вождения машины у большей части водителей утрачивается, начиная с 1 промилле содержания алкоголя в крови².

В законодательстве ряда стран встречается форма диспозиции закона, дающая количественное определение понятия «нетрезвого состояния», наказуемого в некоторых предусмотренных уголовной нормой случаях. Это в основном связано с вождением машин в нетрезвом состоянии (независимо от последствий).

Например, в соответствии с английским законодательством при концентрации алкоголя в крови водителя свыше 0,8 г/л устанавливается штраф в размере 100 фунтов стерлингов

¹Карпинский З., Копчук Г. О некоторых проблемах алкоголизма в свете уголовного права и судебной медицины.— ж. *Prawo i prawo*, 1955, № 12, с. 989.

²Северин-Карлос Версель. Некоторые вопросы борьбы с алкоголизмом в Бельгии. — ж. *Przebad Penitencjary*, 1965, № 2(6), Warszawa, s. 46—87.

или виновный подвергается тюремному заключению сроком на четыре месяца с одновременным лишением водительских прав на один год¹.

Вопрос о введении подобного количественного определения понятия «нетрезвого состояния», в котором запрещено управлять машинами, ставился и обсуждался и в некоторых других странах.

Однако количественные критерии определения понятия «нетрезвое состояние» недостаточно учитывают особенности реакции каждого организма на алкоголь. Кроме того, существующие биохимические методы определения концентрации алкоголя в организме имеют недостатки, связанные с их технической сложностью (Видмарка, Гансена, Кионки) или малой специфичностью химической реакции (Богена, Попова, Рапопорта, Мохова, Шинкаренко)².

Большинство ученых пришло к выводу, что при одной и той же концентрации алкоголя в крови субъективное и объективное состояние испытуемого может быть различным. Это зависит от того, устанавливается ли данная концентрация в фазе резорбции или в фазе выделения яда³.

Уголовное законодательство в нашей стране, признавая преступным тот или иной случай появления пьяного лица на производстве, не употребляет какого-либо количественного перила определения степени опьянения, подлежащего наказанию. Вместо этого в диспозициях уголовного закона применяются различные терминологические характеристики, соответствующие различным степеням опьянения, и таким (путем суда) даются более или менее определенные критерии.

В частности, в Уголовных кодексах союзных республик употребляются термины «в пьяном виде», «в состоянии опьянения», «в нетрезвом состоянии» (ст. ст. 12, 208, 217-1 УК Казахской ССР). Применение различных терминов в законодательстве не случайно. Этим законодатель по-разному определяет состояние лиц, употребляющих алкоголь, чтобы охарактеризовать неодинаковую степень изменения психики и внешнего поведения субъектов, находящихся под влиянием алкоголя.

Термин «в пьяном виде» характеризует ярко выраженное изменение психики и внешнего поведения лица, вызванное употреблением алкоголя.

В зависимости от изменения психики и внешнего поведения субъектов, алкогольное опьянение подразделяется на легкое, средней степени и тяжелое⁴. Влияние спиртных напитков на психику человека, как указывает И. М. Догель, «зависит от количества, крепости, чистоты этилового спирта, от известной примеси к нему других того же жирного ряда спиртов, от способа приема, от климатических данных и, наконец, от индивидуальности человеческого организма»⁵.

Состояние субъекта, употребившего алкоголь в малой дозе, нельзя назвать трезвым, ибо он обязательно впадает в состояние опьянения. «С точки зрения физиологии, экспериментальной психологии, — пишет по этому поводу А. М. Рапопорт, — нетрезвым является всякое лицо, принявшее даже малые количества алкоголя, так как уже от 15—20 мл чистого алкоголя страдают высшие психические функции, как это доказано многочисленными исследованиями»⁶. Поэтому, когда в законодательстве встречается выражение «в нетрезвом состоянии», очевидно, имеется в виду употребление даже самого незначительного количества алкоголя, которое вызывает у человека «внешне как бы неуловимое состояние опьянения». Значит, понятие

¹См.: Боровский Б. Е. Условия безаварийной работы. Л., 1971, с. 243.

²См.: Рапопорт А. М. Указ. работа, с. 27.

³См.: Судебно-медицинская экспертиза. Справочник для юристов. М., 1980.

⁴См.: Стрельчук И. В. Указ. работа, с. 47.

⁵Догель И. М. Спиртные напитки, здоровье и нравственность. Казань, 1912, с. 136.

⁶Рапопорт А. М. Указ. работа, с. 20.

«нетрезвый» охватывает все степени опьянения, включая и легкую, а понятие «пьяный» — среднюю и тяжелую степени.

Таким образом, в основах деяний, для которых само опьянение является наказуемым состоянием, в частности «появление в пьяном виде во взрывоопасных цехах» (ст. 208 УК Казахской ССР), имеется в виду более или менее глубокое, внешне вполне заметное на вид состояние опьянения. В других же составах, например «управление транспортными средствами в состоянии опьянения» (ст. 217-1 УК Казахской ССР), идет речь не о любой, а о средней или тяжелой степени опьянения.

Однако в обоих случаях налицо формальный состав, т. е. наказуем сам факт появления в пьяном виде во взрывоопасных цехах и управления транспортом в состоянии опьянения независимо от того, наступили вредные последствия или нет.

Вождение транспортных средств в нетрезвом состоянии до 1968 года признавалось уголовно наказуемым только в случаях наступления предусмотренных законом вредных последствий. Сам факт опьянения водителя или иного допущенного им нарушения правил движения не влек уголовного наказания, если это не вызвало или причинно не обусловило наступление вредных последствий.

Определяющим в данном случае являлось не столько правонарушение, сколько его последствия: важно было не то, много или мало выпил виновный, а то, к чему это привело. В связи с этим законодатель фактически предусматривал уголовное наказание не за ту или иную степень опьянения водителя, а за само употребление им алкоголя, если это повлекло упомянутые в законе тяжкие последствия.

Практика, однако, показала, что есть необходимость признать уголовно наказуемым управление транспортными средствами в пьяном виде независимо от того, наступили вредные последствия или нет. Поэтому Указ Президиума Верховного Совета РСФСР «Об усилении административной ответственности за нарушение правил пользования транспортными средствами» от 19 июня 1968 г. дополнил УК РСФСР ст. 211¹, предусматривающей уголовное наказание за повторное управление транспортным средством в состоянии опьянения.

28 июня 1968 г. аналогичный Указ был принят Президиумом Верховного Совета Казахской ССР, а УК республики дополнен ст. 217-1 в следующей редакции: «Управление автотранспортным или городским электротранспортным средством, трактором или иной самоходной машиной в состоянии опьянения лицом, лишенным водительских прав за такое нарушение, или управление указанными транспортными средствами в состоянии опьянения лицом, не имеющим водительских прав, к которому в течение года была применена мера административного взыскания за такое нарушение,— наказывается лишением свободы на срок до одного года, или исправительными работами на тот же срок, или штрафом до 100 руб. с лишением права управлять транспортными средствами на срок до пяти лет».

Между тем, в юридической литературе указывается на то, что органы ГАИ не всегда эффективно используют предоставленные им права, не учитывают индивидуальных качеств водителя, степень его опьянения.

Б. Л. Зотов, в частности, отмечает: «Органы ГАИ еще недостаточно часто пользуются предоставленным правом направлять водителей на медицинское освидетельствование для решения вопроса о фактической пригодности управлять машиной. Лишение прав управления на основании заключения медицинского учреждения вплоть до выздоровления (в зависимости от состояния здоровья) не должно рассматриваться «как административное наказание. Ведь не вызывает сомнения тот факт, что человек, потерявший зрение, не может быть водителем. Точно так же должно рассматриваться и лицо, систематически злоупотребляющее алкоголем. Лишение

права управлять машиной на неопределенный срок вплоть до выздоровления будет иметь очень важное профилактическое значение, особенно в отношении алкоголиков»¹.

От степени опьянения зависит степень реальной опасности этого состояния: чем глубже опьянение, тем реальнее его угроза для производственной и общественной безопасности. Особенно по делам о транспортных преступлениях она может и должна (быть учтена как обстоятельство, влияющее на определение меры наказания лицу, виновному в подобного рода деяниях. Степень опьянения лица, виновного в появлении в пьяном виде во взрывоопасных цехах, является обстоятельством, непосредственно отражающимся на общественной опасности совершенного деяния. При оценке виновности лица, управляющего транспортом в нетрезвом состоянии, степень опьянения может иметь значение как обстоятельство, оказывающее влияние на степень вины лица, а значит, и на степень общественной опасности деяния в целом.

Управление транспортным средством в состоянии хотя бы и незначительного опьянения, повлекшее тяжкие последствия, наказуемо уголовным законодательством всех союзных республик. Следует учесть, что поскольку УК РСФСР, УССР, БССР, Таджикской ССР и Туркменской ССР признают отягчающим обстоятельством совершение **в состоянии опьянения** преступления, связанного с использованием источника повышенной опасности, а УК Эстонской ССР и Литовской ССР — преступления, связанные с исполнением профессиональных или служебных обязанностей, то вождение машин в состоянии опьянения само по себе в этих республиках должно рассматриваться всегда как отягчающее обстоятельство.

Судебная практика рассматривает степень опьянения как обстоятельство, безусловно влияющее на меру наказания по делам о транспортных преступлениях.

Например, гражданин Ш. приговором народного суда осужден к двум годам лишения свободы по ст. 217 УК Казахской ССР за то, что, управляя автомашиной «Москвич» в нетрезвом состоянии, нарушил правила движения и совершил наезд на гражданку Л., причинив ей телесные повреждения средней тяжести. Областной суд изменил указанный приговор по мотивам отсутствия особо тяжких последствий имевшего место несчастного случая и снизил меру наказания, до одного года исправительных работ. Однако Коллегия по уголовным делам Верховного суда республики отменила определение областного суда за мягкостью назначенной Ш. меры наказания и дело передала на новое кассационное рассмотрение, мотивировав свое определение тем, что хотя причиненные последствия несчастного случая и не особенно тяжкие, но Ш. управлял автомашиной в сильно опьяненном состоянии и, не оказав потерпевшей необходимой помощи, скрылся, что свидетельствует о повышенной степени опасности личности виновного.

Состояние опьянения водителя непосредственно угрожает безопасности движения, проявляясь обычно через то или иное конкретное нарушение правил безопасности движения. Характерно, что природа конкретных нарушений правил движения, совершенных на почве опьянения, качественно отличается от природы тех же нарушений, допущенных трезвым водителем: первые более общественно опасны, чем вторые.

В подобного рода деяниях опьянение образует такие психофизические факторы нарушения правил безопасности движения, как общая психическая дезориентированность, различного рода двигательные расстройства и др. При оценке обществен-

¹Зотов Б. Л. Расследование и предупреждение автотранспортных происшествий. М., 1972, с. 31–32.

ной опасности совершенного деяния, наряду с тяжестью причиненных последствий, необходимо учитывать также то, что водитель употребляет спиртные напитки, предвидя возможные последствия и до некоторой степени заранее соглашаясь с ними. Кроме того, опьянение, даже незначительное, порождает эйфорическое состояние, в котором у лица появляются такие мотивы нарушения правил езды на транспорте, как лихачество, излишняя самоуверенность.

Поэтому состояние опьянения, как правило, является отягчающим ответственность обстоятельством в деяниях, связанных с использованием источников повышенной опасности¹.

Вождение машин в нетрезвом состоянии представляет общественную опасность и как нарушение правил движения, и как причина, предпосылка нарушений, угрожающих самыми разнообразными и серьезными последствиями для безопасности движения. Состояние опьянения нельзя рассматривать как одну из разновидностей нарушений правил безопасности движения, поскольку оно на деле является злостным нарушением трудовой дисциплины и профессиональных обязанностей, которое всегда осложнено заведомо общественно опасными последствиями. Этот вид нарушения совершается водителем всегда умышленно, а к его возможным тяжким последствиям он относится всегда с косвенным умыслом. Степень вины водителя за управление машиной в нетрезвом состоянии, в отличие от прочих видов нарушений правил движения, должна устанавливаться в зависимости от степени реальности угрозы его для безопасности движения. За критерий определения степени реальности такой угрозы должна приниматься степень опьянения лица, управляющего машиной в состоянии опьянения: чем сильнее степень его опьянения, тем реальнее угроза для безопасности движения.

Несмотря на неуклонный рост автопарка и связанный с ним резкий рост плотности транспортных единиц по дорогам и улицам городов, статистика преступности на автомобильном транспорте имеет четкую тенденцию постепенного снижения. Так, по республике динамика численности осужденных за преступления, связанные с нарушением правил движения на автотранспорте, если за исходную базу сравнения взять данные 1971 года, в процентах характеризуется следующими показателями:

1971 г. — 100%	1975 г. — 101,2%
1972 г. — 97,0%	1976 г. — 96,4%
1973 г. — 93,8%	1977 г. — 97,6%
1974 г. — 101,2%	1978 г. — 97,6%

В результате активизации профилактики «пьянства за рулем», усиления практики применения общественных и административно-правовых средств борьбы с ним сокращаются и случаи привлечения к уголовной ответственности за управление транспортными средствами в состоянии опьянения (против каждого предыдущего года по республике):

- в 1977 г. на 15,8%
- в 1978 г. на 25,9%

Однако по сравнению с резким убыванием количества других форм нарушений правил движения, «пьянство за рулем» как фактор этих правонарушений снижается медленно.

Еще встречаются отдельные случаи распространения пьянства среди водительского состава автохозяйств, низкая трудовая и производственная дисциплина на

¹Б. А. Куринов отмечает, что «нарушение правил движения, допущенное водителем, находящимся в нетрезвом состоянии, должно рассматриваться как злостное, грубое нарушение этих правил» (см.: Уголовная ответственность за нарушение правил движения на автотранспорте. М., 1957, с. 46). Это же подчеркивал и И. И. Горелик (см.: Вопросы уголовного права и процесса. Минск, 1958, с. 32).

предприятиях. Изучение практики вынесения судами частных определений по устранению причин и условий, способствовавших совершению дорожно-транспортных происшествий по делам данной категории, свидетельствует, что большинство из этих преступлений происходит в результате бесконтрольности и прямого попустительства со стороны руководителей автохозяйств, предприятий и учреждений, а также других должностных лиц, ответственных за эксплуатацию транспортных средств. Иногда причиной автопроисшествия являются активные действия самих руководителей и должностных лиц, от которых водители находятся в служебной зависимости, например допуск пьяного водителя к управлению транспортом.

В связи с отмеченными фактами попустительства пьянству за рулем приобретает известную актуальность вопрос об ответственности фактических соучастников совершения автотранспортных преступлений на почве пьянства.

В судебной практике последнего времени не было единообразия в решении этого вопроса. Однако Верховный суд республики и до дополнения УК специальной нормой об ответственности за управление транспортом в состоянии опьянения ориентировал суды на то, что склонение находящегося за рулем водителя к пьянству, если в результате последовали авария или несчастный случай с людьми, должно квалифицироваться в зависимости от характера действий и личности лица, склонявшего водителя к пьянству. Особенно, если речь идет о тех, кто по своему служебному положению обязан не допускать нетрезвого водителя к управлению, а вместо этого сам склоняет последнего к пьянству, они подлежат уголовной ответственности как за грубое нарушение правил эксплуатации транспорта.

Так, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Казахской ССР отменила оправдательный приговор народного суда и определение судебной коллегии областного суда по делу завхоза Н., преданного суду за склонение водителя грузовой автомашины к употреблению спиртных напитков и вождению машины в нетрезвом состоянии. В своем определении Коллегия указала на то, что если находящегося за рулем водителя склонило к пьянству лицо, которому он подчинен по службе, такое должностное лицо несет ответственность по ст. 218 УК Казахской ССР за грубое нарушение правил эксплуатации транспорта.

В соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 6 октября 1970 г. «О судебной практике по делам об автотранспортных преступлениях» за фактическое нарушение режима работы водителя, выразившееся в склонении его к совместному пьянству и понуждению к управлению машиной в пьяном состоянии лицом, от которого шофер был по службе зависим, и оно само обязано было следить за строгим соблюдением всех правил безопасности движения, последнее несет ответственность за грубое нарушение правил эксплуатации транспорта.

Сложнее обстоит дело, если находящегося за рулем водителя склонило к пьянству недолжностное лицо, которому тот не подчинен, и в результате наступили тяжкие последствия. Судебная практика в соответствии с указанием Пленума Верховного Суда СССР от 6 октября 1970 г. квалифицирует действия такого лица как соучастие в преступном нарушении правил вождения машин, т. е. по ст. ст. 17 и 217 УК Казахской ССР.

Так, приговорам областного суда на различные сроки лишения свободы осуждены Г., К. и М. Двое последних признаны виновными (по ст. ст. 17 и 217 УК Казахской ССР) в том, что во время вывозки хлеба на закрепленной за Г. автомашине ГАЗ-51 вовлекли последнего в совместное пьянство, в нарушение правил безопасности движения ехали в кабине вчетвером. В пути следования через открывшуюся дверь кабины сидевший с краю Л. выпал и от полученного удара скончался. Приговор Областного суда Коллегией по уголовным делам Верховного Суда республики, рас-

смаатривавшей это дело в кассационном порядке, признан правильным и оставлен без изменения.

Лица, склоняющие к совместному пьянству находящегося за рулем водителя, заведомо предвидят и сознают, что в дальнейшем, во время управления автомашиной пьяный шофер может совершить нарушение правил движения, создать угрозу безопасности движения. Эти лица к приведению водителя в состояние опьянения относятся с прямым умыслом, а к его непосредственному результату — созданию угрозы безопасности движения — с косвенным умыслом, т. е. они его не желают, но допускают. При этом как водитель, так и лица, склоняющие его к употреблению спиртных напитков, фактически едины в намерении совместно пьянствовать и молчаливо выражают согласие с тем, что машиной будет управлять пьяный водитель, который по своему состоянию не может не угрожать безопасности движения.

Однако в судебной практике встречаются факты, когда лица, склоняющие водителя к пьянству и участвовавшие вместе с ним в употреблении спиртных напитков, остаются безнаказанными. В одном из таких случаев «пьяный шофер наехал на толпу, стоявшую у трамвайной остановки. При этом двое погибли и несколько человек получили ранения и увечья. Наказан был один шофер, хотя установлено, что пил он в тот день не один и что его дружки-собутыльники даже в момент аварии находились с ним в автомашине. Отделались они легким испугом, ибо не нашлось в Уголовном кодексе для них статьи»¹.

Конечно, не зная конкретных обстоятельств дела, трудно судить о степени виновности тех, кого автор статьи называет «дружками-собутыльниками» преступника. Однако если твердо установлено, что эти люди, заведомо зная о том, что водителю предстоит управление транспортным средством, все же склоняли его к употреблению спиртных напитков, что привело к тяжелым последствиям, то они не должны уйти от ответственности.

В связи с дополнением уголовных кодексов статьями, предусматривающими наказание за управление транспортными средствами в состоянии опьянения, необходимо привлекать к уголовной ответственности лиц, склоняющих к пьянству находящегося за рулем водителя как за соучастие в создании угрозы безопасности движения.

При этом не меньшая уголовная ответственность возлагается на должностных лиц, виновных в допуске пьяного водителя к управлению транспортом, если в результате этого создана серьезная угроза безопасности движения.

Поэтому ст. 218 УК Казахской ССР, на наш взгляд, нуждается в дополнении второй частью, предусматривающей ответственность руководителей автохозяйств, предприятий и учреждений, которым принадлежит автотранспорт, допустивших к вождению лиц, заведомо находящихся в пьяном состоянии, исключающем возможность безопасного управления транспортом, если в результате этого была действительно создана реальная угроза безопасности движения.

В связи с введением в закон состава, карающего вождение машин в состоянии опьянения, угрожающем безопасности движения, актуальное значение приобретают вопросы судебно-медицинской экспертизы алкогольного опьянения.

В целях усиления «контроля трезвости» водителей машин важно дальнейшее усовершенствование методов первичной диагностики наличия алкоголя в организме, обеспечение всех государственных и общественных инспекторов индикаторными трубками системы Л. А. Мохова и И. П. Шинкаренко, изыскание и введение в практику более совершенных и современных автоматических устройств, фиксирующих факт нетрезвости водителя и др.

¹ Известия, 1972, 27 июня.

К сожалению, в этом деле еще встречаются некоторые недостатки: многие медицинские учреждения вместо актов установленной формы часто выдают справки без штампов и печатей, без указания даты и времени освидетельствования; нередко освидетельствование проводят не врачи, а фельдшера или медицинские сестры.

Медицинское обследование задержанного обычно производится врачами ближайших к месту происшествия учреждений, а в городах — врачами скорой помощи или дежурным судебно-медицинским экспертом. Судебно-следственная практика по делам об автотранспортных преступлениях состоит из клинического обследования, качественных предварительных проб и биохимического исследования крови и мочи на количественное содержание алкоголя.

Таким образом, учитывая индивидуальные особенности реакции каждого организма на алкоголь, степень опьянения лица определяется на основании количественного и качественного методов. При исследовании трезвости учитывается также данные первоначального врачебного обследования нарушителя, занесенные в специальный протокол на месте задержания.

4.4 Общественная опасность личности виновного и индивидуализация ответственности лица, совершившего деяние на почве привычного пьянства или хронического алкоголизма

В случае, когда преступление совершает случайно опьяневшее лицо, говорят об индивидуализации наказания, когда же субъектом преступления признан вменяемый алкоголик, то ставится вопрос об индивидуализации мер воздействия к нему, т. е. о выборе как меры наказания, так и меры медико-воспитательного воздействия. Нами предпринята попытка дать оценку личности лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения для назначения индивидуального наказания.

Ответственность лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения, ничем по закону не отличается от ответственности лиц, действовавших в обычном трезвом состоянии. Поэтому индивидуальные особенности личности виновных и по делам рассматриваемой категории должны учитываться на общих основаниях как обстоятельства, смягчающие ответственность за содеянное, а в некоторых случаях и как обстоятельство, определяющее квалификацию их деяния.

Так, совершение преступления несовершеннолетними является одним из смягчающих обстоятельств (п. 7 ст. 38 УК РСФСР), а совершение преступления лицом, ранее совершившим какое-либо преступление, — отягчающим ответственность обстоятельством (п. 1 ст. 39 УК РСФСР).

Ряд составов в законе сконструирован так, что совершение деяния повторно или особо опасным рецидивистом признается квалифицирующим обстоятельством. Указанные положения закона, относящиеся к характеристике личности совершивших преступление лиц, должны учитываться и при рассмотрении деяний, совершенных в состоянии опьянения.

Например, изнасилование, совершенное лицом, ранее привлекавшимся к ответственности за подобное преступление, или особо опасным рецидивистом, квалифицируется судебной практикой по чч. 2 или 3 ст. 117 УК РСФСР, а умышленное убийство, совершенное лицами, уже отбывшими наказание за аналогичное деяние, — по пп. «и» или «л» ст. 102 УК РСФСР независимо от того, совершено преступление в пьяном или трезвом состоянии.

При установлении критерия оценки факта совершения преступления в состоянии опьянения в соответствии с п. 10 ст. 34 Основ уголовного законодательства

как обстоятельства, отягчающего ответственность виновного, имеет важное значение вопрос о характере и степени общественной опасности не только самих деяний этого рода, но и личности лиц, их совершающих.

Дело в том, что в деяниях, совершенных в обычных условиях трезвыми лицами, при оценке степени общественной опасности лица, вины и меры его ответственности в основном исходят из степени общественной опасности совершенного деяния, определяемой, как правило, тяжестью его вредных последствий. Другие признаки, характеризующие личность виновного (прошлая судимость, низменность мотивов его действий и др.), если они не влияют на квалификацию преступления, учитываются как дополнительные, после фактического «переноса» общественной опасности содеянного на личность виновного, на степень его вины.

Деяния же лиц, находящихся в состоянии опьянения, по своим структурным элементам, образующим их общественную опасность, имеют существенные особенности, отличающие их от деяний, совершенных трезвыми лицами: на первый план в данном случае выдвигаются личностные особенности лица, совершившего преступление в состоянии опьянения. Они в большей мере определяют общественную опасность совершенного и влияют на ее степень. Как нами уже указывалось, пьяный хулиган, насильник или рецидивист-убийца представляют гораздо большую опасность для окружающих, чем те же лица, совершившие те же деяния в обычных условиях. Деяния, совершенные в состоянии опьянения, по форме отличаются особой жестокостью, цинизмом и, как правило совершаются общественно опасным способом; по характеру они почти всегда безмотивные, импульсивные и самими преступниками почти неконтролируемые, а потому для окружающих повышено опасные и трудно пресекаемые. Под влиянием растормаживающего влияния алкоголя на психику вовне проявляется вся общественно опасная сущность, антиобщественная направленность личности виновного. Чем выше опасность личности, тем опаснее ее объективное проявление в конкретном деянии, совершенном в состоянии опьянения.

«Учитывая влияние алкоголя на тенденцию к совершению разного рода насильственных посягательств на граждан, — совершенно правильно писал А. С. Никифоров, — нельзя не отдавать себе отчета в необходимости обращать внимание на это обстоятельство при оценке личности виновного, совершившего несколько насильственных преступлений. Склонность к употреблению спиртных напитков у лиц, совершивших несколько насильственных преступлений под влиянием алкоголя, должна быть признана обстоятельством, повышающим общественную опасность виновных»¹.

Нередко особенности личности виновного, в частности его ответственное общественное или должностное положение, в преступлениях, совершенных в связи с пьянством, могут иметь значение обстоятельств, повышающих общественную опасность деяния. Например, деяния представителя власти, совершенные в состоянии опьянения, характеризуются, с одной стороны, повышенной опасностью, обусловленной несоответствием содеянного с его ответственным должностным положением, а с другой — общественной значимости неправомерных поступков таких лиц, особенно если они связаны с исполнением своих служебных обязанностей.

В соответствии со ст. 34 Основ к обстоятельствам, отягчающим ответственность, относятся:

совершение преступления лицом, ранее судимым;

¹Никифоров А. Н. Общественно-правовая оценка совокупности преступлений (рукопись). М., 1957, с. 85.

совершение преступления организованной группой; совершение преступления из корыстных или иных низменных побуждений;

причинение преступлением тяжелых последствий; совершение преступления в отношении малолетнего, престарелого или лица, находящегося в беспомощном состоянии;

подстрекательство несовершеннолетних к совершению преступления или привлечение несовершеннолетних к участию в преступлении;

совершение преступления с особой жестокостью или издевательством над потерпевшим;

совершение преступления с использованием условий общественного бездействия либо общеопасным способом.

Специального внимания заслуживает вопрос о том, какое значение имеет для определения меры наказания характеристика лица, признанного алкоголиком и совершившего преступление в состоянии опьянения, если содеянное является как бы логическим итогом всего его образа жизни.

Пьянство вне его конкретных антиобщественных проявлений по действующему законодательству не наказуемо. Если привычный пьяница, предаваясь систематическому пьянству, не совершает каких-либо конкретных антиобщественных поступков, нарушающих те или иные охраняемые законом общественные интересы, он фактически не несет за это никакой ответственности. Пьянство осуждается нравственными нормами советского общества. Законодатель исходя из принципов гуманизма считает, что к алкоголику целесообразно применение мер лечения, а не наказания.

В судебной практике, как правило, в отношении лиц, совершивших преступление в связи с привычным пьянством, применяется суровое наказание. При этом отягчающим ответственность фактором служит не само по себе пьянство этого лица, а то или иное проявление его на характере и степени опасности совершенного деяния и личности виновного.

На почве привычного пьянства совершаются хищения социалистического имущества, преступления против личной собственности, из корыстных побуждений, убийства, взяточничество и другие преступления, доставляющие лицу, злоупотребляющему спиртными напитками, средства на их приобретение; изнасилование и другие половые преступления как следствие деградации личности; хулиганство, сопротивление представителю власти и общественности, истязание, телесные повреждения и другие преступления, в основе которых лежат установки, специальные стереотипы, привычные формы проявления алкоголиком себя во время опьянения, фиксированные, выработанные им в процессе длительной практики. Совершение этих деяний алкоголиком вполне обоснованно признается практикой обстоятельством, отягчающим ответственность такого лица.

Основание для подобной юридической оценки действий алкоголиков — изменчивость мотивов совершения преступления.

Обычные мотивы совершения корыстных и половых преступлений сами по себе низменны, но если преступник — привычный пьяница, то изменчивость мотивов еще более усугубляется.

В основе низменных мотивов совершения преступления алкоголиками лежат порочные, противоестественные или извращенные потребности — жажда к самоотравлению или извращенные влечения.

Например, И., некогда работавший кулинаром в одном из ресторанов, страдающий хроническим алкоголизмом, потерял семью, постоянную работу, ночевал где придется, днем скитался по питейным заведениям и, оказывая мелкие услуги посетителям, получал от них в качестве подачки водку, еду. Впоследствии он совершил

убийство и ограбление гражданина Т., который, угостив И. водкой, попросил проводить его домой. И. снял с убитого поношенный плащ и кирзовые сапоги, которые затем продал первому встречному за 25 руб. и купил водку, закуску.

Судебно-психиатрическая экспертиза признала И. вменяемым и ответственным за свои действия. Суд приговорил его к исключительной мере наказания. Отклоняя его жалобу на суровость приговора, коллегия по уголовным делам указала на особую низменность мотива и высокую степень опасности совершенного преступления.

Многие лица, страдающие той или иной формой алкоголизма, представляют общественную опасность в связи с особенностями своей личности. Некоторые категории привычных пьяниц, как было указано, при опьянении имеют склонность к общественно опасному реагированию на самые незначительные события или на некоторые известные ситуации, психически травмирующие их. Эти свойства у них не врожденные, они появляются и укореняются в процессе повседневного пьяного образа жизни, фиксируются как специальный стереотип, как ситуационно-действенная установка. Такие личностные особенности указанных категорий лиц, в случае совершения ими преступления на алкогольной почве, должны быть учтены как отягчающие ответственность обстоятельства.

Так, по делу осужденного У. его жена как потерпевшая показала, что он систематически пил и в состоянии опьянения избивал ее. За пьянство и избиение жены У. неоднократно привлекался к ответственности.

На производстве У. характеризовался отрицательно, часто менял место работы. Приговором народного суда У. осужден по ч. 1 ст. 200 УК Казахской ССР за то, что в состоянии опьянения он пришел на место работы жены и публично избил ее и тех, кто пытался ему препятствовать в этом. С учетом антиобщественного облика личности осужденного суд назначил ему максимальную меру наказания по той статье закона, согласно которой квалифицировано его деяние, — один год лишения свободы.

Указанные выше особенности личности привычных пьяниц приобретают особую социальную опасность, если они проявляются в повторно, а то и в многократно совершаемых преступлениях. Суды, как правило, рассматривают подобного рода факты в качестве обстоятельства, квалифицирующего деяние.

Так, приговором выездной сессии областного суда за умышленное убийство гражданина П., совершенное в состоянии сильного опьянения, приговорен к исключительной мере наказания Я., который до этого дважды отбывал различные сроки наказания за убийства, совершенные им при аналогичных обстоятельствах.

Общественная опасность всякого совершившего преступление лица определяется прежде всего тяжестью совершенного им деяния, а также тем, «насколько совершенный антиобщественный поступок согласуется или, наоборот, расходится со всем строем данной личности, ее взглядами, тенденциями, идеалами и наклонностями»¹.

Общественная опасность лиц, совершивших преступление на почве привычного пьянства, определяет не само по себе привычное пьянство как свойство личности, а то, насколько часто, как и в каких формах это отрицательное (иногда в форме болезни) свойство проявляется в общественно опасных проступках.

В этой связи прав А. С. Никифоров, который указывает, что «конкретная антиобщественная направленность действий виновного в свою очередь является выражением стойкости у виновного тех или иных отрицательных качеств. Стойкость этих качеств, не находя прямого отражения в юридической квалификации совер-

¹Сахаров А. Б. Указ. работа, с. 168–169.

шенных преступлений, является обстоятельством, которое, наряду с другими, имеет значение для выбора мер наказания в рамках установленных законом санкций»¹.

Сказанное выше приобретает особое значение, если будет признана приемлемой предложенная нами конструкция ответственности пьяных за свои действия и в связи с этим в Особенную часть Уголовного кодекса Казахской ССР будет введена специальная статья, предусматривающая ответственность лиц, приведших себя в состояние глубокого опьянения, в котором затем совершено наказуемое деяние.

Установив, насколько совершенное в состоянии опьянения деяние характерно или чуждо данной личности, насколько оно соответствует или противоречит ее основным установкам, нетрудно определить принцип квалификации этого деяния. Если преступление совершено в состоянии глубокого опьянения лицом, на котором не лежала специальная обязанность предвидеть последствия своего опьянения и для которого данное опьянение является случайным эпизодом в жизни, должна идти речь о квалификации его деяния по предлагаемой нами специальной статье закона. По этому же принципу должен очерчиваться круг лиц, степень опьянения которых будет иметь значение для квалификации деяния и подлежит судебно-психиатрической констатации.

4.5 Принудительные меры медицинского характера и применение их к лицам, совершившим деяние на почве привычного пьянства или хронического алкоголизма

Целью наказания по советскому уголовному праву является «исправление и перевоспитание осужденных в духе честного отношения к труду, точного исполнения законов, уважения к правилам социалистического общежития, а также предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами» (ст. 20 Основ).

Основная цель наказания — исправление и перевоспитание осужденных — считается достигнутой лишь в том случае, если под влиянием этого наказания происходит моральное исправление человека, т. е. он не может совершить новое преступление не из-за страха перед законом, а потому что это противоречило бы его новым взглядам и убеждениям. Меры воздействия (в том числе и наказание), применяемые к осужденным, должны быть индивидуализированы с учетом того, в каких пределах они наиболее действенны для данного лица в смысле достижения его морального исправления².

Специфической особенностью лиц, совершивших преступление в связи с привычным пьянством, является то, что в отличие от других категорий преступников, общественная опасность личности этих лиц тесно связана с их привычной тягой к алкоголю. Поэтому в отношении указанной категории преступников наказание не может достигнуть целей морального и юридического их исправления, если они не избавятся от болезни или привычки пьянства.

В связи с этим, если преступление совершено лицом, признанным алкоголиком, действующее законодательство союзных республик предусматривает применение к нему принудительных мер медицинского характера, которые должны быть назначены наряду с наказанием или вместо наказания.

¹Никифоров А. С. Ответственность за совокупность преступлений.— Сов. государство и право, 1961, № 5, с. 66.

²См.: Ной И. С. Вопросы теории наказания в советском уголовном праве. Саратов, 1962, с. 41.

Законодательством республик предусмотрены меры медицинского характера и в отношении алкоголиков, не совершивших преступного деяния, но представляющих известную общественную опасность тем, что на почве пьянства они систематически нарушают правила общежития или совершают иные антиобщественные поступки. Принудительное лечение этих лиц по своей юридической природе мало чем отличается от лечения алкоголиков, совершивших предусмотренное уголовным законом деяние.

Всякие принудительные меры (в частности, принудительное лечение), применяемые к лицам, представляющим общественную опасность, причиняют известные лишения и страдания тем, к кому они применяются. Однако принудительные меры медицинского характера в корне отличаются от наказания. Такие меры, разновидностью которых является принудительное лечение алкоголиков, причиняя лишения и страдания лицу, в отличие от наказания не преследуют карательных целей. Если наказание призвано карать и исправлять преступника, то меры медицинского характера, применяемые к алкоголикам, преследуют цели защиты общества от возможных опасных действий последних путем лечебно-воспитательного воздействия¹. «В этом смысле меры медицинского характера, — как правильно подчеркивал М. Д. Шаргородский, — с полным правом могут именоваться мерами социальной защиты, в отличие от мер наказания, к которым этот термин не применим...»². Действующее законодательство хотя и исключило из уголовно-правового оборота термин «меры социальной защиты», употреблявшийся ранее вместо понятия наказания³, однако применяемые к алкоголикам принудительные меры медицинского характера по существу являются таковыми.

Принудительное лечение вменяемых и невменяемых алкоголиков, совершивших общественно опасные деяния, предусмотренные законом, и не совершивших их, имеет одно и то же основание применения — та или иная степень общественной опасности личности. Если личность алкоголика не представляет никакой угрозы для общественной безопасности, то нет и оснований для применения к нему мер социальной защиты — принудительных мер медицинского характера: такие алкоголики подлежат лечению на общих основаниях.

Принудительные меры медицинского характера, применяемые советским законодательством к душевнобольным, а также к алкоголикам и наркоманам, хотя и именуются «мерами социальной защиты», не имеют ничего общего с аналогичным понятием, применяемым в буржуазном праве.

Как правильно отмечал М. Д. Шаргородский, у нас «меры социальной защиты» могут применяться только к совершившему общественно опасное действие судом на основе закона, т. е. в советском уголовном праве применение мер социальной защиты ни в какой мере не нарушает принципов социалистической законности, а, напротив, служит укреплению законности в обществе и обеспечению безопасности граждан»⁴.

¹См.: Шаргородский М. Д. Наказание по советскому уголовному праву. М., 1958, с. 170; Соловьев А. Д. Вопросы применения наказания по советскому уголовному праву. М., 1958, с. 15; Ной И. С. Указ. работа, с. 135.

²Шаргородский М. Д. Указ. работа, с. 170.

³Термин «меры социальной защиты», как известно, в советском уголовном законодательстве долгое время применялся вместо понятия «наказание». Он впервые был введен Основными началами 1924 года, а затем воспринят уголовными кодексами республик. В законах, изданных после 1934 года, понятие «наказание» восстановлено в своем значении. Но термин «меры социальной защиты» как синоним наказания окончательно отвергнут Основами 1948 года и действующими ныне УК союзных республик.

⁴Шаргородский М. Д. Указ. работа, с. 11.

Необходимо подчеркнуть, что меры социальной защиты, предусмотренные советским законодательством, в отличие от тех же мер по буржуазному праву, не содержат ничего, что калечило бы человека физически или морально. Достаточно указать на принудительную кастрацию и стерилизацию, применяемую в качестве мер социальной защиты против душевнобольных, алкоголиков и наркоманов в некоторых капиталистических странах¹.

Меры социальной защиты, применяемые в нашей стране, предусматривают только лечебно-воспитательное воздействие на душевнобольных, алкоголиков и других психически неполноценных лиц, представляющих общественную опасность, и преследуют цели не только обезопасить общество от опасных действий этих лиц, но и излечить таких людей, помочь им встать в ряды полноценных советских граждан².

По действующему советскому законодательству меры социальной защиты в форме принудительного лечения применяются к следующим категориям алкоголиков:

а) совершивших общественно опасное деяние, но признанных невменяемыми, следовательно, неотвественными за содеянное (ч. 2 ст. 11 Основ и соответствующие статьи УК союзных республик);

б) совершивших общественно опасное деяние во вменяемом состоянии, но признанных невменяемыми к моменту вынесения приговора и, следовательно, ответственных за содеянное только после выздоровления (ч. 2 ст. 2 Основ и соответствующие статьи УК союзных республик);

в) совершивших общественно опасное деяние и признанных вменяемыми и ответственными за содеянное (ч. 2 ст. 12 УК Казахской ССР, ст. 62 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик);

г) не совершивших конкретного уголовно наказуемого деяния, но уклоняющихся от добровольного лечения или продолжающих пьянствовать после лечения, нарушающих трудовую дисциплину, общественный порядок и правила социалистического общежития, несмотря на принятые к ним меры общественного или административного воздействия (ст. 17 Указа Президиума Верховного Совета РСФСР «О мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма» и соответствующие законодательные акты других республик).

Принудительные меры медицинского характера, применяемые к указанным категориям алкоголиков, хотя и исходят из общего для всех этих лиц основания (их общественной опасности) и общих целей (предупредить их общественно опасные действия и излечить от болезненной тяги к алкоголю), но существенно различаются в зависимости от того, к какой из этих категорий алкоголиков они будут применены. В соответствии с этим различны и формы осуществления, а также характер лечебно-воспитательных мер.

¹Так, например, принудительная и добровольная кастрация и стерилизация некоторых категорий преступников и душевнобольных (а также алкоголиков и наркоманов) предусматривается Финским законом о кастрации и законом о стерилизации от 17 февраля 1950 г. См.: Современное зарубежное уголовное право, т. II, М., 1958, с. 214—215. Такие меры практикуются в ряде штатов США, а также в Дании и Швеции. См.: Шаргородский М. Д. Указ. работа, с. 180.

²О том, каких целей буржуазное общество стремится достичь мерами социальной защиты можно судить по тому, что один из сторонников слияния наказания и мер общественной безопасности — создатель Международного общества социальной защиты (1974 г.) Филиппо Грамматика прямо пишет, что государство не должно ограничиваться охраной правовых благ, оно должно улучшать «человеческие качества» граждан (См.: М. Д. Шаргородский. Современное уголовное законодательство и право. М., 1961, с. 29—30).

Остановимся на краткой характеристике различных правовых форм организации принудительного лечения алкоголиков, признанных общественно опасными по действующему законодательству.

В соответствии со ст. 11 УК РСФСР не подлежат наказанию, а должны подвергаться принудительным мерам медицинского характера такие алкоголики, которые признаны невменяемыми в момент совершения преступления или, хотя и были вменяемы в этот момент, заболели до вынесения судом приговора такой формой (алкогольного) расстройства душевной деятельности, которая лишила их возможности отдавать отчет в своих действиях или руководить ими.

Привычное пьянство и состояние хронического алкоголизма, как правило, не исключают вменяемости. Невменяемыми хронические алкоголики признаются в исключительных случаях, когда деградация личности настолько значительна, что может быть приравнена к психической болезни¹.

Психическими расстройствами алкогольного характера являются острые алкогольные психозы в форме бело-горячечного состояния или алкогольного галлюциноза, корсаковский психоз, приступы дипсомании и алкогольный бред ревности. Если преступление совершено лицом во время указанных выше состояний острого алкогольного расстройства психики или оно заболело ими после совершения преступления до вынесения приговора, такое лицо может быть признано в отношении совершенного деяния либо вовсе невменяемым, либо вменяемым только после выздоровления.

Таким образом, основанием для применения принудительных мер медицинского характера к указанной категории алкоголиков является общественная опасность их личности, обусловленная болезненным расстройством психики и выраженная в той или иной мере в совершении общественно опасного деяния.

Принудительными мерами медицинского характера по УК Казахской ССР (ст. 11) являются:

- а) принудительное лечение с передачей под наблюдение районного психиатра и на попечение родственников или специально назначенных лиц;
- б) помещение в лечебное заведение;
- в) помещение в лечебное заведение, соединенное с изоляцией.

УК РСФСР (ст. 58) и УК всех других республик, в отличие от УК Казахской ССР, таковыми признают

- а) помещение в психиатрическую больницу общего типа;
- б) помещение в психиатрическую больницу специального типа.

Кроме указанных выше двух типов психиатрических больниц, УК Эстонской ССР (ст. 59) предусматривает также «принудительное лечение в учреждениях для хронических душевнобольных». Очевидно, здесь имеется в виду психиатрическая больница общего типа, предназначенная для лечения затяжных и хронических форм психических заболеваний.

Таким образом, УК Казахской ССР существенно отличается в данном случае от УК других союзных республик тем, что передача невменяемого под наблюдение районного психиатра и на попечение родных в нем рассматривается как принудительная мера медицинского характера.

На наш взгляд, такое расширение круга принудительных мер является необоснованным. Тем более, что и ранее действовавшее у нас законодательство², и дей-

¹См.: Судебная психиатрия. М., 1978.

²Статья 24 УК РСФСР (ред. 1926 года) гласила: «Мерами социальной защиты медицинского характера являются:

- а) принудительное лечение;
- б) помещение в лечебное заведение в соединении с изоляцией».

ствующие ныне УК всех других союзных республик не признавали и не признают эти меры принудительными¹. На аналогичной позиции стоит и судебная практика.

Поэтому представляется желательным исключить из числа принудительных мер медицинского характера, предусмотренных ст. 11 УК Казахской ССР, принудительное лечение с передачей под наблюдение районного психиатра и на попечение родственников или специально назначенных лиц.

Необходимо также унифицировать термины, применяемые для обозначения вида режима принудительного лечения, и тем устранить имеющиеся расхождения между УК различных республик. Например, в законодательстве Казахской ССР и Узбекской ССР не установлены принцип и критерии определения вида принудительного лечения лица, совершившего преступление и признанного невменяемым.

В отличие от этого, ст. 58 УК РСФСР и соответствующие нормы УК всех других республик устанавливают, что помещение в психиатрическую больницу специального типа (по терминологии ст. 11 УК Казахской ССР — «помещение в лечебное заведение, соединенное с изоляцией») может быть назначено в отношении душевнобольного, представляющего по своему психическому состоянию и характеру совершенного им общественно опасного деяния особую опасность для общества. Менее общественно опасные душевнобольные подвергаются принудительному лечению в психиатрической больнице общего типа (по тексту ст. 11 УК Казахской ССР — «в лечебном заведении»).

Таким образом, УК РСФСР и другими союзными республиками предусмотрен принцип, согласно которому вид или режим принудительного лечения избирается судом в зависимости от степени общественной опасности лица, признанного невменяемым. Последняя определяется в зависимости от его душевного заболевания, характера и степени опасности совершенного им деяния. Это прямо указано в ст. 60 УК РСФСР и соответствующих статьях УК ряда других союзных республик.

Поскольку в УК Казахской ССР нет специальных указаний о принципах назначения принудительных мер медицинского характера, судебные органы республики испытывают известные затруднения при определении вида принудительного лечения.

В УК Казахской ССР нет также нормы, устанавливающей порядок зачета времени принудительного лечения лицу, которое после совершения преступления или во время отбывания наказания заболело душевной болезнью и которому после выздоровления предстоит отбывать (или продолжать отбывание) наказание за совершенное им деяние. В отличие от этого ст. 61 УК РСФСР и соответствующие нормы УК других союзных республик устанавливают, что если лицу после выздоровления предстоит отбывать (или продолжать отбывание) наказание, то время, в течение которого применялись принудительные меры медицинского характера, засчитывается ему в срок наказания. Указанные пробелы законодательства республики, на наш взгляд, нуждаются в восполнении.

Статья 6 УК РСФСР (ред. 1926 года) и соответствующие статьи УК Украинской ССР, Армянской ССР, Грузинской ССР, Туркменской ССР и Таджикской ССР (ред. 1926—1927 гг.)² допускали применение мер медико-педагогического и медицинско-

¹Статья 60 УК РСФСР и соответствующие статьи УК некоторых других республик подчеркивают: «Если суд не сочтет необходимым применение к душевнобольному принудительных мер медицинского характера, а равно в случае прекращения применения таких мер, суд может передать его на попечение родственникам или опекунам при обязательном врачебном наблюдении». Стало быть, по УК этих республик, попечительство и врачебное наблюдение душевнобольных не являются принудительными мерами.

²См.: Систематизированный текст общесоюзных уголовных законов и уголовных кодексов союзных республик. М., 1948, с. 165—166.

го характера, если суд признает несоответствующим данному случаю применение наказания, а также и в дополнение к наказанию, если эти меры не были применены соответствующими органами до судебного разбирательства. В соответствии с этим постановлением закона к алкоголикам, совершившим преступление и признанным вменяемыми и виновными, могли быть применены меры медицинского характера как вместо наказания, так и в дополнение к наказанию.

В законе указывалось: «Если судом установлено, что отец избивает своих детей в периоды запоя, в остальное же время хорошо с ними обращается, суд может постановить о неприменении к нему наказания и направления на принудительное лечение... Если судом будет установлено, что отец убил в состоянии запоя своего ребенка, суд может приговорить его к лишению свободы (в качестве основного наказания) и вместе с тем направить его на принудительное лечение в качестве дополнительной меры»¹.

Действующие Основы и УК союзных республик не предусматривают возможность применения к душевнобольным, признанным вменяемыми и виновными в совершении преступного деяния, вместо наказания мер медицинского характера; к указанной категории душевнобольных также не применяются в качестве дополнительной меры воздействия принудительные меры медицинского характера. Исключения составляют алкоголики и наркоманы, совершившие преступление и признанные вменяемыми. К ним действующим законодательством принудительное лечение может быть применено наряду с наказанием.

Такая норма предусматривается ч. 2 ст. 12 УК Казахской ССР и УК Узбекской ССР, ч. 2 ст. 14 УК Украинской ССР. В УК РСФСР (ст. 62) и других республик аналогичная норма выделена в специальную статью, введенную в главу «О принудительных мерах медицинского и воспитательного характера».

Принудительное лечение применяется к алкоголику, осужденному за совершенное преступление, не потому, что он совершил это преступление в состоянии опьянения или на почве пьянства, а в связи с признанием его алкоголиком. Основаниями для применения принудительных мер медицинского характера к этой категории лиц являются, во-первых, факт признания их алкоголиками и, во-вторых, установление в их действиях состава преступления. Поэтому следует признать более удачной позицию тех УК союзных республик, которые эту норму выделяют в самостоятельную статью, а не помещают в статье, предусматривающей условие ответственности за преступление, совершенное в состоянии опьянения.

В то же время, исходя из различия терминов и словесных формулировок, употребляемых по-разному в законодательстве различных республик, некоторые авторы, на наш взгляд, не совсем правильно усматривают какие-то «неточности» и «неудачи» в позиции законодателя отдельных республик. Например, некоторым «представляется не вполне удачной позиция ч. 2 ст. 14 УК Грузинской ССР и ч. 2 ст. 12 УК Казахской ССР, допускающих лечение не всех алкоголиков, а только «привычных»². Понятие «привычный алкоголик», как они полагают, не поддается точному определению, в то время как это наиболее доступное для всех выражение, синоним специального медицинского термина «хронический алкоголик».

Принудительное лечение алкоголиков и наркоманов, совершивших преступление и признанных вменяемыми, применяется судом как мера медицинского характера, дополняющая наказание. Рассмотрим задачи, которые преследует наказание. Первая заключается в излечении от привычки или болезни алкоголизма и являет-

¹Уголовный кодекс РСФСР. Комментарий. М., 1941, с. 32.

²См.: Улицкий С. Я. Применение законодательства о принудительном лечении больных алкоголизмом. Владивосток, 1978, с. 4.

ся предпосылкой, условием второй — исправления и перевоспитания алкоголика, совершившего преступление.

Поскольку алкоголик — лицо в известной мере социально-деградированное — и его деяние нередко — следствие его порочной привычки или болезни, постольку наказание, примененное к нему, достигает цели только в общепреентивном смысле, а специально превентивная цель наказания не будет в полной мере достигнута. В частности, при этом не может быть и речи о достижении цели перевоспитания и исправления совершившего преступление алкоголика.

Большинство юристов под перевоспитанием понимает коренную переделку сознания осужденного, а также преодоление глубоко укоренившихся его антисоциальных взглядов и навыков путем привития ему социально полезных привычек и норм коммунистической морали. Под исправлением обычно понимают «изменение у осужденного отдельных черт личности, отдельных свойств характера, имеющих у него отдельных порочных привычек, взглядов, навыков поведения»¹.

В силу социальной деградации личности алкоголиков многим из них присущи такие черты характера, как цинизм, грубость, лживость, нравственная тупость, ограниченность интересов, низменность потребностей и т. п. Кроме того, им свойственна постоянная тяга к алкоголю при их резкой непереносимости самых малых его доз, что влечет за собой беспробудное пьяное состояние.

Для обеспечения специальной превентивной цели наказания необходимо исправить указанные выше свойства личности осужденного алкоголика. Поскольку в основе этих свойств личности лежат не только пороки воспитания, но и развившаяся на этой почве алкогольная болезнь, задача перевоспитания алкоголиков не может быть полностью решена в условиях обычного исправительно-трудового воздействия. Вот почему алкоголику, признанному виновным в совершении преступления, необходимы принудительные меры медицинского характера как дополнительные к наказанию².

В связи с тем, что принудительное лечение является дополнительной мерой к назначенному наказанию, возникает ряд вопросов, связанных с их осуществлением наряду с наказанием по приговору суда и по ходу исполнения приговора, а также проблемы деятельности учреждений, в которых осужденные алкоголики наряду с отбыванием наказания должны проходить принудительное лечение и зачета времени лечения в срок наказания и др.

В ч. 2 ст. 12 УК Казахской ССР на этот счет имеется лишь очень неопределенное указание: «Принудительное лечение этих лиц (признанных алкоголиками и наркоманами.— Б. Б.) осуществляется в местах лишения свободы или в специальных учреждениях». Часть 2 ст. 12 УК Узбекской ССР, предоставляющая суду

¹Куфаев В. И. Понятие и педагогические принципы исправления и перевоспитания заключенных. М., 1959, с. 8; см. также: Киселева Б. И. Труд как основа исправления и перевоспитания.— Тезисы докладов и научных сообщений на теоретической конференции, посвященной вопросам советского исправительно-трудового права. М., 1969, с. 32. Против различия исправления и перевоспитания выступает И. С. Ной, который эти понятия отождествляет (см.: Ной И. С. Указ. работа, с. 47—50).

²В связи с изложенным вряд ли можно согласиться с мнением отдельных авторов, которые назначение принудительного лечения алкоголиков обязательно связывают с фактом совершения преступления на почве пьянства. Так, Б. А. Протченко, а вместе с ним и С. Я. Улицкий для назначения подсудимому принудительного лечения требуют не только установления факта болезни его алкоголизмом, но и «тщательно исследовать порой глубоко скрытые причины совершения преступного деяния... А это позволяет обнаружить даже отдаленную связь между алкоголизмом и преступлением и обоснованно применить принудительное лечение». См.: Протченко Б. А. Принудительные меры медицинского характера. М., 1976, с. 73; Улицкий С. Я. Указ. работа, с. 6; Габияни А. А. Указ. работа, с. 152—153.

право применения принудительного лечения к алкоголикам и наркоманам, вообще не содержит никаких ответов на указанные выше вопросы.

Статья 62 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других союзных республик отличаются от УК указанных двух республик большей полнотой регулирования вопросов по применению принудительного лечения к виновным, признанным алкоголиками или наркоманами.

Так, в соответствии со ст. 62 УК РСФСР алкоголики, «осужденные к мерам наказания, не связанным с лишением свободы, подлежат принудительному лечению в медицинских учреждениях со специальным лечебным и трудовым режимом». А алкоголики, осужденные к лишению свободы, подлежат принудительному лечению во время отбывания наказания, а после освобождения из места лишения свободы, в случае необходимости продления такого лечения, — в медицинских учреждениях со специальным лечебным и трудовым режимом». Подобные меры содержатся в УК БССР (ст. 59), Армянской ССР (ст. 57), Латвийской ССР (ст. 57), Литовской ССР (ст. 60), Молдавской ССР (ст. 56), Туркменской ССР (ст. 60) и Таджикской ССР (ст. 59).

Часть 2 ст. 14. УК Украинской ССР и ч. 2 ст. 12 УК Казахской ССР по этому поводу указывают лишь, что принудительное лечение осужденных алкоголиков «проводится в зависимости от меры уголовного наказания, соответственно в местах лишения свободы или специальных медицинских учреждениях».

Мы полагаем, что под терминами «специальные учреждения», а также «специальные медицинские учреждения», содержащимися в указанных статьях УК Казахской ССР и УК Украинской ССР, законодатель имеет в виду «медицинские учреждения со специальным лечебным и трудовым режимом», упоминаемые в ст. 62 УК РСФСР и в аналогичных нормах УК ряда других республик.

Таким образом, в Казахской ССР и Украинской ССР, как и в других республиках, принудительное лечение алкоголиков (осужденных к лишению свободы) должно осуществляться в местах отбывания наказания или (если они осуждены к мерам наказания, не связанным с лишением свободы) в медицинских учреждениях со специальным лечебным и трудовым режимом. О характере и особенности деятельности этих учреждений пока нет никаких указаний ни в законодательстве, ни в литературе.

Одних алкоголиков, приговоренных к лишению свободы, по нашему мнению, необходимо помещать для принудительного лечения в специальные психиатрические больницы, других — содержать по месту отбывания наказания в условиях трудового режима при исключении возможности употребления спиртных напитков. После отбытия срока наказания такие лица могут быть переведены (для окончания и закрепления результатов лечебно-трудового воздействия) в медицинские учреждения со специальным лечебным и трудовым режимом.

В специальные психиатрические больницы целесообразнее помещать таких осужденных к лишению свободы, которые страдают наиболее запущенными и острыми формами алкогольного заболевания, не исключаящими, однако, вменяемости лица¹.

¹Рапопорт А. М. еще в 1958 году предлагал помещать в психиатрические больницы отдельных алкоголиков, совершивших преступление и нуждающихся в лечении, а именно: а) в случаях острого алкогольного психоза; б) при хронических алкогольных галлюцинозах и параноидах (особенно с идеями ревности); в) при наличии значительных степеней органического поражения мозга с явлениями слабоумия; г) при состояниях тяжелой депрессии (и дисфории, с негативными суицидными стремлениями)». Делать это необходимо «по решениям судов о направлении на принудительное лечение после преступлений, совершенных в состоянии, исключающем вменяемость». — Проблемы судебной психиатрии, сб. IX, М., 1961, с. 392.

Поскольку основным методом лечения алкоголизма до настоящего времени является психотерапия, применять которую принудительно невозможно, постольку для основной массы осужденных к лишению свободы алкоголиков принудительное лечение в специальных больницах представляется нецелесообразным. Применяемые для лечения алкоголизма лекарственные средства могут лишь вызвать у лица отвращение к спиртным напиткам и таким путем привести его к отвыканию от алкоголя, а каких-либо исцеляющих свойств (в смысле восстановления причиненных организму алкогольных разрушений) они не имеют. Но цель ограждения осужденного от алкоголя достигается в местах лишения свободы самим фактом его изоляции, и нет никакой особой необходимости направлять его в специальную психиатрическую больницу.

Задача психиатров мест лишения свободы, «должна заключаться в том, чтобы этот период вынужденной трезвости осужденных алкоголиков правильно использовать в целях отвоевания их воли на свою сторону и мобилизации ее на борьбу с искушением алкоголизма»¹.

Я. М. Калашник склонен считать, что нет необходимости назначения принудительного лечения алкоголикам, которые отбывают длительные сроки наказания в местах лишения свободы. «В этих случаях, — пишет он, — благотворное влияние может оказать само пребывание в условиях, связанных с длительным лишением алкоголя»².

Я. М. Калашник, на наш взгляд, упускает из виду то обстоятельство, что одним только длительным лишением алкоголика заветного для него напитка можно добиться многого, но не всего. Таким путем не будет достигнуто, пожалуй, самое главное — умение воздерживаться от алкоголя по своей воле.

По этому вопросу Ф. Канабус придерживается следующего мнения: «Так называемое воздержание от питья под угрозой или принуждением можно достичь нацеленным револьвером или тюремным заключением, но пока не вызовем в психике алкоголика этого акта воли, после которого он сможет воздержаться от питья без угрозы и без принуждения, не можем говорить об излечении его от порока»³.

Я. М. Калашник, безусловно, прав в одном: алкоголиков, подвергнутых лишению свободы на длительные сроки, нет надобности помещать в специальные больницы для принудительного лечения от алкоголизма. Но следует учесть, что опасным в смысле наступления рецидива является особенно первое время после освобождения алкоголика из мест лишения свободы⁴.

¹Польский психиатр Феликс Канабус пишет: «...достигает ли цели применение принудительно отвыкательного лечения в тюрьме?— Решительно нет, не только принудительное, но и добровольное. Если угроза применения, отталкивающих средств направлена на то, чтобы добиться достаточно длительного периода трезвости, то в тюрьме достигается многолетний или по крайней мере многомесячный период трезвости и без этих средств, благодаря самому факту изоляции. В этот период становится очень важной роль психиатра, психолога или воспитателя, которые должны использовать этот период на то, что я назвал взыванием к высшим инстанциям человечности алкоголика». (Канабус Ф. Применять ли принудительное лечение к алкоголикам-заключенным? — *Prawo i Życie*, 1960, № 11 (107).

²Калашник Я. М. Принудительное лечение алкоголиков.— *Сов. юстиция*, 1962, № 19, с. 19.

³Канабус Ф. Указ. работа.

⁴Верно подмечена Ф. Канабусом психология алкоголиков, освобожденных из мест лишения свободы. Он пишет: «Не один после выхода из заключения захлебывается не только воздухом. Наблюдения показывают, что очень часто первые шаги из тюрьмы освобожденный человек направляет в пивную. Хотя ему этого алкоголя и не очень сильно не доставало. Может быть у него даже угасла потребность в нем, может быть он даже заметил, что ему без водки лучше. Но там ему пить нельзя, а здесь можно. И часто эта первая «вольная» рюмка вырастает с годами в море водки» (Канабус Ф. Указ. работа).

Поэтому алкоголиков, отбывающих длительный срок наказания в условиях, включающих употребление алкоголя, достаточно за определенный промежуток времени до освобождения подвергнуть такому лечебному воздействию, которое может подготовить их к добровольному воздержанию от алкоголя на свободе.

Таким образом, осужденные к лишению свободы алкоголики подвергаются принудительному лечению в основном по месту отбывания наказания, где должны быть созданы соответствующие условия, обеспечивающие нужный лечебно-трудовой режим.

Претворяя в жизнь постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 16 мая 1972 г. «О мерах усиления борьбы с пьянством и алкоголизмом», суды активизировали работу по применению принудительного лечения к осужденным алкоголикам. Только в 1972 году число таких приговоров по республике возросло до 89, а в 1980 году — до более 200. Этому способствовали вновь принятые законодательные акты, партийно-правительственные решения и специальное постановление Пленума Верховного Суда СССР «О задачах судов по выполнению постановлений ЦК КПСС, Совета Министров СССР и указов Президиумов Верховных Советов союзных республик о мерах по усилению борьбы против пьянства и алкоголизма»¹ от 11 июля 1972 г. № 3, которое указало судам на недостатки применения положений законодательства о принудительном лечении алкоголиков, осужденных за совершенные преступления, а также дало четкие разъяснения по их правильному и эффективному применению.

Резкий рост преступлений осужденных алкоголиков, которым наряду с наказанием назначено принудительное лечение, в свою очередь привел к развитию исправительно-трудовых учреждений: по каждому виду режима определились ИТК, в которых организована соответствующая наркологическая служба по обеспечению режима отбывания наказания, соединенного с лечением от алкоголизма. В настоящее время в Казахской ССР, как и в других регионах страны, имеется достаточное число специализированных ИТК такого рода.

Хотя в УК Казахской ССР нет указаний о зачете времени принудительного лечения в срок наказания осужденных алкоголиков, этот вопрос, мы полагаем, будет решен положительно для тех алкоголиков, которые подвергнуты такому лечению в местах лишения свободы.

Под медицинским учреждением со специальным лечебным и трудовым режимом, в котором должны подвергаться принудительному лечению алкоголики, осужденные к мерам наказания, не связанным с лишением свободы, на наш взгляд, законодатель понимает лечебно-трудовые наркологические профилактории со специальным режимом, входящие в систему министерств внутренних дел союзных республик.

В настоящее время подобные профилактории открыты и функционируют во всех союзных республиках.

До открытия специальных лечебно-трудовых наркологических учреждений общественно опасные алкоголики, подлежащие принудительному лечению вне мест лишения свободы, подвергались такому лечению в условиях общих психоневрологических больниц и диспансеров. Но последние никак нельзя приравнять к «специальным учреждениям» для принудительного лечения алкоголиков или наркоманов, о которых упоминается в законе (ч. 2 ст. 12 УК Казахской ССР). Они относятся к общим лечебным учреждениям, которые законодательством республик не наде-

¹Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР, 1924—1977, ч. 1. М., 1978, с. 26—27.

лены функциями принудительного лечения алкоголиков, совершивших уголовно наказуемое деяние¹.

Алкоголики «нуждаются в учреждениях особого типа, где в условиях вынужденного воздержания при наличии трудовой терапии, физиотерапии и мер лечебно-воспитательного характера производится наряду с физическим оздоровлением также и систематическое перевоспитание больного путем постепенного сообщения ему здоровых умственных, моральных и волевых навыков, его личной активности в борьбе с болезнью»².

Таковыми учреждениями могут быть только специальные лечебно-трудовые наркологические профилактории для принудительного лечения общественно опасных алкоголиков, которые именуется советским законодателем «специальными учреждениями» (ч. 2 ст. 12 УК Казахской ССР) или «медицинскими учреждениями со специальным лечебным и трудовым режимом» (ст. 62 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других республик).

Лечебно-трудовые профилактории, функционирующие в Казахской ССР, ныне дифференцируются по составу контингента лиц, помещаемых в них для принудительного лечения, — для алкоголиков и наркоманов, ранее судимых и отбывавших наказание в местах лишения свободы. Лица, страдающие алкоголизмом, осужденные за совершенные преступления к мерам наказания, не связанным с лишением свободы, а также освобожденные из ИТУ алкоголики, которым необходимо продолжить принудительное лечение, назначенное судом, могут быть помещены в специализированные ЛТП, о чем прямо указано в чч. 2 и 3 ст. 62 УК РСФСР³.

Поскольку принудительное лечение, как и всякие другие принудительные меры медицинского характера, не мера наказания, время, в течение которого лицо подвергалось такому лечению вне исправительно-трудовых учреждений, не должно засчитываться в наказание, если даже субъект находился при этом в специальном лечебно-трудовом профилактории.

Принудительное лечение совершивших преступление алкоголиков применяется судом, как специально подчеркнуто в законе, «независимо от наказания» (см. ч. 2 ст. 12 УК Казахской ССР, ч. 1 ст. 60 УК Эстонской ССР и соответствующие нормы УК других республик) или «наряду с наказанием» (см. ч. 1 ст. 62 УК РСФСР и соответствующие статьи УК других республик).

Стало быть, по мысли законодателя, факт применения принудительного лечения к виновному не должен влиять на назначение ему меры наказания. В связи с этим, на наш взгляд, ошибочна точка зрения о невозможности применения ряда мер наказания к совершившим преступление алкоголикам, которых суд найдет нужным направить на принудительное лечение.

Так, по мнению И. К. Шахриманьян, к алкоголикам и наркоманам, которых суд подвергает принудительному лечению, не могут быть применены такие виды наказания, как принудительные работы без лишения свободы, направление в дисциплинарный батальон, ссылка, высылка, возложение обязанности загладить причиненный вред. «Другими словами, — указывает он, — принудительное лечение

¹Принудительное лечение совершивших преступление алкоголиков в условиях общих лечебных учреждений предусмотрено только законодательством Эстонской ССР (ч. 2 ст. 60 УК). Полагаем, что законодатель имел в виду подвергать в этих учреждениях принудительному лечению только таких алкоголиков, характер заболеваний которых не требует особых мер лечебно-трудового воздействия на них в условиях специальных учреждений.

²Введенский И. Н. Принудительное лечение душевнобольных и психопатов. — В кн.: Душевнобольные правонарушители и принудительное лечение. Под. ред. П. Б. Ганнушкина. М., 1929, с. 10.

³См.: Улицкий С. Я. Указ. работа, с. 16—17.

алкоголиков и наркоманов исключает возможность применения к ним мер наказания, связанных с пребыванием осужденного где-либо, кроме мест лишения свободы и медицинских учреждений со специальным лечебным и трудовым режимом»¹.

Мы полагаем, что указанные выше виды основных и дополнительных мер наказаний могут быть назначены виновному наряду с принудительным лечением его как алкоголика. Некоторые из них, например исправительные работы без лишения свободы, вопреки утверждению И. К. Шахриманьян, можно совместить с принудительным лечением на месте отбытия наказания. Это прямо предусмотрено ч. 3 ст. 60 УК Эстонской ССР, которая гласит: «Исправительные работы могут по указанию органов, ведающих этими работами, отбываться алкоголиками и наркоманами в учреждениях со специальным лечебным и трудовым режимом». Все остальные виды наказания, в случае их применения к совершившим преступление алкоголикам, могут быть отсрочены до излечения их.

Таким образом, сам по себе факт признания лица алкоголиком и применения к нему принудительного лечения не влечет ни количественного снижения наказания, ни качественного его изменения. Поэтому вряд ли можно согласиться с попытками некоторых авторов усматривать в мерах принудительного лечения алкоголиков какие-то особые уголовно-правовые меры, основанные на признании алкоголика уменьшением вменяемым лицом.

Так, А. М. Рапопорт предлагал организовать для совершивших преступление алкоголиков, которые не относятся к «уголовникам-рецидивистам» и у которых основная и единственная причина совершенного преступления — хроническая, а порой и «случайная» алкогольная интоксикация, — «особые исправительно-трудовые учреждения с усиленным медицинским обслуживанием, типа реформаториев».

По мысли автора, «направленные сюда по приговорам судов на определенный срок правонарушители-алкоголики не смешивались бы с прочими уголовными преступниками, а в условиях твердого трудового режима не только отвыкали бы от алкоголя, но и проходили бы надлежащую медико-педагогическую обработку, дающую реальные шансы на избавление от алкоголизма»².

А. М. Рапопорт по существу говорит о таких специальных исправительно-трудовых учреждениях, которые ныне уже созданы — о лечебно-трудовых наркологических профилакториях, но рассматривает их как место отбывания назначенного по приговору наказания. В основе такого предложения лежит отождествление наказания с принудительными мерами медицинского характера. Подобный взгляд допускает возможность замены наказания мерами медицинского характера и исходит из предложения, что цели наказания преступников-алкоголиков могут быть достигнуты не наказанием и лечением, а только лечением.

Такое мнение основано на игнорировании факта признания совершившего преступление алкоголика лицом, вменяемым и способным нести уголовную ответственность за свои действия. Последовательное проведение этой точки зрения в жизнь могло бы привести к отказу от общепреventивных целей наказания рассматриваемой категории преступников.

И. К. Шахриманьян считает, что принудительное лечение алкоголиков и наркоманов не является ни мерой наказания, ни принудительной мерой медицинского характера, подобной той, которая применяется к душевнобольным. Это особые принудительные меры, применяемые к алкоголикам и наркоманам, которых он склонен рассматривать как уменьшенно вменяемых лиц.

¹Шахриманьян И. К. К вопросу о так называемой уменьшенной вменяемости.— Вестник ЛГУ, 1961, № 23, вып. 4, с. 176.

²Рапопорт А. М. Указ. работа, с. 394—395.

Он предлагает подвергать таких лиц особым мерам в специальных учреждениях, приспособленных для соединения лечения с мерами наказания. По его мнению, при назначении индивидуального наказания за преступление, совершенное алкоголиком или наркоманом, судья в основном должен учитывать особенности личности подсудимого и избирать ему такие виды наказания, которые могут быть совмещены с принудительным лечением¹. Таким образом, И. К. Шахриманьян по существу предлагает то же, что и А. М. Рапопорт, — создать специальные учреждения для принудительного лечения алкоголиков и наркоманов, а интернирование их в этих учреждениях засчитывать в срок наказания. При этом И. К. Шахриманьян исходит из того, что законом алкоголики и наркоманы признаются уменьшенно вменяемыми лицами, а принудительное лечение их — особая мера, включающая в себя элементы как наказания, так и лечения этих лиц².

Неправильное толкование юридической природы принудительного лечения, применяемого к совершившим преступление алкоголикам, и понимание его как особой принудительной меры, назначаемой вместо наказания, на наш взгляд, представляет собой попытку ввести в советское уголовное право понятие уменьшенной вменяемости, которого не было и нет в законе³.

Действующее советское законодательство не дает никаких оснований считать, что в нашем уголовном праве существует понятие уменьшенной вменяемости и, соответственно, уменьшенной виновности. Как правильно указывает В. С. Орлов, понятие уменьшенной вменяемости не нашло признания в советском уголовном законодательстве на всем протяжении его исторического развития⁴. Советский суд при назначении наказания исходит из учета характера и степени опасности совершенного деяния и лица, совершившего его, но он не знает понятия «степень вменяемости».

Алкоголики с учетом глубины их алкогольного заболевания и состояния психики, могут быть признаны либо вменяемыми, либо невменяемыми на момент совершения деяния. В первом случае они должны нести ответственность в полной мере, и, как было указано, факт применения к ним мер принудительного лечения не должен влиять ни на вид, ни на срок назначаемого им наказания.

Изоляция от общества, обязательный труд и другие оздоровительные мероприятия принудительного характера, применяемые к алкоголикам в условиях специальных лечебно-трудовых учреждений, преследуют в основном лечебные, а не карательные цели. Эти мероприятия являются средством лечения, поднятия личной активности алкоголика в борьбе со своей болезнью, а не средством исправления и перевоспитания его как преступника.

¹См.: Шахриманьян И. К. Указ. работа, с. 176.

²И. К. Шахриманьян в этой связи пишет: «В таком понятии уменьшенной вменяемости, которое позволило бы суду правильно решить вопрос о характере мер наиболее эффективного воздействия на правонарушителей, — необходимость есть. Это понятие, очевидно, не следует называть уменьшенной вменяемостью, т. е. термином, достаточно скомпрометированным, однако существо этого понятия уже частично воплощено в УК РСФСР 1960 г.» (см. там же).

³В свое время Л. Л. Жижиленко отстаивал необходимость введения понятия уменьшенной вменяемости, а уменьшение вменяемых лиц он предлагал изолировать от общества и подвергать принудительному лечению (см.: Жижиленко А. А. Эволюция понятия уменьшенной вменяемости. — Право и жизнь, 1924, кн. 5—6, с. 46). По его мнению, уменьшение вменяемых лиц целесообразно освободить от уголовной ответственности и применять к ним «особые меры» (см.: Спорные вопросы уменьшенной вменяемости и УК РСФСР, — Право и жизнь, 1924, кн. 7—8, с. 39). Б. Ошерович, считая, что степень вменяемости лица определяет степень виновности, предлагал лицам, признанным уменьшенно вменяемыми, снижать наказание в обязательном порядке (см.: Ошерович Б. К вопросу о степенях виновности. — Ученые записки ВИНУК, вып. I. М., 1940, с. 61—62).

⁴См.: Орлов В. С. Указ. работа, с. 58.

Поэтому различие целей и задач наказания и принудительного лечения должно определять различную юридическую характеристику этих мер, а также мест их осуществления. Как принудительное лечение совершившего преступление алкоголика, признанного вменяемым, не может быть заменено назначенным ему наказанием, так и наказание не может быть заменено полностью или поглощено частично применяемым к нему принудительным лечением.

Принудительное лечение совершивших преступление алкоголиков — специальный вид принудительных мер медицинского характера, предусматриваемых уголовным законом для лиц, представляющих общественную опасность по особенностям их личности. В этой связи УК РСФСР и УК ряда других республик не случайно поместили норму, предусматривающую применение принудительного лечения к алкоголикам, в главе о принудительных мерах медицинского характера.

Основанием для применения принудительного лечения по законодательству республик является наличие у совершившего преступление признаков алкоголизма. Но в отличие от законодательства других республик по УК Украинской ССР, Латвийской ССР и Эстонской ССР для назначения принудительного лечения требуется, чтобы деяние было совершено на почве алкоголизма, т. е. имелась налицо причинная связь между совершенным деянием и алкоголизмом как свойствам данной личности.

Исправление и перевоспитание преступника-алкоголика обязательно предполагает излечение его от алкоголизма. Поэтому, на наш взгляд, целесообразна позиция УК тех республик, которые устанавливают, что принудительное лечение должно назначаться независимо от того, совершено ли деяние непосредственно на почве алкоголизма или оно не находится в причинной связи с этим заболеванием.

По законодательству союзных республик принудительное лечение к совершившим преступление алкоголикам в основном применяется судом по его усмотрению. Но в соответствии со ст. 62 УК РСФСР и аналогичными нормами УК Белорусской ССР, Армянской ССР, Таджикской ССР и Молдавской ССР для вынесения судом постановления о применении к осужденному алкоголику принудительного лечения требуется специальное ходатайство общественной организации коллектива трудящихся, товарищеского суда или органа здравоохранения.

В литературе уже высказывалось мнение о том, что в решении вопроса о применении принудительного лечения к совершившим преступление алкоголикам целесообразно не ставить суд в зависимость от ходатайства общественности или органов здравоохранения. Мы также находим, что единственным основанием применения судом принудительного лечения должен являться факт признания лица алкоголиком и установления в его действиях состава преступления, а не наличие ходатайства общественных организаций или органов здравоохранения.

Вопрос о порядке прекращения принудительного лечения, примененного к осужденному алкоголику, законодательство союзных республик решает по-разному. УК Казахской ССР, Украинской ССР и Узбекской ССР по этому поводу не содержат никаких постановлений. Отсюда следует, что принудительное лечение алкоголиков в этих республиках прекращается на общих основаниях после излечения их по усмотрению лечебных учреждений.

Статья 60 УК Эстонской ССР прямо устанавливает, что принудительное лечение рассматриваемой категории алкоголиков прекращается по решению учреждения, производящего лечение. По законодательству всех других (кроме уже названных) республик прекращение принудительного лечения производится судом по представлению лечебного учреждения, в котором он находится на излечении.

Нам представляется целесообразным установить во всех республиках единый порядок прекращения принудительного лечения, примененного к осужденным ал-

коголикам. Такое решение может принимать только суд. Необходимость установления судебного порядка прекращения принудительного лечения становится совершенно очевидной, если учесть, что лечебные учреждения, наделенные правом прекращения принудительного лечения, как показывает практика, часто делают это преждевременно, в связи с недостаточным количеством мест.

Проблема борьбы с алкоголизмом и его преступными проявлениями сложна и многогранна. И решить ее можно только совместными усилиями органов юстиции, милиции, медицинских учреждений, всей советской общественности.

«Не может быть победы коммунистической морали,— отмечал товарищ Л. И. Брежнев, — без решительной борьбы с такими ее антиподами, как стяжательство, взяточничество, туеядство, клевета, анонимки, пьянство и т. п. Борьба с тем, что мы называем пережитками прошлого в сознании и поступках людей, — это дело, которое требует к себе постоянного внимания партии, всех сознательных передовых сил нашего общества»¹.

¹Материалы XXIV съезда КПСС, с. 84.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. В условиях общества, строящего коммунизм, алкоголизм не имеет каких-либо причин, присущих данному социально-экономическому строю. Отдельные его проявления объясняются пережитками прошлого в сознании и быту, обусловленными отставанием общественного сознания от общественного бытия. Живучести этих пережитков способствуют отдельные промахи и недостатки в организации культурно-воспитательной работы среди населения, а также существование лагеря империализма, который прямо или косвенно стремится оказать разлагающее влияние на советских людей.

Создание материально-технической базы коммунизма опережает рост сознания людей: ведь коммунистическое сознание не утверждается само собой, механически, по мере создания материальных условий. Поскольку алкоголизм — выражение отсталого сознания и низкой культуры, то темп снижения его проявлений будет зависеть от темпа роста сознания и культуры наших людей вообще. Отсюда предупреждение алкоголизма имеет своей прямой предпосылкой задачу не только создания высокого жизненного уровня, но и обеспечения высокой культуры быта, коммунистической идейности и сознательности трудящихся в усвоении всеми принципов морального кодекса коммунизма. Одним из неперемennых условий этой задачи является всемерное усиление и неуклонное проведение в жизнь существующей антиалкогольной политики советского государства.

Для успешной организации борьбы за искоренение пьянства и алкоголизма и связанных с ним антиобщественных явлений необходимо вести планомерную и целенаправленную работу с определенной программой и конкретной задачей формирования прочного, четкого и единого общественного мнения против пьянства и алкоголизма, в основу которого должна быть положена позиция советской антиалкогольной политики.

Осуществление этой задачи направлено на то, чтобы образовать у каждого правильное представление о сущности антиалкогольной политики. Отношение к пьянству и алкоголизму выражено в постановлениях партии и правительства и антиалкогольных законах, в которых рассматриваются следующие вопросы:

- о мерах запретов и ограничений выпуска, завоза и реализации спиртных напитков;

- о мерах репрессии против нарушителей существующих норм антиалкогольного законодательства;

- о мерах антиалкогольного воспитания населения;

- о мерах антиалкогольного лечения, в т. ч. и принудительного лечения больных алкоголизмом.

В связи с этим общественная оценка и морально-правовое отношение к лицам, употребляющим алкоголь, строятся на следующих основных принципах:

- умеренное потребление алкоголя (вне служебных сфер и кроме как несовершеннолетними и некоторыми больными) никем не запрещено и дело свободной совести каждого;

неумеренно потребляющих или злоупотребляющих алкоголем в силу психологической зависимости от него (выпивка с поводами и нередко искусственно надуманными) рассматривать как пьяниц и лиц нравственно порочных;

неумеренно потребляющие алкоголь публично или появляющиеся в нетрезвом состоянии в общественных местах, на производстве — злостные пьяницы и нарушители, оскорбляющие общественную нравственность;

неумеренно потребляющие алкоголь и впавшие в физическую зависимость от него (выпивка без повода и без компании) — алкоголики, больные, заслуживающие сострадания и подлежащие лечению в условиях психиатрической больницы;

неумеренно потребляющие алкоголь в силу психологической или физической зависимости от него и систематически совершающие аморальные поступки и правонарушения, а также уклоняющиеся от лечения по поводу алкоголизма — злостные пьяницы или алкоголики, подлежащие принудительному лечению в условиях лечебно-трудовых профилакториев (ЛТП);

лица, способствующие распространению пьянства путем спаивания несовершеннолетних или иных лиц (с целью вовлечения в пьянство или иную антиобщественную деятельность), — антиобщественные элементы и правонарушители;

лица, способствующие распространению пьянства путем самогонварения, изготовления иных спиртных напитков, а также путем спекуляции ими, — антиобщественные элементы и правонарушители;

лица, способствующие распространению пьянства путем нарушения ограничения торговли спиртными напитками или иных норм антиалкогольного законодательства, — антиобщественные элементы и правонарушители.

Определив принципиальные основы нашего отношения к алкоголю и пьяницам-алкоголикам, необходимо повсеместно вести наступательную борьбу с пьянством и алкоголизмом, преодолевать все еще имеющиеся в этом деле недостатки, привлечь усилия всей общественности, различных министерств и ведомств на решение проблем и актуальных задач борьбы с этим злом.

В целях более широкого охвата лечебной помощью всех лиц, желающих лечиться от алкоголизма, а также и тех, кто избегает по тем или иным причинам огласки этого факта, настало время изучить вопрос об открытии амбулаторных и стационарных лечебниц для так называемых «анонимных алкоголиков», какие ныне имеют место во многих странах мира. Эти лечебные учреждения могут быть открыты за счет средств самих больных или их родных¹.

Резко повысить уровень противоалкогольной пропаганды возможно за счет расширения выпуска антиалкогольной литературы, средств наглядной агитации, улучшения качества и увеличения количества создаваемых хроникально-документальных, научно-популярных фильмов, передач по телевидению и радио. При этом основными направлениями противоалкогольной пропаганды является разъяснение действующего антиалкогольного законодательства, а также наносимого ущерба в результате злоупотребления спиртными напитками отношениям в быту, семье и здоровью граждан, внедрение новых гражданских обрядов и обычаев празднования торжественных событий без употребления спиртных напитков.

¹Об анонимных алкоголиках в Финляндии см.: Jmmonen O. The Alcohol Problem in Finland. The British Journal of Addiction, 1967, vol. 62, № 3/4, pp. 287—293; США см.: Bewley Th., Treatment of Compulsorily Detained Alcoholics. The British Journal of Addiction, 1967, vol. 62, № 3/4, pp. 241—246; в Англии — Glatt M. M. Сегодня развлечение — завтра преступление. The British Journal of Addiction, vol. 70. Suppl. N I, April 1975, pp. 25—34; в Бельгии — Severin — Carlos Versele. Некоторые вопросы борьбы с алкоголизмом в Бельгии. Przegląd Penitencjarny, 1965, nr. 2(6), Warszawa, str. 46—67.

2. Алкоголизм в настоящее время — одна из главных причин преступности в нашей стране. Более того, он существенным образом влияет на состояние преступности, накладывает свой отпечаток на характер и мотивы совершающихся ныне преступлений.

В связи с отпаданием основной социальной причины ее (господства частной собственности на орудия и средства производства, частного присвоения общественного продукта и т. п.) преступность в целом из года в год сокращается; в частности, уменьшается количество тяжких преступлений, совершаемых по корыстным мотивам, рецидивной и профессиональной преступности, серьезных злоупотреблений должностным положением, злостных проявлений неуважения к обществу и т. п. Но в то же время с этим вполне закономерным процессом, отражающим диалектику развития нашего общества связано и другое: повышается значение алкоголизма как фактора преступности. Особенно заметной становится роль алкоголя как средства, резко трансформирующего темпераменты людей в общественно опасные эксцессы, вследствие чего в балансе общей преступности все большим становится удельный вес случайных и неосторожных преступлений.

Таким образом, выдвинутая Программой КПСС задача окончательного искоренения преступности не может быть успешно выполнена, если не будет до конца ликвидирован алкоголизм.

В свете этих задач борьба с алкоголизмом и связанной с ним преступностью должна осуществляться целенаправленно: борьба с алкоголизмом должна учитывать задачи предупреждения его общественно опасных последствий — преступности, а борьба с преступностью, связанной с алкоголизмом, должна предупреждать причины ее — алкоголизм.

Предупреждение преступности, связанной с алкоголизмом, может быть успешно осуществлено только при неуклонном проведении в жизнь установленных ограничений торговли спиртными напитками; строгого контроля трезвости на производстве, особенно на предприятиях, где этого требует само условие безопасного ведения производства; мер задержания появляющихся в пьяном виде в общественных местах и оказания им медицинской помощи; принудительного лечения общественно опасных алкоголиков; мероприятий по созданию общественной атмосферы нетерпимости вокруг пьяниц и пьянства и т. п.

Причины, способствующие совершению преступлений на алкогольной почве, возможно предупредить, если центр тяжести борьбы будет перенесен с момента совершения деяния на момент приведения лицом себя в состояние опьянения, если наказание будет назначено с учетом психического отношения лица не только к совершенному деянию, но и его отношения к приведению себя в состояние опьянения.

В этих целях целесообразно пересмотреть и усовершенствовать существующие положения закона о принудительном лечении общественно опасных алкоголиков, особенно тех, которые совершили конкретные уголовно наказуемые деяния, более четко указав основание, порядок и условие применения и отмены такого принудительного лечения. Для обеспечения неуклонного и эффективного проведения в жизнь установленных мер принудительного лечения алкоголиков необходимо открыть специальные лечебно-трудовые наркологические колонии, в местах лишения свободы создать специальные профилактории для отбывающих наказание алкоголиков и т. п.

3. В нашей стране проблема алкоголизма изучается различными научными учреждениями с позиций самых различных научных дисциплин — медицины, социологии правоведения и др.

По проблемам алкоголизма целесообразно также издавать специализированное периодическое печатное издание, на страницах которого ученым различных науч-

ных направлений можно было бы обмениваться мнениями и организовывать обсуждение наиболее узловых и актуальных вопросов данной комплексной проблемы.

4. Все поставленные выше вопросы должны и могут быть успешно решены на данном этапе развития нашего общества. Но для более успешного решения их нужно дальнейшее развитие науки — криминологии, уголовного права и других смежных отраслей. Для задач криминологии наиболее целесообразной формой использования данных социально-биологических наук, на наш взгляд, является создание криминальной психологии¹. Эта наука как специальная отрасль криминологии должна изучать личность преступника и механизмы преступной деятельности.

Одна из составных частей криминальной психологии — учение о вине, основанное на учете новейших данных советской физиологии и психологии. В частности, анализ и оценка вины и ответственности лица, совершившего преступление в состоянии опьянения, на наш взгляд, могут быть построены с учетом данных психологической науки о роли бессознательного в психике, о соотношении высшего и низшего порогов сознания в регуляции поведения, о формировании психологической установки личности и о месте ее в сознательной деятельности человека и др.

Мы далеко не исчерпали все многообразие форм и методов предупреждения и искоренения алкоголизма и связанной с ним преступности. Эти вопросы должны быть предметом дальнейшего глубокого изучения как криминалистов, так и специалистов других отраслей советской науки. Конечная цель и реальный результат этих изучений — всемерное содействие процессу окончательного искоренения не только преступности, но и алкоголизма в нашей стране.

¹См. подробнее Утевский Б. С. Некоторые вопросы развития теории уголовного права.—Сов. государство и право, 1963, № 6.

Баримбек Сарсенович Бейсенов
АЛКОГОЛИЗМ: УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ
И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Редактор *С. Н. Чихалова*
Оформление художника *И. И. Сулова*
Художественный редактор *Э. П. Батаева*
Технический редактор *М. В. Гридасова*
Корректоры *О. В. Ачкасова, Т. В. Шпякина*

ИБ № 975

Сдано в набор 28.08.80. Подписано в печать 15.01.81. А-05614. Формат $84 \times 108^{1/32}$.
Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая.
Объем усл. печ. л. 10,50; усл. кр.-отт. 10,71; учет.-изд. л. 11,63. Тираж 10000 экз.
Заказ № 6409. Цена 90 коп.

Издательство «Юридическая литература».
121069, Москва, Г-69. ул. Качалова, д. 14.

Областная типография управления издательств, полиграфии и книжной торговли
Ивановского облисполкома, г. Иваново-8, ул. Типографская, 6.